

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

VIII

ПЕТРОПОЛИСЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ^с

И. А. БУНИНА

VIII

НЕСРОЧНАЯ ВЕСНА

ПЕТРОПОЛИСЪ. / 1935 г.

**Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays**

—————
Copyright 1935 by Ivan Bunin..

НЕСРОЧНАЯ ВЕСНА

РОЗА ІЕРИХОНА

Въ знакъ вѣры въ жизнь вѣчную, въ воскресеніе изъ мертвыхъ, клали на Востокъ въ древности Розу Іерихона въ гроба, въ могилы.

Странно, что назвали розой да еще розой Іерихона этотъ клубокъ сухихъ, колючихъ стеблей, подобный нашему перекасти-поле, эту пустынную жесткую поросль, встрѣчающуюся только въ каменистыхъ пескахъ ниже Мертваго моря, въ безлюдныхъ синайскихъ предгоріяхъ. Но есть преданье, что назвалъ ее такъ самъ Преподобный Савва, избравшій для своей обители страшную Долину Огненную, нагую, мертвую тѣснину въ Пустынѣ Іудейской. Символь воскресенія, данный ему въ видѣ дикаго волчца, онъ украсилъ наиболѣе сладчайшимъ изъ вѣдомыхъ ему земныхъ сравненій.

Ибо онъ, этотъ волчець, воистину чудесенъ. Сорванный и унесенный странникомъ за тысячи верстъ отъ своей родины, онъ годы можетъ лежать сухимъ, сѣрымъ, мертвымъ. Но, будучи положенъ въ воду, тотчасъ начинаетъ распускаться, давать мелкіе листочки и розовый цвѣтъ. И бѣдное человѣческое сердце радуется, утѣшается: нѣтъ въ мірѣ смерти, нѣтъ гибели

тому, что было, чѣмъ жилъ и дышалъ когда-то! Нѣтъ разлукъ и потерь, доколѣ жива моя душа, моя Любовь, Память!

Такъ утѣшаюсь и я, воскрешая въ себѣ тѣ свѣтоносныя древнія страны, гдѣ нѣкогда ступала и моя нога, тѣ благословенные дни, когда на полуднѣ стояло солнце моей жизни, когда, въ цвѣтѣ силъ и надеждъ, рука объ руку съ той, кому Богъ судилъ быть моей спутницей до гроба, совершалъ я свое первое дальнее странствіе, брачное путешествіе, бывшее вмѣстѣ съ тѣмъ и паломничествомъ во святую землю Господа нашего Иисуса Христа. Въ великомъ покоѣ вѣковой тишины и забвенія лежали передъ нами ея палестины — доли Галилеи, холмы іудейскіе, соль и жупель Пятиградія. Но была весна, и на всѣхъ путяхъ нашихъ весело и мирно цвѣли все тѣ-же анемоны и маки, что цвѣли и при Рахили, красовались тѣ-же лиліи полявыя и пѣли тѣ же птицы небесныя, блаженной беззаботности которыхъ учила евангельская притча. . .

Роза Іерихона. Въ живую воду сердца, въ чистую влагу любви, печали и нѣжности погружаю я корни и стебли моего прошлаго — и вотъ опять, опять дивно прозябаетъ мой завѣтный знакъ. Отдались, неотвратимый часъ, когда изсякнетъ эта влага, оскудѣетъ и изсохнетъ сердце — и уже навѣки покроетъ прахъ забвенія Розу моего Іерихона.

ТРЕТЬИ ПЪТУХИ

На разсвѣтъ, въ туманѣ и сумракѣ, когда всѣ еще спали въ городѣ Синопѣ, подошелъ къ Синопу разбойничій корабль.

Пѣтухи пѣли по всему нагорному берегу, по всему селенію въ этотъ темный и сладкій часъ, и съ разбойничьяго корабля, съ дружной радостью, откликался имъ разбойничій пѣтухъ.

Спали въ Синопѣ собаки и сторожъ, спали дѣти и женщины, — всѣ спали, — а разбойники, вполслуха переговариваясь, спустились съ корабля въ челнокъ, на пахучую свѣжую воду, доплыли на веслахъ до берега и пошли къ жилищамъ, крадучись.

Не пощадили они, волки, ни стараго, ни малаго!

А награбивъ добра, загубивъ пять невинныхъ душъ, — пятерыхъ кровныхъ родичей Фоки Угодника, синопскаго святителя, — поспѣшно воротились они на корабль, подняли паруса и опять ушли на море.

И тамъ, въ вольной пустынѣ, начался у нихъ буйный пиръ.

И ѣли, и пили, и плясали, и пѣли они — до самаго вечера.

А къ вечеру повалились по кораблю, по его ка́морамъ, не убравъ парусовъ, не засвѣтивъ огня и не поставивъ ни кормчаго, ни дозорнаго.

И вотъ пали сумерки на́ море, собрались надъ нимъ низкія тучи и сдѣлалось великое безмолвіе.

Какъ пустыми рукавами болтая вѣтрилами, плывъ корабль по-мору безъ пути, безъ направленія.

А по ка́морамъ корабля, въ зловонной темнотѣ, тяжело храпѣли пьяные.

И сказала Господь:

— Такъ злодѣямъ и надобно.

— Замолчите, птицы морскія бѣлыя, не падайте со скрипучими криками надъ волною морской, — не будите безмолвія и спящихъ разбойниковъ.

— Се возстану Я въ вѣтрѣ съ Запада, осыплю Понтъ какъ бы чернымъ пескомъ — и промчусь надъ нимъ вихремъ и красной молніей:

— Горе вамъ, пьяные разбойники!

— Килемъ вверхъ, съ громомъ и бурей, перекину Я ваше утлое убѣжище!

— Въ хлябь морскую низвергну васъ, поправшихъ уставы человѣческіе и Божескіе!

Только кто это свѣтитъ тонкимъ синимъ призракомъ на носу разбойничьяго корабля?

Кто затеплилъ огонь въ фонарѣ и поспѣшно спускается въ темныя ка́моры корабельныя?

Это Фока, святитель морской.

Онъ толкаетъ и будить разбойниковъ, говоритъ имъ быстрымъ жуткимъ голосомъ:

— Ахъ, скорѣй вставайте, разбойники! Бѣгите на

верхъ, спускайте паруса, ставьте кормчаго, — идетъ на васъ великая бѣда!

И разбойники въ страхѣ вскакиваютъ на ноги, бѣгутъ кто куда по кораблю, по палубѣ, — за канаты парусные, за рулевые рога хватаются, а ужъ вѣтеръ по морю мечется, рветъ паруса, задуваетъ огонь, валитъ съ ногъ разбойниковъ:

— Спасайтесь, душегубы, Каины!

И, пока они бьются, спасаются, призываетъ разгнѣванный Господь въ Свои темныя небеса, подъ красныя молніи, Фоку-Угодника:

— Говори Мнѣ, святой, — не изъ того ли ты города, гдѣ злодѣи безчинствовали?

И отвѣчаетъ святой въ трепетѣ:

— Оттолѣ, Господи.

— Было ли тебѣ вѣдомо, что пожелалъ Я погубить разбойниковъ, силой похоти и своеволія воздвинутыхъ на попраніе уставовъ Божіихъ, зарѣзавшихъ пятерыхъ твоихъ кровныхъ родичей?

— Было, Господи.

— Ради чего же ты осмѣлился Мнѣ противиться?

И опускается святой на колѣни передъ Господомъ:

— Ради третьихъ пѣтуховъ, Господи, въ слезы любви и раскаянія нѣкогда повергнувшихъ Петра-Апостола:

— Какъ подумалъ я, что не слышать больше разбойникамъ того радостнаго предъутренняго голоса, возскорбѣла моя душа горькой нѣжностью.

— Ей, Господи! Сладка земная жизнь, Тобой данная!

— Ради одного этого голоса, новый день, новый путь темнымъ и злымъ людямъ общающаго, будь во вѣки вѣковъ благословенно земное рожденіе!

И прощаетъ Господь Фоку-Угодника.

1917.

ИСХОДЪ

I

Князь умеръ передъ вечеромъ двадцать девятого августа. Умеръ, какъ жилъ, — въ полномъ одиночествѣ.

Солнце, золотясь передъ закатомъ, не разъ заходило въ легкія смуглыя тучки, островами раскинутыя надъ дальними полями на западѣ. Вечеръ былъ простой, спокойный. На широкомъ дворѣ усадьбы было пусто, въ домѣ, какъ будто еще болѣе обветшавшемъ за лѣто, очень тихо.

Нищіе, бродившіе по деревнѣ, раньше всѣхъ узнали о смерти князя. Они появились возлѣ разрушенныхъ каменныхъ столбовъ при вѣздѣ въ усадьбу и нестройно, разными голосами, запѣли древній духовный стихъ «на исходъ души изъ тѣла». Ихъ было трое: рябой паренъ въ лазоревой рубахѣ съ укороченными рукавами, старикъ, очень прямой и высокій, и загорѣлая дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, но уже мать. Она стояла съ соннымъ ребенкомъ на рукахъ, державшимъ во рту сосокъ ея маленькой груди, и пѣла звонко и безстрастно. Мужики были оба слѣпы, съ бѣльмами; у нея глаза были чистые, темные.

Въ домѣ хлопали двери. Наташа выскочила на парадное крыльцо и вихремъ понеслась черезъ дворъ къ людской; изъ раствореннаго дома слышно было, какъ стѣнные часы медлительно пробили шесть. А черезъ минуту по двору уже бѣжалъ и на бѣгу попадалъ въ рукавъ армяка работникъ — сѣдлатъ лошадь, скакать на деревню за старухами. Гостившая въ усадьбѣ странница Анюта, похожая своей стриженной головой на мальчика, высунулась въ окошечко людской и, захлопавъ въ ладоши, что-то закричала ему вслѣдъ — тупо, косноязычно и восторженно.

Когда молодой Бестужевъ вошелъ къ умершему, тотъ лежалъ навзничъ на старинной кровати орѣховаго дерева, подъ старымъ одѣяломъ изъ краснаго атласа, съ разстегнутымъ воротомъ ночной рубашки, полукрывъ неподвижные, какъ бы хмѣльные глаза и откинувъ темное, поблѣднѣвшее, давно не бритое лицо съ большими сѣдѣющими усами. Ставни въ этой комнатѣ были по его желанію закрыты все лѣто, — теперь ихъ открывали. На комодѣ возлѣ кровати желтогорѣла свѣча. Склонивъ къ плечу голову, съ бьющимся сердцемъ, Бестужевъ жадно всматривался въ то странное, уже холодѣвшее, что тонуло въ постели.

Ставни раскрывались одна за другою. Въ окна, сквозь темныя вѣтви стараго хвойнаго палисадника, глянулъ далекій закатъ, оранжево догоравшій въ тучкахъ. Бестужевъ, отойдя отъ умершаго, распахнулъ одно изъ этихъ оконъ. Въ комнату, въ застоявшійся, сложный запахъ лекарствъ, ощутительно потянуло чистымъ воздухомъ. Вошла заплаканная Наташа и стала выносить все то, что князь, съ недѣлю тому назадъ, внезапно охваченный какой-то тревожной жадностью,

приказаль перетаскать къ нему и разложить передъ его глазами на столахъ и креслахъ: истертое казацкое сѣдло, уздечки, мѣдный охотничій рогъ, собачьи смычки, патронташъ. Уже не стѣсняясь стучать, звенѣть удилами и стремя о стремя, она дѣлала дѣло съ твердымъ и строгимъ лицомъ, сильно дунула, проходя мимо комода, на свѣчку. . . Князь былъ неподвиженъ и неподвижны были его полуприкрытые, какъ бы слегка косившіе глаза. Вечернее сухое тепло, смѣшанное съ свѣжестью отъ рѣки, наполняло комнату. Солнце потухло, все поблекло. Хвоя палисадника сухо темнѣла на прозрачномъ, сверху зеленоватомъ, ниже шафранномъ морѣ далекаго запада. Щebetала за окномъ какая-то птичка, и щебетъ ея казался очень рѣзко.

— Чего жалѣть, — серьезно сказала Наташа, опять входя и отодвигая ящикъ комода, вынимая оттуда чистое бѣлье, простыни и наволочку на подушку. — Умерли смирно, всѣмъ такъ дай Богъ. — А жалѣть ихъ некому, никого послѣ себя не оставили, — прибавила она и опять вышла.

Бестужевъ, присѣвъ на подоконникъ, все глядѣлъ въ темный уголь, на постель, гдѣ лежалъ умершій. Онъ все старался что-то понять, собрать мысли, ужаснуться. Но ужаса не было. Была только удивленность, невозможность осмыслить, охватить происшедшее. . . Неужели все разрѣшилось, и теперь можно говорить въ этой спальнѣ такъ свободно, какъ говорить Наташа? Впрочемъ, подумаль Бестужевъ, она говорила о князѣ съ той же свободой, — какъ о человѣкѣ, уже вышедшемъ изъ круга живыхъ, — и раньше, весь послѣдній мѣсяць.

Со двора, изъ сумрака слабо и необыкновенно приятно пахло дымомъ. Это успокаивало, говорило о землѣ, о продолжающейся простой человѣческой жизни. Въ стемнѣвшихъ лугахъ, на рѣкѣ, ровно шумѣла водяная мельница. . . Недѣлю тому назадъ князь сидѣлъ возлѣ ея воротъ на старомъ жерновѣ, — въ шапкѣ, въ лисьей поддевкѣ, худой и темнолицій, согнувшись и упершись руками въ сѣрый ноздреватый камень. Старикъ, который привезъ смолоть нѣсколько мѣръ нѣвины, щурясь, исподлобья посмотрѣлъ на него, развертывая веретѣе. — «А ужъ и худъ ты! — холодно и пренебрежительно сказалъ онъ князю, хотя прежде всегда говорилъ съ нимъ почтительно. — Прямо никуда! Нѣтъ, теперь тебѣ житья немного. — Тебѣ лѣтъ семьдесятъ будетъ?» — «Пятьдесятъ первый, — сказалъ князь. — Да что ты, не знаешь меня развѣ?» — «Пятьдесятъ первый! — насмѣшливо сказала старикъ, возясь съ веретемъ. — Не можетъ того быть, — твердо сказала онъ, — ты на много старше меня.» — «Вотъ дуракъ, — усмѣхнувшись, сказалъ князь, — да вѣдь мы росли вмѣстѣ.» — «Ну, росли, не росли, а житья тебѣ теперь немного», — сказала старикъ, натуживаясь, и, приподнявъ и прижимая къ груди тяжелую, полную рожью мѣру, поспѣшно, присѣдая, пошелъ въ шумящую, бѣлую отъ муки мельницу. . .

— Теперь уходите барчукъ, — безстрастно, но значительно сказала Наташа, входя съ ведромъ горячей воды.

И отъ этого ведра, отъ этихъ словъ Бестужеву вдругъ стало страшно. Онъ поднялся съ подоконника и, не глядя на Наташу, вышелъ черезъ прихожую. прилегавшую къ комнатѣ покойнаго, на черное крыль-

цо. Въ сумракѣ возлѣ крыльца мыли руки прѣвхавшія съ деревни старухи, Евгенія и Агафья: одна лила изъ кувшина, другая, согнувшись, захвативъ въ колѣни подолъ темнаго платья, крѣпко отжимала, встряхивая пальцы. Это было еще страшнѣе. Бестужевъ быстрыми шагами прошелъ мимо нихъ въ сухой, уже порѣдѣвшій къ осени садъ, таинственно освѣщенный по низамъ только что показавшимся среди дальнихъ стволовъ круглымъ, огромнымъ, зеркальнымъ мѣсяцемъ.

II

Въ девятомъ часу въ комнатѣ, гдѣ умеръ князь, все пришло въ порядокъ, было прибрано, кровати уже не было, тепло пахло вымытыми полами. На столахъ, поставленныхъ наискось въ передній уголъ, подъ старинные образа, возлѣ окна, верхнее стекло котораго серебрилось отъ мѣсячнаго свѣта, возвышалось подъ простыней тѣло, казавшееся очень большимъ. Три толстыхъ свѣчи въ церковныхъ высокихъ подсвѣчникахъ горѣли въ головахъ его прозрачно, дрожали хрустальнымъ чадомъ. Тишка, сынъ церковнаго сторожа Семена, умытый, причесанный, въ новой поддевкѣ, жалостно и поспѣшно читалъ псалтырь. — «Хвалите Господа съ небесъ, — читалъ онъ, подражая черничкамъ: — хвалите Его всѣ Ангелы Его, хвалите Его всѣ воинства Его. . .» Темно и чадно дрожали на свѣчкахъ прозрачныя копыя пламени, золотыя, съ яркосинимъ основаніемъ.

Въ домѣ огонь былъ только въ лакейской. Тамъ,

подъ окномъ, стоялъ столъ, на столѣ кипѣлъ самоваръ. Блѣдная и серьезная, въ черномъ платочкѣ, Наташа, Евгенія, похожая на смерть, и печально-скромная Агафья, плотникъ Григорій, уже начавшій въ сараѣ дѣлать гробъ, и церковный сторожъ Семень, старикъ съ тусклыми свинцовыми глазами, испорченными постояннымъ чтеніемъ при дрожащемъ свѣтѣ по покойникамъ, пили чай. Семень, который долженъ былъ смѣнить сына, принесъ съ собой собственную книгу, въ грубой, какъ бы деревянной кожѣ буро-квѣта, закапанную воскомъ, съ обожженными кое-гдѣ углами страницъ.

— А какъ ни плохо живешь, все будетъ трудно съ бѣлымъ свѣтомъ разставаться, — печально говорила Агафья, наливая изъ чашки въ блюдечко.

— Извѣстно, трудно, — сказала Григорій. — Кабы зналъ, и жилъ бы не такъ, все бы имущество истребилъ. А то боимся имѣнье свое распустить, все думаешь, подъ старость дѣться будетъ некуда. . . а глядишь, и до старости не дожилъ!

— Наша жизнь какъ волна бѣжитъ, — сказала Семень. — Смерть, ее, сказано, надо встрѣчать съ радостью и трепетомъ.

— Исходъ, а не смерть, родной, — сухо и наставительно поправила Евгенія.

— Съ трепетомъ, не съ трепетомъ, а умирать никому не хочется, — сказалъ Григорій. — Всякая козявка, и та смерти боится. Тоже, значить, и у нихъ души есть.

— Не души, батюшка, а дуси, — еще наставительнѣе сказала Евгенія.

Кончивъ послѣднюю чашку, Семень мотнулъ головой, откидывая со лба вспотѣвшіе темносѣрые волосы, всталъ, перекрестился, захватилъ псалтырь и на ципочкахъ пошелъ черезъ темный залъ, черезъ темную гостиную къ покойнику.

— Ступай, ступай, дорогой, — сказала ему вслѣдъ Евгенія. — Да поприлежнѣй читай. Когда кто хорошо читаетъ, грѣхи съ грѣшника какъ листья съ сухого дерева валятся.

Смѣняя Тишку, Семень надѣлъ очки и, строго глядя черезъ нихъ, мягко обобралъ пальцами воскъ съ оплывшихъ свѣчей, потомъ медленно перекрестился, развернулъ на аналоѣ свою книгу и сталъ читать негромко, съ ласковой и грустной убѣдительностью, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предостерегающе повышая голосъ.

Дверь въ прихожую возлѣ чернаго крыльца была открыта. Читая, Семень слышалъ, какъ на крыльцѣ кто-то затопалъ ногами: пришли поглядѣть на покойника двѣ дѣвки, обѣ наряженные, въ новыхъ крѣпкихъ башмакахъ. Онѣ вступили въ комнату робко и радостно, шопотомъ переговариваясь. Крестясь и стараясь ступать нетвердо, одна изъ нихъ, вздрагивая грудями подъ новой розовой кофточкой, подошла къ столу, отвернула простыню съ лица князя. Блескъ свѣчей упалъ на кофточку, испуганное лицо дѣвки стало въ этомъ блескѣ блѣдно и красиво, а мертвое лицо князя засіяло, какъ костяное. Большіе свѣдѣющіе усы, разросшіеся за болѣзнь, уже сквозили, въ глазахъ, не совсѣмъ закрытыхъ, темнѣла какая-то жидкость. . .

Тишка жадно курилъ въ сѣняхъ, поджидая выхода дѣвокъ. Онѣ проскользнули мимо него, дѣлая видъ,

что не замѣчаютъ его. Одна сбѣжала съ крыльца, другую, въ розовой кофточкѣ, онъ успѣлъ поймать. Она рванулась, зашептала:

— Ай ты угорѣлъ? Пусти! А то отцу скажу. . .

Тишка выпустилъ ее. Она побѣжала къ саду. Мѣсяць, уже небольшой, бѣлый, ясный, высоко стоялъ надъ темнымъ садомъ, и золотисто блестяло въ его свѣтѣ сухое желѣзо на крышѣ бани. Въ тѣни отъ сада дѣвка обернулась и, взглянувъ на небо, воскликнула:

— Ночь-то какая, — батюшки!

И очаровательно, съ радостной нѣжностью, прозвучала въ ночномъ тихомъ воздухѣ ея счастливый голосъ.

III

Бестужевъ ходилъ изъ конца въ конецъ по двору. Со двора, пустого, широкаго, освѣщеннаго мѣсяцемъ, онъ глядѣлъ на огоньки въ деревнѣ за рѣкой, на свѣтлыя окна людской, гдѣ слышались голоса ужинающихъ. Въ сараѣ были раскрыты ворота, горѣлъ разбитый фонарь, поставленный на козлы тарантаса. Григорій, наклонившись и оставивъ одну ногу, шмыгаль фуганкомъ по тесинѣ, заправленной въ старый верстакъ. Красно-дымный огонь въ фонарѣ дрожалъ, дрожали тѣни въ сумрачномъ сараѣ. . . Когда Бестужевъ на минуту приостановился у воротъ сарая, Григорій поднялъ возбужденное лицо и сказалъ съ ласковой гордостью:

— Крышку ужъ додѣлываю. . .

Потомъ Бестужевъ постоялъ, облокотясь на раскрытое окно людской. Кухарка собирала со стола остатки ужина, стирала съ него ветошкой. Пастухи, подростки, укладывались спать: Митька, разутый, молился, стоя на нарахъ, устланныхъ свѣжей соломой, Ванька — среди избы. Рыжій лохматый печникъ, широкоплечій и очень маленькій ростомъ, въ черной рубахѣ съ крапинками известки на ней, пришедшій съ деревни изъ-за рѣки, чтобы начать завтра поправлять стѣны внутри обвалившагося княжескаго склепа, вертѣль, сидя на лавкѣ, цыгарку.

Анюта тупо, восторженно и косноязычно говорила съ печки:

— Вотъ и померь, ваше сіятельство, въ головá ничего не положиль. . . Такъ и не даль мнѣ ничего. . . Нѣту да нѣту, погоди да погоди. . . Вотъ теперь и годи. . . Вотъ и годи. . . Годи теперь! Погодилъ, милый? Въ головá себѣ много положиль? Понялъ теперь, что у тебя въ головахъ, глупый? А что бы такъ-то дать рублика два, прикрыть мое тѣло! Я убогая, урода. Никого у меня нѣту. Ишь грудь-то!

И она распахнула кофту и показала голую грудь:

— Голая вся. Такъ-то, глупый! А я тебя въ старые годы любила, я объ тебѣ скучала, ты красивый былъ. веселый, ласковый, чистая барышня! Ты всю свою молодость объ своей Людмилочкѣ убивался, а она тебя, глупый, только терзала-мучила да съ другимъ подъ вѣнецъ стала, а я одна тебя вѣрно любила, да про то только моя думка знала! Я убогая, урода, а душа-то у меня, можетъ, ангельская-архангельская, я одна тебя любила, одна сижу радуюсь о твоей кончинѣ смертной. . .

И она радостно и дико засмѣялась и заплакала.

— Пойдемъ, Анюта, псалтырь читать, — громко сказала печникъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ съ дѣтьми кому-нибудь на потѣху. — Пойдешь, не боишься?

— Дуракъ! Кабы ноги были цѣлы, и пошла бы, аѣ плохо? — крикнула Анюта сквозь слезы. — Ихъ грѣхъ, покойниковъ-то, бояться. Они святые, пречистые.

— Я и не боюсь, — развязно сказала печникъ, закуривая цыгарку, загорѣвшуюся зеленымъ огнемъ. — Я съ тобой хоть на цѣльную ночь въ фамильный склепъ ляжу. . .

Анюта восторженно рыдала, утираясь кофтой.

Не нарушая свѣтлаго и прекраснаго царства ночи, а только дѣлая его еще болѣе прекраснымъ, пали на дворъ легкія тѣни отъ шедшихъ на мѣсяцъ бѣлыхъ тучекъ, и мѣсяцъ, сіяя, катился на нихъ въ глубинѣ чистаго неба, надъ блестящей крышей темнаго стараго дома, гдѣ свѣтилось только одно крайнее окно — у изголовья почившаго князя.

ГОТАМИ

Повѣсть, трижды прекрасная своей краткостью и скромностью, своимъ смысломъ и складомъ, повѣсть о любви Готами, которая, сама того не вѣдая, пришла подъ сѣнь Благословеннаго.

Такъ слышали мы:

Въ людномъ селеніи, въ счастливой мѣстности, у подножія великихъ Гималаевъ, въ семьѣ бѣдной, но достойной, родилась Готами.

Высока ростомъ и на видъ худоцава была она, а душой проста, нетребовательна, и сосѣди дали ей недоброе прозвище: «Готами Тошчая» прозвали они ее, но она не обидѣлась. И всякому приказанію была она послушна и на всякое приказаніе отзывалась такъ:

— Хорошо, милый господинъ, я сдѣлаю. Хорошо, милая госпожа, я сдѣлаю.

Да простится намъ слово: неумна была среди людей Готами. Но и глупаго не говорила она, — можетъ быть, потому, что никогда не говорила она много и съ утра до вечера что-нибудь работала. И одежда на ней была бѣдная и все одна и та же, но всегда опрятная. И вотъ юноша, весьма богатый и красивый, сынъ великаго царя той мѣстности, увидѣлъ ее

на берегу рѣки, когда мыла она бѣлье своихъ сестеръ и братьевъ, и поняла, что она не умна и покорна и что никто не заступится за нее, — даже родители.

Такъ думала она:

— Что жъ дѣлать, скажутъ ей родители, неумна Готами, нехороша Готами, не на дочь нашу, а на служанку похожа она, — кто возьметъ ее замужъ? Рано или поздно все равно покорится она мужчине, который пожелаетъ ее: не умѣетъ отказывать Готами. Ахъ, если бы былъ тотъ мужчина не безжалостный и давалъ на воспитаніе ребенка, что родится отъ нея!

Такъ подумала царскій сынъ, юноша.

А Готами, вымывъ и выполоскавъ бѣлье, сѣла на корточки надъ блестящей отъ солнца водой, снявъ съ себя одежду, весь свой станъ отъ подмышекъ до коленъ завернувъ ею, распустила свои длинные черные волосы, стала чистить размоченной щепочкой свои бѣлые зубы, стала мыть свои смуглыя ноги, не зная, что царскій сынъ смотритъ на нее изъ-за бамбуковыхъ кустовъ. И тогда онъ окликнулъ ее и, подходя, сказалъ ей съ усмѣшкой, но ласково:

— Ты мила, Готами, и совсѣмъ не такая тощая, какъ говорятъ про тебя: о дѣвушкѣ въ простой одеждѣ и высокаго роста часто судятъ неправильно. Я слышала, Готами, что ты покорная. Не противься же мнѣ. Никто не увидитъ нашихъ ласкъ въ этотъ жаркій часъ надъ пустой рѣкой.

И Готами смутилась передъ нимъ, передъ его увѣренностью въ правотѣ его желанія, и прошептала въ отвѣтъ:

— Хорошо, милый господинъ, будетъ по твоему.

И царскій сынъ, насладясь ею, увидѣлъ, что она лучше, чѣмъ казалась, и что темные глаза ея, хотя и не выражаютъ мысли и какъ будто всегда одинаковы, полны очарованія. И послѣ того стали часты ихъ встрѣчи на берегу рѣки, въ рошѣ бамбуковъ, и всегда было такъ, что, когда бы ни приказалъ царскій сынъ прійти къ нему, всегда приходила Готами безъ послушанія и не мѣнялась въ своей покорности и прелести при тѣлесномъ сближеніи, а при краткой бесѣдѣ — въ привѣтливости. И по истеченіи положеннаго времени почувствовала себя беременной. И тогда царскій сынъ взялъ ее къ себѣ въ наложницы, перевезъ ее съ ея бѣдной укладкой, гдѣ хранилось ея скромное добро, жалкій достатокъ рабочей дѣвушки, въ свой богатый дворецъ, и она прожила во дворцѣ всю пору своего времени.

Когда же приблизился день, одна изъ царскихъ домоправительницъ сказала ей:

— Готами. Жена, готовая стать матерью, уходитъ рожать, во исполненіе обычая, въ свой отчій домъ. Но ты не жена, а наложница. Не ходи же въ домъ родителей, но и не нарушай пристойности.

И Готами поклонилась ей, встала и вышла за калитку глиняной ограды дворца.

И, перейдя деревянный мостъ черезъ мутный каналъ, бывшій по близости, увидала сидящаго подъ деревомъ, съ чашкой въ рукѣ, слѣпого и древняго нищаго, только по поясу препоясанаго грязной тряпичею, руки же свои, ноги, грудь и сухую, блестящую спину подставившаго зною и мухамъ.

И нищій поднялъ свое незрячее лицо, прислушива-

ясь къ ея шагамъ, и улыбнулся нѣжной и горькой улыбкой старческой мудрости:

— Готами! — сказалъ онъ ей. — Не вижу тебя, но чувствую твое приближеніе. Готами, будь благословенна стезя твоя!

И она поцѣловала колѣно нищаго и продолжала свой путь и на пути, въ жаркихъ солнечныхъ рощахъ, среди атласовыхъ деревьевъ, до срока родила свое дитя.

И блаженно, со слезами радости, отдохнувъ отъ своего мученія, возвратилась съ ребенкомъ на рукахъ во дворецъ царевича и предалась чувству непрестаннаго восторга и умиленія, чувству тѣлесной любви къ рожденному, сладкой тревогѣ видѣть, обонять, осязать и прижимать къ своей груди это растущее и съ каждымъ днемъ болѣе пробуждающееся для мысли и сознанія существо.

— «Вспомнила тебя душа моя!» — этихъ нѣжныхъ словъ не сказалъ Готами юноша, сближаясь съ ней, хотя и была она мила ему, хотя и везли ее въ царскій дворецъ съ музыкой, на быкахъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами, нарядивъ ее точно къ вѣнцу, гладко причесавъ ея черные волосы, нарумянивъ лицо и подсурмивъ рѣсницы.

И Готами, родивъ дитя, покорно приняла охлажденіе къ ней юноши и устранилась отъ глазъ его, дабы не испытывалъ онъ смущенія и виновности, случайно встрѣчая ее.

И, оставшись жить въ оградѣ дворца, поселилась въ простой хижинѣ на берегу прудовъ, принявъ на себя обязанность кормить лебедей, плававшихъ въ тѣхъ прудахъ среди травъ и цвѣтовъ.

И была до времени счастлива, приуготовляясь, сама того не вѣдая, къ тѣмъ великимъ скорбямъ, что должны были придти на законную смѣну этому счастью и направить ее на путь едино истинный, въ среду Братіи Желтаго Облаченія.

Блаженны смиренныя сердцемъ, расторгшіе Цѣпь.

Въ обители высокой радости живемъ мы, ничего въ этомъ мірѣ не любящіе и подобныя птицѣ, которая несетъ съ собой только крылья.

1919.

МЕТЕОРЪ

Рождество, много снѣгу, ясные морозные дни, извозчики ѣздятъ рѣзво, вызываяще, съ двухъ часовъ на каткѣ въ городскомъ саду играетъ военная музыка.

Верстахъ въ трехъ отъ города старая сосновая роща.

Смѣясь, переговариваясь, идутъ къ ней по снѣжному полю, суютъ ногами въ длинныхъ шведскихъ лыжахъ, держа въ правой рукѣ длинная, тонкія палки съ колесиками на концѣ, лицействъ, гимназистка, высокій и полный богатый молодой человѣкъ, кадетъ и курсистка въ пенснэ, очень близорукая, неловкая и очень обидчивая. Она одна молчитъ, идетъ старательнѣе и хуже всѣхъ. Всѣ одѣты такъ, какъ ходятъ на катокъ. Одна она въ настоящемъ лыжномъ костюмѣ, въ бѣлой вязаной рубахѣ и такой же шапкѣ.

Роща близится, становится живописнѣе, величественнѣе, чернѣе и зеленѣе. Надъ нею уже стоитъ прозрачно-блѣдная круглая луна. Справа чистое солнце почти касается вдали золотисто-блестящей снѣжной равнины съ чуть замѣтнымъ зеленоватымъ тономъ.

Курсистка впереди всѣхъ, — порой спотыкаясь и роняя пенснэ, она первая входитъ въ рощу, въ огромную снѣжную просѣку среди мачтовыхъ сосенъ. Лыж-

ный костюмъ обтягиваетъ ея большой задъ и груди. Живой, смуглый, широконосый кадетъ, не отставая отъ нея ни на шагъ, все подсмѣивается надъ ней, все острить. Она каждый разъ зло и находчиво отвѣчаетъ ему, старательно дѣлая свое дѣло. Однако, между ними что-то есть.

Въ рошѣ вечерѣтъ, морозить, высокое небо надъ просѣкой холодѣтъ и синѣтъ; далеко впереди, за поляной, верхушки нѣсколькихъ сосенъ, особенно высокихъ, краснѣютъ. Въ рошѣ еще слаще чувствовать себя молодымъ, праздничнымъ, все время близкимъ къ какому-то счастью, дышать этимъ зимнимъ эфирнымъ воздухомъ. Лиценстъ ждетъ счастья напряженнѣе всѣхъ, двигаясь все время рядомъ съ гимназисткой.

Спокойнѣе прочихъ богатый молодой человѣкъ съ его всегдашнимъ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ его тонкимъ, пятнистымъ, аристократическимъ румянцемъ.

На полянѣ останавливаются, отдыхая и говоря всѣ разомъ, мужчины курятъ, испытывая отъ табаку особенное наслажденіе. У всѣхъ блестящіе глаза, легкій иней на рѣсницахъ.

— Теперь куда?

— Конечно, внизъ, на рѣку!

— А вонъ, господа, еще лыжники!

— Кто это? Неужели Ильины? Вотъ пріятная встрѣча!

Пролеты высокихъ аллей расходятся отъ поляны во всѣ стороны. Въ той, что ведетъ прямо къ рѣкѣ, приближаются двѣ фигуры, мужчина и женщина. Слышенъ звонкій женскій смѣхъ, кажущійся притворнымъ.

— Кто это? — спрашивает гимназистка лицеиста.
— Вы лучше меня видите.

— Ваши партнеры по любительскому спектаклю.
Залѣсская съ Потемкинымъ.

— Ахъ, я не хочу встрѣчаться съ ними. Я ее терпѣть не могу. Уйдемъ куда-нибудь. Встрѣтимся съ нашими на лугу.

— Слушаю-съ. — Господа, мы вамъ пока откланиваемся. До скорого свиданія на рѣкѣ.

— Это почему? — спрашивает кадетъ, нелѣпо выматывая глаза. — Что сей внезапный сонъ значить?

— Намъ пора отношенія выяснить, — отвѣчает гимназистка, смѣясь. — Au revoir, господа. Можете намъ завидовать.

И, взявшись за руки, лицеистъ и гимназистка вдутъ въ просѣку направо. Ихъ провожаютъ напутственными криками, шутками.

У лицеиста крѣпко бьется сердце. Онъ чувствуетъ, что она подъ видомъ шутки, съ той спокойной и удивительной смѣлостью, на которую способны только женщины, сказала правду. Онъ знаетъ, что за эти праздничные дни все сказано безъ словъ между нимъ и ею, что они ждутъ только момента и рѣшительности осуществить это сказанное безъ словъ. И вотъ этотъ моментъ внезапно насталъ. Однако, она идетъ и молчитъ, и его волненіе увеличивается сомнѣніемъ, не ошибается ли онъ.

Она молчитъ, она спокойно и какъ ни въ чемъ не бывало двигаетъ лыжами. Отъ волненія молчитъ и онъ, или же говоритъ что-нибудь явно ненужное.

— Хотите итти слѣва? Тутъ глубже снѣгъ. . .

— Нѣтъ, спасибо, мнѣ очень хорошо. . .

И опять молча суютъ они лыжи, слегка наклоняясь впередъ. Снѣгъ вокругъ, среди сосновыхъ розоватыхъ стволовъ, становится все глубже, бѣлѣе, сосны все оснѣженнѣе. Вечеръ мягко мѣняетъ краски, все больше сливаясь съ воцаряющеюся лунной ночью.

— Охъ, я, кажется, устала! — говоритъ она наконецъ, поворачивая къ нему раскраснѣвшееся лицо и слегка улыбаясь. — Куда мы идемъ? Мы заблудимся...

У него еще больше замираетъ сердце, но онъ отвѣчаетъ, стараясь говорить какъ можно обыденнѣе:

— Еще немного. Скоро опять поляна и скамейка, — развѣ вы не помните? Вы потише, поровнѣе. Вотъ такъ: разъ, разъ... разъ, разъ...

На полянѣ, возлѣ скамейки, утонувшей въ снѣгу, онъ отпускаетъ ея руку и, только отпустивъ, чувствуетъ, какое это было наслажденіе держать ее, какъ будто сосредоточившую въ себѣ всю прелесть всего ея женскаго существа.

Онъ утаптываетъ снѣгъ возлѣ скамейки, срѣзаетъ лыжей снѣжную подушку съ нея, смахиваетъ платкомъ сухіе остатки снѣга. Она садится и на минуту блаженно закрываетъ глаза.

— Какъ хорошо. Какая тишина. — Какія это птицы?

По кустамъ можжевельника перелетаютъ толстые, зобастые, съ красными грудками снѣгири.

— Это снѣгири.

— Какъ они красивы!

— Хотите, убью одного?

И онъ вынимаетъ изъ кармана маленькій револьверъ.

— Нѣтъ, не надо, — говоритъ она съ нерѣшительной улыбкой.

Толстый снѣгирь перелетаетъ ближе.

— Видите, онъ самъ идетъ навстрѣчу смерти. — Такъ я стрѣляю.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

— Вы боитесь?

— Нѣтъ, но не хочу. . .

Она слабо махаетъ рукой на снѣгиря, но снѣгирь перелетаетъ еще ближе. И тотчасъ же, какъ хлопнувшій кнутъ, раздается выстрѣлъ, отъ котораго она въ страхѣ закрываетъ глаза и затыкаетъ уши.

Снѣгиря на кустѣ уже нѣтъ. Промаяхъ, конечно? Поднявъ глаза кверху, они видятъ, что луна среди верхушекъ сосенъ уже въ сіяніи и возлѣ нея вьется серебристый ястребокъ, котораго откуда-то спугнулъ выстрѣлъ. Потомъ смотрятъ въ кусты. Снѣгирь взърошеннымъ комочкомъ лежитъ на снѣгу.

— Это совершенно неправдоподобно! — восклицаетъ лицеистъ, кидаясь къ нему. — Изъ револьвера и вдругъ попасть!

И еще напряженнѣе чувствуетъ, что время идетъ, а они оба говорятъ и дѣлаютъ совсѣмъ не то, что надо.

— И вамъ не жаль? — спрашиваетъ она, разглядывая еще теплаго снѣгиря.

— Увы, ничуть! — шутливо выговариваетъ онъ съ трудомъ, стукнувъ отъ внутренней дрожи зубами при взглядѣ на ея губы, мѣхъ вокругъ шеи, маленькіе ботинки въ снѣгу. — Вы запачкали кровью руку. . .

Она кладетъ снѣгиря на скамейку и поднимаетъ на него глаза, которые кажутся вопросительными и ждущими.

— Дайте вытру снѣгомъ. . .

Она протягиваетъ руку. Онъ вытираетъ, замирая отъ нестерпимаго желанія цѣловать, кусать ее.

Вечера уже почти нѣтъ. Луна между соснами уже зеркальная. Въ легкой тѣни отъ верхушекъ сосенъ снѣгъ принялъ цвѣтъ золы, а на мѣстахъ освѣщенныхъ искрится.

— Однако, что-же это мы? — говоритъ она, вдругъ поднимаясь. — Мы рискуемъ не найти ихъ. Идемте скорѣе!

И опять они берутся за руки и поспѣшно двигаются лыжами. Проходитъ десять, пятнадцать минутъ. . .

— Постойте! Мы, кажется, совсѣмъ не туда идемъ! Гдѣ мы? Опять какая-то поляна. . .

— Нѣтъ, вѣрно, — говоритъ лицеистъ. — Видите. — поляна покатаая, это уже спускъ къ рѣкѣ. Мы незамѣтно все время забирали влѣво.

Но она стоитъ, растерянно оглядываясь. Поляна глухая, въ глубокомъ снѣгу. Надъ головою уже совсѣмъ по ночному блещетъ луна, тѣни межъ сосенъ черны, четки, на краю поляны тонетъ въ сугробахъ черная изба безъ оконъ, снѣжная, пухлая крыша ея вся играетъ бѣлыми и синими брилліантами. Тишина мертвая.

— Вы куда-то завели меня, — говоритъ она негромко, уже съ неподдѣльнымъ страхомъ. — Идемъ назадъ.

Но онъ странно смотритъ на нее и тянетъ ее за руку впередъ.

— Давайте только заглянемъ въ эту избу. . . На одну минуту. . .

Она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, но возлѣ избы рѣ-

шитительно противится, останавливается и отнимает у него руку. Онъ, бросивъ лыжи, идетъ по твердому сугробу къ раскрытой двери и, наклоняясь, скрывается въ ея темнотѣ. Черезъ минуту раздается изъ избы его голосъ:

— Какъ здѣсь хорошо! Загляните хоть въ окно! Неужели вы боитесь?

— Нѣтъ, но не хочу. Гдѣ вы? Пойдемте, поздно.

— Какъ красивъ здѣсь лунный свѣтъ! Это что-то сказочное!

— Если вы не выйдете, я уйду одна. . .

И, скрипя по морозному снѣгу, она подходитъ къ окну, заглядываетъ въ него:

— Гдѣ вы тамъ?

И вдругъ ее ослѣпляетъ такимъ дивнымъ, такимъ страшнымъ и райски прекраснымъ зеленымъ свѣтомъ отъ прорѣзавшаго все небо и разорвавшагося метеора, что она вскрикиваетъ и въ ужасѣ бросается въ дверь избы.

Черезъ полчаса они снова выходятъ на залитую лунною поляну и уже до самой рѣки не могутъ произнести ни слова.

Парижъ, 27. XII. 20.

ТЕМИРЪ-АКСАКЪ-ХАНЪ

— А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ! — дико вопить переливчатый, страстно и безнадежно тоскливый голосъ въ маленькой деревенской кофейнѣ.

Весенняя ночь темна и сыра, черная стѣна горныхъ обрывовъ едва различима. Возлѣ кофейни, прилѣпившейся къ скалѣ, стоитъ на шоссейной дорогѣ, на бѣлой грязи, открытый автомобиль, и отъ его страшныхъ, ослѣпительныхъ глазъ тянутся впередъ, въ темноту, два длинныхъ столпа свѣтлаго дыма. Издалека, снизу, доносится шумъ невидимаго моря, со всѣхъ сторонъ вѣетъ изъ темноты влажный безпокойный вѣтеръ.

Въ кофейнѣ густо накурено, она тускло озарена жестяной лампочкой, привѣшенной къ потолку, и нагрѣта грудой раскаленного жара, рдѣющаго на очагѣ въ углу. Нищій, сразу начавшій пѣсню о Темиръ-Аксакъ-Ханѣ мучительнымъ крикомъ, сидитъ на глиняномъ полу. Это столѣтняя обезьяна въ овчинной курткѣ и лохматомъ бараньемъ курпеѣ, рыжемъ отъ дождей, отъ солнца, отъ времени. На колѣняхъ у него нѣчто вродѣ деревянной грубой лиры. Онъ согнулся, — слушателямъ не видно его лица, видны только коричне-

выя уши, торчащія изъ-подъ курпея. Изрѣдка вырывающая изъ струнь рѣзкіе звуки, онъ вопить съ нестерпимой, отчаянной скорбью.

Возлѣ очага, на табуретѣ — женственно полный, милостивый татаринъ, содержатель кофейни. Онъ сперва улыбался, не то ласково и чуть-чуть грустно, не то снисходительно и насмѣшливо. Потомъ такъ и застылъ съ поднятыми бровями и съ улыбкой, перешедшей въ страдальческую и недоумѣнную.

На лавкѣ подъ окошечкомъ курилъ хаджи, высокій, съ худыми лопатками, сѣдобородый, въ черномъ халатѣ и бѣлой чалмѣ, чудесно подчеркивающей темную смуглость его лица. Теперь онъ забылъ о чубукѣ, закинулъ голову къ стѣнѣ, закрылъ глаза. Одна нога, въ полосатомъ шерстяномъ чулкѣ, согнута въ колѣнѣ, поставлена на лавку, другая, въ туфлѣ, виситъ.

А за столикомъ возлѣ хаджи сидятъ тѣ проѣзжіе, котормъ пришло на умъ остановить автомобиль и выпить въ деревенской кофейнѣ по чашечкѣ дрянного кофе: крупный господинъ въ котелкѣ, въ непромокаемомъ англійскомъ пальто и красивая молодая дама, блѣдная отъ вниманія и волненія. Она южанка, она понимаетъ по татарски, понимаетъ слова пѣсни. . . — А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ!

Не было во вселенной могущественнѣй и славнѣе хана, чѣмъ Темиръ-Аксакъ-Ханъ. Весь подлунный міръ трепеталъ передъ нимъ, и прекраснѣйшія въ мірѣ женщины и дѣвушки готовы были умереть за счастье хоть на мгновеніе быть рабой его. Но передъ кончиною сидѣлъ Темиръ-Аксакъ-Ханъ въ пыли на камняхъ базара и цѣловалъ лохмотья проходящихъ калѣкъ и нищихъ, говоря имъ:

— Выньте мою душу, калѣки и нищіе, ибо нѣтъ въ ней больше даже желанія желать!

И, когда Господь сжалился наконецъ надъ нимъ и освободилъ его отъ суетной славы земной и суетныхъ земныхъ утѣхъ, скоро распались всѣ царства его, въ запускѣніе пришли города и дворцы, и прахъ песковъ замель ихъ развалины подъ вѣчно синимъ, какъ драгоценная глазурь, небомъ и вѣчно пылающимъ, какъ адскій огонь, солнцемъ... *А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ! Гдѣ дни и дѣла твои? Гдѣ битвы и побѣды? Гдѣ тѣ, юныя, нѣжныя, ревнивыя, что любили тебя, гдѣ глаза, сіявшія точно черныя солнца, на ложѣ твоемъ?*

Всѣ молчатъ, всѣ покорены пѣсней. Но странно — та отчаянная скорбь, та горькая укоризна кому-то, которой такъ надрывается она, слаще самой высокой, самой страстной радости.

Проѣзжіи господинъ пристально смотритъ въ столъ и жарко раскуриваетъ сигару. Его дама широко раскрыла глаза, и по щекамъ ея бѣгутъ слезы.

Черезъ нѣсколько минутъ оба выходятъ на порогъ кофейни. Нищій кончилъ пѣсню и сталъ жевать, отрывать отъ тугой лепешки, которую подаль ему хозяинъ. Но кажется, что пѣсня все еще звучитъ, все еще длится, что ей нѣтъ и не будетъ конца.

Дама, уходя, сунула нищему цѣлый золотой, но тревожно думаетъ, что мало, ей хочется вернуться и дать ему еще червонецъ — нѣтъ, два, три или же при всѣхъ поцѣловать его жесткую руку. Глаза ея еще горятъ отъ слезъ, но у нея такое чувство, что никогда въ жизни не была она счастливѣе, чѣмъ въ эту минуту, послѣ пѣсни о томъ, что все суета и скорбь подъ солнцемъ,

въ эту темную и влажную ночь съ отдаленнымъ шумомъ невидимаго моря, съ запахомъ весенняго дождя и мокрой древесной коры, съ безпокойнымъ, до самой глубины души, проникающимъ вѣтромъ.

Шофферъ, полулежавшій въ экипажѣ, поспѣшно выскакиваетъ изъ него, наклоняется въ свѣтъ отъ фонарей, что-то дѣлаетъ, похожій на звѣря въ своей точно вывернутой наизнанку шубѣ, и машина вдругъ оживаетъ, загудѣвъ, задрожавъ отъ нетерпѣнія. Господинъ помогаетъ дамѣ войти, садится рядомъ, покрывая ея колѣни пледомъ, она разсѣянно благодарить его. . . Автомобиль несется по раскату шоссе внизъ, взмываетъ на подъемъ, упираясь свѣтлыми столпами въ какой-то кустарникъ, и опять смахиваетъ ихъ въ сторону, роняетъ въ темноту новаго спуска. . . Въ вышинѣ, надъ очертаніями чуть видныхъ горъ, кажущихся исполинскими, мелькають въ жидкихъ облакахъ звѣзды, далеко впереди чуть бѣлѣтъ прибоемъ излучина залива, вѣтеръ мягко и сильно бьетъ въ лицо. . .

О, Темиръ-Аксакъ-Ханъ, говорила пѣсня, не было въ подлунной отважнѣй, счастливѣй и славнѣй тебя, смуглоликій, огнеглазый — свѣтлый и благостный, какъ Гавріиль, мудрый и пышный, какъ царь Сулейманъ! Ярче и зеленѣй райской листвы былъ шелкъ твоего тюрбана, и семицвѣтнымъ звѣзднымъ огнемъ дрожало и переливалось его алмазное перо, и за счастье прикоснуться кончикомъ устъ къ темной и узкой рукѣ твоей, осыпанной индійскими перстнями, готовы были умереть прекраснѣйшія въ мірѣ царевны и рабыни. Но, до дна испивъ чашу земныхъ утѣхъ, въ пыли, на базарѣ сидѣлъ ты, Темиръ-Аксакъ-Ханъ, и ловилъ, цѣловалъ рубище проходящихъ калѣкъ:

— Выньте мою страждущую душу, калѣки!

И вѣка пронеслись надъ твоей забвенной могилой и пески замели развалины мечетей и дворцовъ твоихъ подъ вѣчно синимъ небомъ и безжалостно радостнымъ солнцемъ, и дикій шиповникъ проросъ сквозь останки лазурныхъ фаянсовъ твоей гробницы, чтобы, съ каждой новой весной, снова и снова томилась на немъ, разрывались отъ мучительно-сладострастныхъ пѣсенъ, отъ тоски несказаннаго счастья сердца соловьевъ. . .
А-а-а, Темиръ-Аксакъ-Ханъ, гдѣ она, горькая мудрость твоя? Гдѣ всѣ муки души твоей, слезами и желчью исторгнувшей вонъ медъ земныхъ обольщеній?

Горы ушли, отступили, мимо шоссеиной дороги мчится уже море, съ шумомъ и раковымъ запахомъ взбѣгающее на бѣлый хрящъ берега, похожій на безконечные бугры костей. Далеко впереди, въ темной изменности, разсыпаны красные и бѣлые огни, стоитъ розовое зарево города, и ночь надъ нимъ и надъ морскимъ заливомъ черна и мягка, какъ сажа.

Парижъ, 1921.

НОЧЬ ОТРЕЧЕНІЯ

Мрачная бурная ночь на исходѣ дождливыхъ мѣсяцевъ, тьма, ураганъ и ливни.

Берегъ священнаго Львинаго Острова, черные лѣса, подступившіе къ самому океану, какъ бы готовому затопить ихъ.

Великій ревъ волнъ, пѣнными, внутри свѣтящимися горами непрестанно идущихъ на островъ и заливающихъ не только прибрежныя отмели, на которыхъ студенистыми кругами лежатъ морскія звѣзды, испускающія таинственное сіяніе, и шуршатъ тысячи расползающихся краббовъ, не только береговыя скалы, но и подножіе тѣхъ пальмъ, что склонились, змѣевидно изогнулись своими тонкими стволами съ береговыхъ обрывовъ.

Сырой и теплый ураганъ проносится отъ времени до времени съ сугубой стремительностью, съ несказанной силой, столь величаво и мощно, что къ океану буйно катится изъ лѣсовъ гуль не менѣе страшный и тяжкій, чѣмъ гуль самого океана: тогда пальмы, мотавшіяся изъ стороны въ сторону, подобно живымъ существамъ, мучимымъ безпокойной дремотой, вдругъ низко склоняются подъ напоромъ домчавшейся до бе-

рега бури, всё разомъ падаютъ долу, и съ верхушекъ ихъ съ шумомъ сыплются мириады мертвыхъ листьевъ, а въ воздухъ вѣетъ пряными благовоніями, принесенными изъ глубины острова, изъ заповѣдныхъ нѣдръ лѣсныхъ.

Тучи, угрюмыя и грузныя, какъ въ ночи Потопа, все ниже спускаются надъ океаномъ. Но въ безграничномъ пространствѣ между ними и водной хлябью есть нѣкое подобіе свѣта: океанъ до сокровенныхъ глубинъ насыщенъ сокровеннымъ пламенемъ неисчислимыхъ жизней.

Валы океана, съ огненно-кипящими гривами, въ ревѣ и въ гулѣ бѣгушіе къ берегу, вспыхиваютъ, передъ тѣмъ, какъ рушиться, столь ярко, что озаряютъ зеленымъ отблескомъ человѣка, стоящаго въ лѣсу надъ берегомъ.

Человѣкъ этотъ босъ, съ обрѣзанными волосами, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ, въ рубищѣ отшельника.

Онъ малъ, какъ дитя, среди окружающаго его величія, и не ужасъ ли мелькнулъ въ его изможденномъ лицѣ при блескѣ и грохотѣ разрушившагося вала?

Твердо и звучно, преодолевая и этотъ грохотъ и слитный гулъ лѣсовъ и урагана, возглашаетъ онъ:

— Слава Возвышенному, Святому, Всепросвѣтленному, Побѣдившему Желаніе!

Вихремъ несутся вмѣстѣ съ ураганомъ, въ черной лѣсной тѣмѣ, мириады какъ бы огненныхъ глазъ. И восторженно звучитъ голосъ человѣка, стоящаго на берегу:

— Тщетно, Мара! Тщетно, Тысячеглазый, искушаешь Ты, проносясь надъ землею животворящими ура-

ганами и ливнями, тучнымъ и уже вновь благовоннымъ глѣніемъ могилъ, рождающихъ новую жизнь изъ гнили и праха! Отступись, Мара! Какъ дождевая капля съ тугого листа лотоса, скатывается съ меня Желаніе!

Но побѣдно, въ ливнѣ сыплющихся листьевъ, мчитъ ся вихрь несмѣтныхъ огненныхъ глазъ, озаряя подъ чернымъ лѣснымъ навѣсомъ какъ бы исполинское Изваяніе: Сидящаго на землѣ, главой своей Возвышающагося до самыхъ верхушекъ пальмъ.

Ноги Его скрещены.

Отъ шеи до чреслъ увить Онъ сѣрыми кольцами Змѣя, раздушаго свое розовое горло, простершаго свою плоскую, косоглазую голову надъ Его главой.

Не взирая на безмѣрную тяжесть змѣиныхъ колець, Сидящій свободенъ и статенъ, величавъ и прямъ.

Божественный наростъ, острый бугоръ на его темени. Черносиніе, курчавые, но короткіе волосы — какъ синева въ хвостѣ павлина. Красный ликъ царственно спокоенъ. Взглядъ блестящъ, подобенъ самоцвѣту.

И страшный голосъ Его, голосъ, звучащій безъ напряженія, по силѣ же подобный грому, величаво катится изъ глубины лѣсовъ къ Человѣку, стоящему на берегу:

— Истинно, истинно говорю тебѣ, ученикъ: снова и снова отречешься ты отъ Меня ради Мары, ради сладкаго обмана смертной жизни, въ эту ночь земной весны.

Парижъ, 1921.

БЕЗУМНЫЙ ХУДОЖНИКЪ

Золотилось солнце на востокъ, за туманной синью далекихъ лѣсовъ, за бѣлой низменностью, на которую глядѣлъ съ невысокаго горнаго берега древній русскій городъ. Былъ канунъ Рождества, бодрое утро съ легкимъ морозомъ и инеемъ.

Только что пришелъ петроградскій поѣздъ, въ гору, по наѣзженному снѣгу, отъ желѣзнодорожной станціи, тянулись извозчики, съ сѣдоками и безъ сѣдокъ.

Въ старой большой гостиницѣ на просторной площади, противъ старыхъ торговыхъ рядовъ, было тихо и пусто, прибрано къ празднику. Гостей не ждали. Но вотъ къ крыльцу подъѣхалъ господинъ въ пенснэ, съ изумленными глазами, въ черномъ бархатномъ беретѣ, изъ подъ котораго падали зеленоватые кудри, и въ длинной дохѣ блестящаго каштановаго мѣха.

Рыжій бородачъ на козлахъ притворно крякалъ, желая показать, что онъ промерзъ, что слѣдуетъ набавить ему. Сѣдокъ не обратилъ на него вниманія, предоставивъ расплатиться съ нимъ гостиницѣ.

— Ведите меня въ самый свѣтлый номеръ, — громко сказалъ онъ, торжественнымъ шагомъ слѣдуя по

широкому коридору за молодымъ коридорнымъ, несшимъ его дорогой заграничный чемоданъ. — Я художникъ, — сказалъ онъ, — но на этотъ разъ мнѣ не нужна комната на сѣверъ. Отнюдь нѣтъ!

Коридорный распахнулъ дверь въ номеръ первый, самый почетный, состоявшій изъ прихожей и двухъ обширныхъ комнатъ, гдѣ окна были однако невелики и очень глубоки, по причинѣ толстыхъ стѣнъ. Въ комнатахъ было тепло, уютно и спокойно, янтарно отъ солнца, смягченнаго инеемъ на нижнихъ стеклахъ. Осторожно опустивъ чемоданъ на коверъ по срединѣ приѣмной, коридорный, молодой малый съ умными веселыми глазами, остановился въ ожиданіи паспорта и приказаній. Художникъ, ростомъ невысокій, юношески легкій вопреки своему возрасту, въ беретѣ и бархатной курткѣ, прошелся изъ угла въ уголь и, сронивъ движеніемъ бровей пенснэ, потеръ бѣлыми, точно алебастровыми руками свое блѣдное измученное лицо. Потомъ странно посмотрѣлъ на слугу невидящимъ взоромъ очень близорукаго и разсѣяннаго человѣка.

— Двадцать четвертое декабря тысяча девятьсотъ шестнадцатаго года! — сказалъ онъ. — Эту дату ты долженъ запомнить!

— Слушаю-сь, — отвѣтилъ коридорный, и въ глазахъ его выразилась готовность.

Художникъ вынулъ изъ бокового кармана куртки золотые часы, мелькомъ, прищуривъ одинъ глазъ, взглянулъ на нихъ.

— Ровно половина десятаго, — продолжалъ онъ, снова устраивая на носу свои стекла. — Я у цѣли своего паломничества. Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе! Паспортъ я

тебѣ дамъ, не безпокойся, но сейчасъ мнѣ не до паспорта. У меня нѣтъ ни одной свободной минуты. Сейчасъ я спѣшу въ городъ, чтобы вернуться ровно въ одиннадцать. Я долженъ завершить дѣло всей моей жизни. Мой молодой другъ, — сказалъ онъ, протягивая къ коридорному руку и показывая ему два обручальныхъ кольца, изъ которыхъ одно, на мизинцѣ, было женское: — это кольцо — предсмертный завѣтъ!

— Такъ точно, — отозвался коридорный.

— И я этотъ завѣтъ исполню! — грозно сказалъ художникъ. — Я напишу безсмертную вещь! И я подарю ее — тебѣ.

— Покорнѣйше благодаримъ, — отвѣтилъ коридорный.

— Но, любезный, дѣло въ томъ, что я не взялъ съ собой ни холста, ни красокъ, — провезти ихъ изъ за этой чудовищной войны было совершенно невозможно. Я надѣюсь достать ихъ здѣсь. Я наконецъ воплощу все то, что сводило меня съ ума цѣлыхъ два года, а потомъ такъ дивно преобразилось въ Стокгольмѣ!

Говоря и отчеканивая слова, художникъ въ упоръ смотрѣлъ черезъ пенснэ на своего собесѣдника.

— Весь міръ долженъ узнать и понять это откровеніе, эту благую вѣсть! — воскликнулъ онъ, театральнo взмахнувъ рукой. — Слышишь? Весь міръ! Всѣ!

— Хорошо-съ, — отвѣтилъ коридорный. — Я доложу хозяину.

Художникъ снова надѣлъ доху и направился къ двери. Коридорный со всѣхъ ногъ кинулся отворять ее. Художникъ важно кивнулъ ему и зашагалъ по коридору.

дору. На площадкѣ лѣстницы онъ пріостановился и добавилъ:

— Въ мірѣ, мой другъ, нѣтъ праздника выше Рождества. Нѣтъ таинства, равнаго рожденію человѣка. Послѣдній мигъ кроваваго, стараго міра! Рождается новый человѣкъ!

На улицѣ совсѣмъ ободнялось, стало совсѣмъ солнечно. Иней на телеграфныхъ проволокахъ рисовался по голубому небу нѣжно и сизо и уже крошился, осыпался. На площади толпился цѣлый лѣсъ густыхъ темно-зеленыхъ елокъ. У лавокъ стояли мерзлыя бѣлыя туши голыхъ свиней съ глубокими разрѣзами на толстыхъ загривкахъ, висѣли сѣрые рябчики, ошипанные гуси, индѣйки, жирные и застывшіе. Прохожіе, переговариваясь, спѣшили, извозчики стегали лохматыхъ лошадей, подрѣза визжали.

— Узнаю тебя, Русь! — громко говорилъ художникъ, шагая по площади и глядя на туго подпоясанныхъ, толсто одѣтыхъ бодрыхъ торговцевъ и торговокъ, покрикивающихъ возлѣ своихъ лотковъ съ самодѣльными деревянными игрушками и большими бѣлыми пряниками въ видѣ коней, пѣтуховъ и рыбъ.

Онъ подозвалъ свободнаго извозчика и велѣлъ ѣхать ему на главную улицу.

— Только живѣе, къ одиннадцати я долженъ быть дома за работой, — сказалъ онъ, садясь въ холодныя санки, кладя на колѣни себѣ тяжелую, каляную полость.

Извозчикъ мотнулъ шапкой и быстро понесъ его на своемъ сытомъ меренкѣ по блестящей, накатанной дорогѣ.

— Живѣе, живѣе! — повторилъ художникъ. Въ двѣнадцать самый полный свѣтъ солнца. — Да, — сказалъ онъ, оглядываясь, — мѣста знакомыя, но основательно забытыя! Какъ называется эта пѣщца?

— Чего изволите? — спросилъ извозчикъ.

— Я тебя спрашиваю, какъ называется эта площадь? — крикнулъ художникъ, внезапно впадая въ ярость. — Стой, негодяй! Зачѣмъ ты привезъ меня къ часовнѣ? Я боюсь церквей и часовенъ! Стой! Ты знаешь, что одинъ финнъ привезъ меня къ кладбищу, и я тотчасъ же написалъ письма къ королю и къ папѣ и онъ былъ приговоренъ къ смертной казни! Вези назадъ!

Извозчикъ осадилъ разбѣжавшуюся лошадь и взглянулъ на сѣдока съ недоумѣніемъ:

— Куда же прикажете? Вы сказали, на главную улицу...

— Я сказалъ тебѣ — въ художественный магазинъ!

— Вы бы лучше, баринъ, другого наняли, мы не понимаемъ.

— Ну и убирайся къ черту! Вотъ тебѣ твои серебряники.

И художникъ неловко вылѣзъ изъ саней, бросилъ извозчику трехрублевку и пошелъ прочь, назадъ, по серединѣ улицы. Доха его распахнулась, волочилась по снѣгу, глаза страдальчески и растерянно блуждали по сторонамъ. Увидавъ въ окнѣ магазина золоченые багеты, онъ поспѣшно вошелъ въ магазинъ. Но едва онъ заговорилъ о краскахъ, румяная барышня въ шубкѣ, сидѣвшая за кассой, тотчасъ же перебила его:

— Ахъ нѣтъ, у насъ красками нѣ торгуютъ. У насъ только рамы, багеты и обои. Да и вообще врядъ ли вы найдете у насъ въ городѣ холстъ и масляныя краски.

Художникъ съ непритворнымъ отчаяніемъ схватился за голову.

— Боже мой, да неужели? Ахъ, какъ это ужасно! Сейчасъ и именно сейчасъ краски для меня вопросъ жизни и смерти! Идея моя совершенно созрѣла еще въ Стокгольмѣ и, будучи воплощенной, должна произвести неслыханное впечатлѣніе. Я долженъ написать вѣдомую пещеру, написать Рождество и залить всю картину, — и эти ясли, и Младенца, и Мадонну, и льва, и ягненка, возлежащихъ рядомъ, — именно рядомъ! — такимъ ликованіемъ ангеловъ, такимъ свѣтомъ, чтобы это было воистину рожденіемъ новаго человека. Только у меня это будетъ въ Испаніи, страиѣ нашего перваго, брачнаго путешествія. Вдали — синія горы, на холмахъ цвѣтуція деревья, въ раскрытыхъ небесахъ. . .

— Извиняюсь, господинъ, — сказала барышня съ испугомъ, — здѣсь могутъ покупатели придти. У насъ только рамы, багеты и шпалеры. . .

Художникъ встрепенулся и съ преувеличенной вѣжливостью поднялъ свой беретъ:

— Ахъ, простите ради Бога! Вы правы, тысячу разъ правы!

И поспѣшно вышелъ.

Черезъ нѣсколько домовъ, въ магазинѣ «Знаніе», онъ купилъ очень большой листъ шершаваго картона, цвѣтныхъ карандашей и акварельныя краски на бумажной палитрѣ. Затѣмъ опять вскочилъ на извозчика и погналъ его въ гостиницу. Въ гостиницѣ онъ тотчасъ

же позвонилъ. Явился тотъ же коридорный. Художникъ держалъ въ рукахъ паспортъ.

— Вотъ! — сказалъ онъ, протягивая его коридорному. — Кесарево — кесарю. А затѣмъ, любезный, ты долженъ принести мнѣ стаканъ воды для акварели. Масляныхъ красокъ, увы, нигдѣ нѣтъ. Война! Желѣзный вѣкъ! Пещерный вѣкъ!

И, подумавъ, внезапно просіялъ восторгомъ:

— А какой день! Боже, какой день! Ровно въ полночь рождается Спаситель! Спаситель міра! Я такъ и подпишу подъ картиной: *рожденіе новаго человѣка!* Мадонну я напишу съ той, чье имя отнынѣ священо. Я воскрешу ее, убитую злой силой вмѣстѣ съ новой жизнью, выношенной ею подъ сердцемъ!

Коридорный опять выразилъ свою неизмѣнную готовность на услуги и опять ушелъ. Но когда, черезъ нѣсколько минутъ, онъ принесъ стаканъ и графинъ свѣжей воды, художникъ крѣпко спалъ. Блѣдное и худое лицо его было похоже на алебастровую маску. Онъ высоко, навзничъ лежалъ на подушкахъ на кровати въ спальнѣ, закинувъ голову, разметавъ свои длинные сѣро-зеленые волосы, и не было слышно даже дыханія его. Коридорный удалился на ципочкахъ и за дверью столкнулся съ хозяиномъ, приземистымъ человѣкомъ съ бобрикомъ на темени и острыми глазами.

— Ну что? — спросилъ хозяинъ быстрымъ шопотомъ.

— Спать, — отвѣтилъ коридорный.

— Чудеса! — сказалъ хозяинъ. — А паспортъ правильный. Только отмѣчено, что жена померла. Иванъ Матвѣичъ звонилъ, велѣлъ присматривать. Ты того, держи ухо востро. Время, братъ, военное.

— Говорить — одарю тебя, дай только дѣло сдѣлать, — сказалъ коридорный. — Самовара не спрашиваетъ. . .

— Вотъ, вотъ! — подхватилъ хозяинъ и прильнулъ ухомъ къ двери.

Но за дверью было тихо и только чувствовалась та грусть, что всегда бываетъ въ комнатѣ спящаго человека.

Солнце медленно уходило изъ номера. Потомъ и совсемъ ушло. Иней на окнахъ посѣрѣлъ, сталъ скучный. Въ сумерки художникъ внезапно проснулся и тотчасъ кинулся къ звонку.

— Это ужасно! — закричалъ онъ, какъ только появился коридорный. — Ты меня не разбудилъ! А межъ тѣмъ именно изъ-за этого дня мы и предприняли нашу страшную Одиссею. Ты, конечно, знаешь, что даже Китченера пустили ко дну. Представь же себѣ, каково было ей, беременной на восьмомъ мѣсяцѣ! Мы прошли черезъ тысячу всяческихъ рогатокъ, не спали, не ѣли почти шесть недѣль. А море! А бѣшенныя качки! А этотъ непрестанный страхъ, что того гляди влетишь на воздухъ! «Всѣ наверхъ! Готовь спасательные пояса! Первому, кто кинется къ шлюпкѣ безъ команды, разможжу черепъ!»

— Такъ точно, — сказалъ коридорный, оторопѣвъ отъ его зычнаго крика.

— А какой былъ радостный свѣтъ! — продолжалъ художникъ, успокаиваясь. — Я при такомъ настроеніи духа, какъ давеча, кончилъ бы работу въ два-три часа. Но что жъ дѣлать! Буду работать всю ночь. Только помоги мнѣ кое-что приготовить. Столъ этотъ, пожалуй, годится. . .

Онъ подошелъ къ преддиванному столу, стащилъ съ него бархатную скатерть, покачалъ его:

— Стоитъ довольно твердо. Но вотъ что: у васъ здѣсь всего двѣ свѣчи. Надо принести еще восемь, иначе я не могу писать. Мнѣ нужна бездна свѣта!

Коридорный опять вышелъ и долго спустя принесъ семь свѣчей въ разныхъ подсвѣчникахъ.

— Одной нѣту, всѣ по номерамъ, — сказала онъ.

Художникъ опять заволновался, опять закричалъ:

— Ахъ, какъ это досадно! Десять, десять нужно было! На всякомъ шагу преграды, низости! Помогите мнѣ по крайней мѣрѣ поставить столъ какъ разъ по серединѣ комнаты. Мы увеличимъ свѣтъ отраженіями въ зеркалѣ. . .

Коридорный потащилъ столъ на указанное мѣсто, покрѣпче уставилъ его.

— Теперь надо застелить чѣмъ-нибудь бѣлымъ, не поглощающимъ свѣта, — бормоталъ художникъ, неловко помогая, роняя и надѣвая пенснэ. — Чѣмъ бы это? Бѣлыхъ скатертей я боюсь. . . Ба, у меня куча газетъ, я предусмотрительно не выбрасывалъ ихъ!

Онъ открылъ чемоданъ, лежавшій на полу, взялъ оттуда нѣсколько номеровъ «Нового Времени», застелилъ столъ, прикрѣпилъ кнопками, разложилъ карандаши, палитру, разставилъ въ рядъ девять свѣчей и всѣ зажегъ ихъ. Комната приняла странный, праздничный и отчасти зловѣщій видъ отъ этого обилія огней. Окна почернѣли. Свѣчи отражались въ зеркалѣ надъ диваномъ, бросая яркій золотой свѣтъ на бѣлое серьезное лицо художника и на молодое озабоченное лицо коридорнаго. Когда наконецъ все было готово, коридорный почтительно отступилъ къ порогу и спросилъ:

— Кушать будете у насъ али на сторонѣ?

Художникъ горько и театральнo усмѣхнулся:

— Дитя! Онъ воображаетъ, что я могу въ такую минуту ѣсть! Иди съ миромъ, другъ мой. Ты свободенъ теперь до утра.

И коридорный осторожно вышелъ вонъ.

Часы текли. Художникъ ходилъ из угла въ уголъ. Онъ сказалъ себѣ: «Надо приготовиться». За окнами чернѣла зимняя морозная ночь. Онъ опустилъ на нихъ шторы. Въ гостинницѣ все молчало. За дверью въ коридорѣ слышались осторожные, воровскіе шаги, — за художникомъ подсматривали въ замочную скважину, подслушивали. Потомъ и шаги стихли. Свѣчи пылали, дрожа огнями, отражаясь въ зеркалѣ. Лицо художника становилось все болѣзненнѣе.

— Нѣтъ! — вскричалъ онъ вдругъ, рѣзко останавливаясь. — Сперва я долженъ возобновить въ памяти ея черты. Прочь дѣтскій страхъ!

Онъ наклонился къ чемодану, волосы его повисли. Запустивъ руку подъ бѣлье, онъ вытащилъ большой бѣлый бархатный альбомъ, сѣлъ въ кресло у стола. Раскрывъ альбомъ, онъ рѣшительно и гордо откинулъ голову назадъ и замеръ въ созерцаніи.

Въ альбомѣ былъ большой фотографическій снимокъ: внутренность какой-то пустой часовни, со сводами, съ блестящими стѣнами изъ гладкаго камня. По срединѣ, на возвышеніи, покрытомъ траурнымъ сукномъ, тянулся длинный гробъ, въ которомъ лежала худая женщина съ сомкнутыми выпуклыми вѣками. Узкая и красивая голова ея была окружена гирляндой цвѣтовъ, высоко на груди покоились сложенные руки. Въ возглавіи гроба стояли три церковныхъ свѣщника.

у подножія — крохотный гробикъ съ младенцемъ, по-
хожимъ на куклу.

Художникъ напряженно вглядывался въ острия
черты покойной. Вдругъ лицо его исказилось ужасомъ.
Онъ кинулъ альбомъ на коверъ, вскочилъ, бросился
къ чемодану. Онъ перерылъ его весь, до дна, разбро-
салъ по полу рубашки, носки, галстухи. . . Нѣтъ, того,
что онъ искалъ, не было! Онъ отчаянно озирался по
сторонамъ, теръ рукою лобъ. . .

— Полжизни за кисть! — воскликнулъ онъ хрип-
лымъ голосомъ, топнувъ ногою. — Забылъ, забылъ,
несчастный! Ищи-же! Сотвори чудо!

Но кисти не было. Онъ пошарилъ по карманамъ,
нашелъ перочинный ножъ, подбѣжалъ къ дохѣ. . .
Развѣ вырѣзать клочъ мѣху и привязать къ перу, къ
щепкѣ? Но гдѣ взять нитокъ? Ночь, всѣ спятъ. . .
его примутъ за сумасшедшаго! И онъ яростно схва-
тилъ съ дивана картонъ, швырнулъ его на столъ, сбѣ-
галъ въ спальню за подушками, положилъ ихъ на крес-
ло, чтобы было выше сидѣть, и хватая то одинъ, то
другой карандашъ, съ головой ушелъ въ работу.

Онъ трудился безъ отдыха. Онъ снялъ пенснэ и низ-
ко наклонился къ столу, бросалъ сильные и увѣренные
удары, откидывался, вперяя взглядъ въ зеркало, свѣт-
лый туманъ котораго былъ полонъ дрожащими цвѣ-
тистыми огнями. Отъ жара свѣчей волосы художника
на вискахъ смоклись, отъ напряженія вздулись жилы
на шеѣ. Глаза слезились и горѣли, черты лица обрѣ-
зались.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что листъ картона безна-
дежно испорченъ, — нелѣпо и ярко загроможденъ ри-
сунками, совершенно противоположными другъ другу

по смыслу и по значенію ихъ: горячее вдохновеніе художника совершенно не повиновалось ему, дѣлало совсѣмъ не то, что ему хотѣлось. Онъ перевернулъ картонъ и, схвативъ синій карандашъ, оцѣпенѣлъ на нѣкоторое время. Раскрытый альбомъ лежалъ возлѣ его кресла. Изъ альбома такъ и билъ въ глаза длинный гробъ и мертвый ликъ. Онъ порывисто захопнулъ альбомъ. Въ чемоданѣ торчала изъ бѣлья оплетенная фляжка съ одеколономъ. Онъ вскочилъ, быстро отвинтилъ ея крышечку и, обжигаясь, сталъ пить. Опорожнивъ фляжку почти до дна и, отдуваясь отъ душистаго пламени, съ пылающимъ горломъ, онъ опять пошелъ шагать по комнатѣ.

Вскорѣ юношеская сила овладѣла имъ, — дерзкая рѣшительность, увѣренность въ каждой своей мысли, въ каждомъ своемъ чувствѣ, сознаніе, что онъ все можетъ, все смѣетъ, что нѣтъ болѣе для него сомнѣній, нѣтъ преграды. Онъ исполнился надеждъ и радости. Ему казалось, что мрачныя, дьявольскія наводненія жизни, черными волнами заливавшія его воображеніе, отступаютъ отъ него. Осанна! Благословенъ Грядый во имя Господне!

Теперь передъ его умственнымъ взоромъ, съ потрясающей, съ небывалой доселѣ ясностью, стояло лишь то, чего жаждало его сердце, сердце не раба жизни, а творца ея, какъ мысленно говорилъ онъ себѣ. Небеса, преисполненныя вѣчнаго свѣта, млѣющія эдемской лазурью и клубящіяся дивными, хотя и смутными облаками, грезились ему; свѣтозарные лики и крылья несмѣтныхъ ликующихъ серафимовъ проступали въ жуткой литургической красотѣ небесъ; Богъ-Отецъ, грозный и радостный, благій и торжествующій, какъ въ дни

творенія, высился среди нихъ радужнымъ исполни-
скимъ видѣніемъ; Дѣва неизрѣченной прелести, съ
очами, полными блаженства счастливой матери, стоя
на облачныхъ клубахъ, сквозящихъ синюю земныхъ
далей, простертыхъ подъ нею, являла міру, высоко
поднимала на божественныхъ рукахъ своихъ Младен-
ца, блистающаго, какъ солнце, и дикій, могучій Іоаннъ,
препоясанный звѣриной шкурою, на колѣняхъ стоялъ
возлѣ Ея ногъ, въ изступленіи любви, нѣжности и бла-
годарности цѣлуя край Ея одежды. . .

И художникъ снова кинулся къ своей работѣ. Онъ
ломалъ и съ лихорадочной поспѣшностью, трясущими-
ся руками, вновь острилъ ножомъ карандаши. Догорав-
шія свѣчи, оплывшія, текуція по раскаленнымъ под-
свѣчникамъ, еще жарче пылали возлѣ его лица, завѣ-
шаннаго вдоль щекъ мокрыми волосами.

Въ шесть часовъ онъ бѣшено давилъ кнопку звонка:
онъ кончилъ, кончилъ! Затѣмъ побѣжалъ къ столу и
стоя, съ бьющимся сердцемъ, сталъ ждать коридорна-
го. Теперь онъ былъ блѣденъ такой блѣдностью, что
губы у него казались черными. Вся куртка его была
осыпана разноцвѣтной пылью карандашей. Темные
глаза горѣли нечеловѣческимъ страданіемъ и вмѣстѣ
съ тѣмъ какимъ-то свирѣпымъ восторгомъ.

Никто не шелъ. Гробовая тишина окружала его. Но
онъ стоялъ, онъ ждалъ, весь превратившись въ слухъ
и ожиданіе. Вотъ, сію минуту вбѣжитъ коридорный,
и онъ, творецъ, завершившій свой трудъ, излившій
свою душу по волѣ самого Божества, быстро скажетъ
ему заранѣе приготовленные, страшные и побѣдитель-
ные слова:

— Возьми. Я тебѣ дарю это.

И онъ, близкій отъ стука своего сердца къ потерѣ сознанія, крѣпко держалъ въ рукѣ картонъ. На картонѣ-же, сплошь расцвѣченномъ, чудовищно громоздилось то, что покорило его воображеніе въ полной противоположности его первоначальной жадѣ. Дикое, черносинее небо до зенита пылало пожарами, кровавымъ пламенемъ дымныхъ, разрушающихся храмовъ, дворцовъ и жилищъ. Черные дыбы, эшафоты и висѣлицы съ удавленниками мрачно сквозили на огненномъ фонѣ. Надъ всей картиной, надъ всѣмъ этимъ моремъ огня и дыма, величаво, демонически высился огромный крестъ съ распятымъ на немъ, окровавленнымъ Страдальцемъ, широко и покорно раскинувшимъ длани по перекладинамъ креста. Смерть, въ dospѣхахъ и зубчатой коронѣ, оскаливъ свою гробную челюсть, съ разбѣгу подавшись впередъ, глубоко всадила подъ сердце Распятаго желѣзный трезубецъ. Низъ же картины являлъ беспорядочную грудку мертвыхъ — и свалку, грызню, драку живыхъ, полное смѣшеніе нагихъ тѣлъ, рукъ и лицъ. И лица эти, ощеренныя, клыкастыя, съ глазами, выкатившимися изъ орбитъ, были столь мерзостны и грубы, столь искажены ненавистью, злобой, сладострастіемъ братоубійства, что ихъ можно было признать скорѣе за лица скотовъ, звѣрей, дьяволовъ, но никакъ не за человѣческія.

Парижъ, 1921.

КОСЦЫ

Мы зашли далеко отъ дому и шли по большой дорогѣ, а они косили въ молодомъ березовомъ лѣсу по близости отъ нея — и пѣли.

Это было давно, это было безконечно давно, потому что та жизнь, которой всѣ мы жили въ то время, не вернется уже во вѣки.

Они косили и пѣли, и весь березовый лѣсъ, еще не утратившій густоты и свѣжести, еще полный цвѣтовъ и запаховъ, звучно откликался имъ. Мы, слушая, сперва замедлили шаги, потомъ и совсѣмъ остановились. Это было поистинѣ нѣчто чудесное. Никогда и ничего подобнаго не доводилось намъ слышать. А ужъ для насъ-ли могла быть новостью прелесть русской народной пѣсни!

Кругомъ насъ были поля, глушь серединной, исконной Россіи. Было предвечернее время іюньскаго дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрѣзанная заглохшими колеями, слѣдами давней жизни нашихъ отцовъ и дѣдовъ, уходила передъ нами въ безконечную русскую даль. Солнце склонялось на западъ, стало заходить въ красивыя легкія облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая къ за-

кату, гдѣ небо уже золотилось, огромные свѣтлые столпы, какъ пишутъ ихъ на церковныхъ картинахъ. Стадо овецъ сѣрѣло впереди, старикъ пастухъ съ подпаскомъ сидѣлъ на межѣ, навивая кнутъ. . . Казалось, что нѣтъ да никогда и не было ни времени, ни дѣленія его на вѣка, на годы въ этой забытой — или благословенной — Богомъ странѣ. И они шли и пѣли среди ея вѣчной полевой тишины, простоты и первобытности съ какой-то былинной свободой и беззавѣтностью. И березовый лѣсъ принималъ и подхватывалъ ихъ пѣсню такъ же свободно и вольно, какъ и они пѣли.

Они были «дальніе», рязанскіе. Они небольшой артелью проходили по нашимъ мѣстамъ, помогая нашимъ сѣнокосамъ и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры въ степяхъ еще болѣе плодородныхъ, чѣмъ наши. И они были беззаботны, дружны, какъ бываютъ люди въ дальнемъ и долгомъ пути, на отдыхѣ отъ всѣхъ семейныхъ и хозяйственныхъ узъ, были «охочи къ работѣ», несознанно радуясь ея красотѣ и спорости. Они были какъ-то стариннѣе и добротнѣе, чѣмъ наши, — въ обычаяхъ, въ повадкѣ, въ языкѣ, — опрятнѣй и красивѣй одеждой, своими мягкими кожаными бахилками, бѣлыми ладно увязанными онучами, чистыми портками и рубахами съ красными, кумачевыми воротами и такими же подмышниками.

Недѣлю тому назадъ они косили въ ближнемъ отъ насъ лѣсу, и я видѣлъ, проѣзжая верхомъ, какъ они заходили на работу, пополудновавши: они пили изъ деревянныхъ жбановъ родниковую воду, — такъ долго, такъ сладко, какъ пьютъ только звѣри да хорошіе, здоровые русскіе батраки, — потомъ крестились и бодро сбѣгались къ мѣсту съ бѣлыми, блестящими, наве-

денными какъ бритва косами на плечахъ, на бѣгу вступали въ рядъ, косы пустили всѣ вразъ, широко, играючи, и пошли, пошли вольной, ровной чередой. А на возвратномъ пути я видѣлъ ихъ ужинъ. Они сидѣли на засвѣжѣвшей полянѣ возлѣ потухшаго костра, ложками таскали изъ чугуна куски чего-то розоваго.

Я сказалъ:

— Хлѣбъ-соль, здравствуйте.

Они привѣтливо отвѣтили:

— Добраго здоровья, милости просимъ!

Поляна спускалась къ оврагу, открывая еще свѣтлый за зелеными деревьями западъ. И вдругъ, приглядѣвшись, я съ ужасомъ увидѣлъ, что то, что ѣли они, были страшные своимъ дурманомъ грибы-мухоморы. А они только засмѣялись:

— Ничего, они сладкіе, чистая курятина!

Теперь они пѣли: — «Ты прости, прощай, любезный другъ!» — подвигались по березовому лѣсу, бездумно лишая его густыхъ травъ и цвѣтовъ, и пѣли, сами не замѣчая того. И мы стояли и слушали ихъ, чувствуя, что уже никогда не забыть намъ этого предвечерняго часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполнѣ, въ чемъ такая дивная прелесть ихъ пѣсни.

Прелесть ея была въ откликахъ, въ звучности березоваго лѣса. Прелесть ея была въ томъ, что никакъ не была она сама по себѣ: она была связана со всѣмъ, что видѣли, чувствовали и мы и они, эти рязанскіе косцы. Прелесть была въ томъ несознаваемомъ, но кровномъ родствѣ, которое было между ими и нами — и между ими, нами и этимъ хлѣбороднымъ полемъ, что

окужало насъ, этимъ полевымъ воздухомъ, которымъ дышали и они и мы съ дѣтства, этимъ предвечернимъ временемъ, этими облаками на уже розовѣющемъ западѣ, этимъ свѣжимъ, молодымъ лѣсомъ, полнымъ медвяныхъ травъ по-поясъ, дикихъ несмѣтныхъ цвѣтовъ и ягодъ, которыя они поминутно срывали и ѣли, и этой большой дорогой, ея просторомъ и заповѣдной далью. Прелестъ была въ томъ, что всѣ мы были дѣти своей родины и были всѣ вмѣстѣ и всѣмъ намъ было хорошо, спокойно и любовно безъ яснаго пониманія своихъ чувствъ, ибо ихъ и не надо, не должно понимать, когда они есть. И еще въ томъ была (уже совсѣмъ несознаваемая нами тогда) прелестъ, что эта родина, этотъ нашъ общій домъ была — Россія, и что только ея душа могла пѣть такъ, какъ пѣли косцы въ этомъ откликающемся на каждый ихъ вздохъ березовомъ лѣсу.

Прелестъ была въ томъ, что это была какъ будто и не пѣсня, а именно только вздохи, подъемы молодой, здоровой, пѣвучей груди. Пѣла одна грудь, какъ когда-то пѣлись пѣсни только въ Россіи и съ той непосредственностью, съ той несравненной легкостью, естественностью, которая была свойственна въ пѣснѣ только русскому. Чувствовалось — человекъ такъ свѣжъ, крепкъ, такъ наивенъ въ невѣдѣніи своихъ силъ и талантовъ и такъ полонъ пѣснью, что ему нужно только легонько вздыхать, чтобы отзывался весь лѣсъ на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполняли его эти вздохи. Они подвигались, безъ малѣйшаго усилія бросая вокругъ себя косы, широкими полукругами обнажая передъ собою поляны, окашивая, подбивая вокругъ пней и кустовъ

и безъ малѣйшаго напряженія вздыхая, каждый по своему, но въ общемъ выражая одно, дѣлая по наитію нѣчто единое, совершенно цѣльное, необыкновенно прекрасное. И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были тѣ чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вмѣстѣ съ откликающейся далью, глубиной лѣса.

Конечно, они прощались, разставались и съ «родимой сторонужкой» и со своимъ счастьемъ, съ надеждами и съ той, съ кѣмъ это счастье соединялось:

Ты прости, прощай, любезный другъ,
И родимая ахъ да прощай сторонужка! —

говорили, вздыхали они каждый по разному, съ той или иной мѣрой грусти и любви, но съ одинаковой беззаботно-безнадежной укоризной.

Ты прости, прощай, любезная, невѣрная моя,
По тебѣ ли сердце чернѣй грязи сдѣлалось! —

говорили они, по разному жалуясь и тоскуя, по разному ударяя на слова, и вдругъ всѣ разомъ сливались уже въ совершенно согласномъ чувствѣ почти восторга передъ своей гибелью, молодой дерзости передъ судьбою и какого-то необыкновеннаго, всепрощающаго великодушія, — точно встряхивали головами, — и кидали на вѣсь лѣсъ:

Коль не любишь, не милъ — Богъ съ тобою,
Коли лучше найдешь — позабудешь! —

и по всему лѣсу откликалось на дружную силу, свободу и грудную звучность ихъ голосовъ, замирало и опять, звучно гремя, подхватывало:

Ахъ, коли лучше найдешь — позабудешь,
Коли хуже найдешь — пожалѣешь!

Въ чемъ еще было очарованіе этой пѣсни, ея неизбежная радость при всей ея безнадежности? Въ томъ, что человѣкъ все таки не вѣрилъ да и не могъ вѣрить, по своей силѣ и непочатости, въ эту безнадежность. — «Ахъ, да всѣ пути мнѣ, мѡлодцу, заказаны!» — говорилъ онъ, сладко оплакивая себя. Но не плачутъ сладко и не поютъ своихъ скорбей тѣ, которымъ и впрямь нѣтъ нигдѣ ни пути, ни дороги. — «Ты прости, прощай, родимая сторонушка!» — говорилъ человѣкъ — и зналъ, что все-таки нѣтъ ему подлинной разлуки съ нею, съ родиной, что куда бы ни забросила его доля, все будетъ надъ нимъ родное небо, а вокругъ — безпредѣльная родная Русь, гибельная для него, балованнаго, развѣ только своей свободой, просторомъ и сказочнымъ богатствомъ. — «Закатилось солнце красное за темныя лѣса, ахъ, всѣ пташки приумолкли, всѣ сядились по мѣстамъ!» — Закатилось мое счастье, вздыхалъ онъ, темная ночь съ ея глушью обступаетъ меня, — и все таки чувствовалъ: такъ кровно близокъ онъ съ этой глушью, живой для него, дѣвственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него пріютъ, ночлегъ, есть чье-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голосъ, шепчущій: — «Не тужи, утро вечера мудренѣе, для меня нѣтъ ничего невозможнаго, спи спокойно, дитяtkо!» — И изъ вся-

ческих бѣдъ, по вѣрѣ его, выручали его птицы и звѣри лѣсные, царевны прекрасныя, премудрыя и даже сама Баба-Яга, жалѣвшая его «по его младости.» Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, теки рѣчки молочныя, таились клады самоцвѣтныя, отъ всѣхъ смертныхъ чаръ были ключи вѣчно живой воды, зналъ онъ молитвы и заклятія, чудодѣйныя опять таки по вѣрѣ его, улеталъ изъ темницъ, скинувшись яснымъ соколомъ, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его отъ лихихъ сосѣдей и вѣроговъ дебри дремучія, черныя топи болотныя, пески летучіе — и прощалъ милосердный Богъ за всѣ пошвысты удалые, ножи острые, горячіе. . .

Еще одно, говорю я, было въ этой пѣснѣ, — это то, что хорошо знали и мы и они, эти рязанскіе мужики, въ глубинѣ души, что безконечно счастливы были мы въ тѣ дни, теперь уже безконечно далекіе — и невозвратимые. Ибо всему свой срокъ — миновала и для насъ сказка: отказались отъ насъ наши древніе заступники, разбѣжались рысчучіе звѣри, разлетѣлись вѣщія птицы, свернулись самобранныя скатерти, поруганы молитвы и заклятія, изсохла Мать-Сыра-Земля, изсякли животворные ключи — и настала конецъ, предѣлъ Божьему прощенію.

Парижъ, 1921.

О ДУРАКЪ ЕМЕЛЪ, КАКОЙ ВЫШЕЛЪ ВСЪХЪ УМНЪЕ

Емеля былъ дуракъ, а прожилъ на свѣтѣ такъ, какъ дай Богъ всякому: не сѣялъ, не пахаль и никакой работы не зналъ, а на печкѣ сытенькій полеживаль. Къ самому царю на оправданье на печкѣ вѣздиль.

Пошелъ по-воду Емеля, — его братья по сторонамъ занимались, а онъ только на печи лежалъ и невѣсткамъ угожалъ, за водой въ развалочку ходилъ, дрова колоть да сладкимъ сномъ занимался, — пришелъ на рѣчку, а въ водѣ черная щука ходитъ. Онъ ее поскорѣй за хвостъ и давай на берегъ тащить, а она его стала со слезьми объ милости просить:

— Моль, пусти меня, Емеля, я гожусь тебѣ въ нѣкое время.

Онъ ее бросилъ, отпустилъ, а она и говоритъ:

— Проси, чего тебѣ хочется, не хочется.

— Мнѣ, говоритъ Емеля, ведра несть не хочется: пушай сами идутъ.

Она сейчасъ сказала: — «По щучью по вельнью, по моему прошенью, идите, ведра, собой сами!» — они и пошли сами ко двору. Емеля слѣдомъ за ними поспѣшаетъ, пѣсенки потанакиваетъ, а они покачиваются, какъ утки, сами идутъ. По селу народъ встрѣчается, во

всѣ окна глядятъ, — глянь-ка, молъ, глянь, у Емельки ведра сами идутъ! — а онъ дошелъ до двора и шумитъ:

— Эй вы, двери-тетери, — по щучью по велѣнью. по моему прошенью, отворяйтесь, двери, собой сами! Мнѣ не охота себя трудить, у меня одна думка — послаже на свѣтѣ пожить!

Тутъ двери сейчасъ собой сами растворились, а ведра только черезъ порогъ посигиваютъ, стали въ избу прыгать-скакать, а невѣстки отъ нихъ куда попало кидаются, испужались дюже:

— Что это, дескать, такое, что это ты, дуракъ, дуросвѣтишь? Гдѣ ты такое взялъ, что ведра у тебя сами ходятъ?

— У васъ, говоритъ Емеля, не ходятъ, а у меня, говоритъ, ходятъ. Это ужъ пушай умные хрипъ-то гнутъ! Пеките мнѣ блиновъ за работу!

Ну вотъ и не разъ и не два ходилъ Емеля такимъ побытомъ на рѣчку и все ведра у него сами гуляли. Потомъ, глядь, дровъ нѣту. Онѣ и просятъ его, невѣстки-то:

— Емеля, а Емеля, у насъ дровъ рубленныхъ нѣту. Ступай скорѣе за дровами, а то тебѣ-же на печи холодно будетъ.

Онъ опять имъ, ни слова не говоря, покоряется, выходитъ, стало быть, на дворъ съ лѣнцой, съ раскорячкою и приказываетъ:

— Мнѣ, говоритъ, смерть не хочется дрова рубить. ну-ка, по щучью по веленью, по моему прошенью, руби, топоръ, самъ. А вы, дрова-борова, идите собой сами

въ избу, мнѣ не хочется васъ носить, себя безпокоить. Сторона наша, дескать, богатая, лѣнь дремучая, рогатая: въ тѣсныя ворота не лѣзеть!

Топорь-колунъ сейчасъ у него изъ рукъ шмыгъ, взвился выше крыши и пошелъ долбить, двери въ сѣнцы, въ избу распахнулись, а дрова и давай скакать, — прыгаютъ, вродѣ какъ рыбы али щуки, а невѣстки опять дуромъ этого дѣла испужались, прячутся какая подъ столъ, какая подъ кóникъ, — моль, попадетъ, на-смерть ушибетъ! — а топорь такъ и крошитъ, такъ и валяетъ — во-о сколько нашвырялъ, цѣльное беремя. Невѣстки Емелю съ гнѣвомъ ругаютъ, грозятъ братьямъ нажалиться, а онъ только, какъ сомъ, ухмыляется:

— Вы блины-то мнѣ пеките знайте да масломъ дюжѣй поливайте — а самъ опять на-печь въ отставку полѣзь, спать да дремать, мусоромъ голову пересыпать.

Потомъ не черезъ долгое время и на дворѣ дрова перевелись. Невѣстки приступили, въ лѣсъ его посылаютъ, братьями тращатъ, нынче, дескать, братья съ работы придутъ, мы имъ накажемъ, что ты насъ не слушаешься, только лежишь да таракановъ мнешь, они тебя, облома, не помилуютъ. А онъ, Емеля, на расправу жидкѣй былъ, страсть этого боя боялся, вскочилъ поскорѣй съ печи, одѣлся въ свой зипунъ-малахай, кушакомъ подпоясался, взялъ топорь-колунъ и заткнулъ за кушакъ за этотъ. Невѣстки говорятъ — тебѣ надо лошадь запречь, ты вѣдь самъ не умѣешь по своей дурости, а онъ говоритъ, а на что она мнѣ, лошадь-то, — только маять ее? Я и на саняхъ на однихъ съѣзжу, у васъ не ходятъ безъ лошади сани, а у меня вотъ ходятъ.

Пошелъ къ санямъ, подвязалъ оглобли назадъ, съѣлъ и приказываетъ: — «По щучью по велѣнью, по моему прошенью, отворяйтесь, ворота, сами!» Ворота сейчасъ растворяются, а онъ кричитъ: — «А вы, сани, ступайте въ путь-дорогу сами!» Сани и полетѣли, — ихъ лошади такъ не везеть, какъ ихъ понесло! — скачутъ черезъ городъ, людей съ ногъ долой сшибаютъ, давятъ, а ему, Емелѣ, и горюшка мало. Народъ — «ахъ, ахъ, сани сами ѣдутъ!» — хотѣли его окоротить — куда тебѣ, его и слѣдъ замело! Потомъ пріѣхалъ онъ въ лѣсъ, остановились эти сани, значить, въ лѣсъ. Слѣзаетъ онъ съ саней, Емеля, вынимаетъ топоръ изъ-за пояса:

— Ну ка, говоритъ, руби, топоръ, по моему по щучьему велѣнью. А я посижу, погляжу, въ головѣ маленько почешу: страсть свербитъ что-й-то!

Топоръ сейчасъ же начинаетъ рубить, — только звонъ жундить по лѣсу! Нарубилъ, сколько надо, потомъ Емеля и говоритъ: — «А вы, дрова, по моему прошенью, ложитесь въ сани сами, мнѣ не охота васъ класть, это мнѣ не сласть.» Дрова и пошли прядать, головами мотать да укладываться въ сани. Навилъ Емеля возъ, увязалъ веревкой, заткнулъ топоръ за кушакъ-подпояску, садится на сани и приказываетъ, — ступайте, моль, теперича, сани, сами собой ко двору. Сани опять пустились стрѣлой шибкой по городу, дворяне и міряне увидали — «ахъ, ахъ, опять этотъ злодѣй, какой народъ подавилъ!» — хотѣли его перенять, забѣжали подъ дорогу съ дубинками, съ рогачами, только не тутъ-то было, перенять-то его! Подавилъ съ возомъ народу еще болѣ, чѣмъ когда порожемъ ѣхалъ, пріѣзжаетъ ко двору, невѣстки оглядѣли въ

окно и давай опять ругать его, — вотъ, молъ, дуракъ какой глупый, сколько ты, обломъ, народу безвинно подавилъ, а онъ имъ отвѣчаетъ, а зачѣмъ, говоритъ, они меня на табельной дорогѣ окорачивали съ дубинками съ рогачами, подъ сани лѣзли? Потомъ сказалъ свое щучье слово, ворота передъ нимъ вразъ растворились, онъ и вѣхалъ во дворъ съ возомъ. Тутъ опять, значить, посигали дрова-полѣнья въ избу, напужали невѣстокъ опять этимъ стукомъ, а Емеля-дуракъ залѣзъ на печь и опять наказалъ печь ему блиновъ побольше да масломъ мазать пожирнѣе.

Ну вотъ онъ ѣлъ, ѣлъ, потомъ глядь въ окно, а тутъ розыскъ, ищутъ его сотники, староста, хотять къ наказанью представить за всѣ его баснословья. Онъ, былъ, забился куда потемнѣе въ уголь, въ соръ, въ паучину, ну только все таки они его нашли тамъ, на этой печкѣ.

— Слѣзай, говорятъ, Емеля, пришло твое время. Что это ты дуросвѣтишь, народъ калѣчишь? Вотъ мы тебя заберемъ и въ холодную отведемъ, какъ это, молъ, ты безъ лошади ѣздишь, неладно дѣлаешь, чепуху творишь?

Зачали его съ печки снимать, тащить, хотять его покою лишить, а онъ обидѣлся на нихъ и говоритъ дубинкѣ своей, какая у него въ уголку стояла:

— Ну-ка, говоритъ, покажи имъ, дубинка, бѣлый свѣтъ!

Сказалъ свое щучье слово, а дубинка какъ взовьется, какъ козлекнетъ изъ угла да и давай ихъ строчить по рукамъ, по головамъ, старосту и сотниковъ этихъ. Они — ахъ, ахъ, что это, дескать, такое, что дубинка

насъ по головамъ кроя? — да поскорѣй вонъ изъ хаты. Кинулись къ становому, къ стражникамъ, онъ, говорятъ, насъ не слушается, а силой его никакъ не возьмешь, идите, значить, сами, можетъ, онъ васъ болѣе почитаетъ, а про дубинку про эту, какая ихъ угощала, понятное дѣло, молчокъ. Потомъ собрались всѣ урядники, стражники и самъ становой съ ними, староста имъ указалъ, гдѣ онъ, Емеля, проживаетъ, они и входятъ въ избу къ нему всѣмъ гуртомъ:

— Ну теперь, Емеля-дурачокъ, мы тебя съ солдатами заберемъ, саблями тебя зарубимъ, — слѣзай скорѣй съ печи, надѣвай зипунъ на плечи, къ допросу отправляйся!

А онъ опять не слушается, — ихъ полна изба напи halась, а онъ опять не идетъ, въ углу пѣсенку поетъ:

Ой, вы, очи, ясныя мои очи,
Емеля на расправу итить не хоча!

Они его честью умоляютъ, а онъ опять свое, опять эти очи поетъ. Ну, какъ они его опять раздражили, онъ и говорить:

— По щучью по велѣнью, по моему моленью, — а дубинка эта такъ и лежитъ съ нимъ на печкѣ, — нука, говоритъ, дубинка, попотчуй ихъ сахаромъ!

Та дубинка сейчасъ встаетъ и давай ихъ охаживать съ головы на голову, станового и стражниковъ, и повыгнала, значить, всѣхъ изъ хаты вонъ.

— Ну что теперь съ нимъ дѣлать, — становой говорить, — какъ его намъ взять, ребята?

А одинъ стражникъ и надумайся:

— Давайте, говорить, обманомъ возьмемъ. Скажемъ, что тебя самъ государь велѣлъ пригласить. Онъ тебѣ велитъ всякихъ пряниковъ медовыхъ надавать. (А онъ, Емеля, любитель былъ ѣсть эти пряники и жамки). Онъ тебя, молъ, досыта накормитъ, государь-то.

Сговорились такъ-то, пришли и давай его улещать, волновать. Ну онъ и согласился. Ну хорошо, говорить, благодарю васъ за вниманіе, ступайте ко двору и не беспокойте себя, — я самъ къ нему, къ государю, поѣду.

Они и ушли всѣ отъ него, а онъ и приказываетъ печкѣ:

— Ну-ка, говорить, печка, ступай-ка теперь, по моему приказу, къ самому къ царю во дворець! Про насъ съ тобой слава до самаго царя дошла. Онъ, государь, общаетъ меня жамками накормитъ, а я любитель до нихъ.

Печь сейчасъ же заворочалась, захрустѣла, загремѣла по избѣ, выпросталась наружу съ нимъ и полетѣла стрѣлой, а онъ развалился на ней, все равно какъ на пассажирномъ поѣздѣ, на паровозѣ ѣдетъ. Подъѣзжаетъ къ государеву дворцу, приказываетъ царскимъ вратамъ отворяться и претъ прямо на печкѣ на этой къ балкону, къ крыльцу къ главному, а самъ шумитъ, кричитъ во всю глотку, во всю праведную, ой, вы, очи, мои ясныя очи! Часовые слуги бѣгутъ, хотятъ его унять, усовѣстить, а государь услышалъ этотъ шумъ-бардакъ и самъ, значить, вмѣстѣ съ дочкой-наслѣдницей на крыльцо выходитъ:

— Что ты, говорить, невѣжа, тутъ кричишь, затѣмъ ты, говорить, въ наши царскіе покои пріѣхалъ, чудеса творишь, на печкѣ вѣдишь? Сказывай, кто ты такой. Ты, вѣрно, Емеля-дурачокъ?

А Емеля подымается съ печки, разбираетъ виски съ глазъ, утираетъ сопли-возгри и кланяется ему, государю своему:

— Такъ точно, моль, ваше императорское величество, это я самый и есть. Я, говорить, затѣмъ сюда пріѣхалъ, государь-батюшка, что вы меня звали пряниками кормить, а я любитель ихъ ѣсть.

— Я тебя не пряниками кормить, — говорить ему государь съ гнѣвомъ, — я тебя велю сейчасъ въ тюрьму забрать! Я тебя, говорить, заберу подъ арестъ.

— А за что же, ваше императорское величество, заберете вы меня?

— А за то, говорить, что ты на саняхъ безъ лошади вѣдишь, народъ смутьянишь и жителей большое число подавилъ, помялъ. Я велю сейчасъ тебѣ голову снести. Вотъ тебѣ мечъ и голова долой съ плечъ!

Царь ему говорить — на тебя жалобъ много, за это тебѣ нехорошо будетъ, за безчестье такое, а онъ опять играетъ пѣсню ой вы, очи, мои ясныя очи, на печкѣ лежитъ и пѣсню кричитъ во всеѣ рыло. Государь осерчалъ, разгорячился, кликнулъ прислугъ часовыхъ, — взять, дескать, его въ двадцать четыре часа! — а Емеля, понявши такое дѣло, полны портки со страху напустилъ и говорить поскорѣй:

— По щучью по велѣнью, по моему низкому прошенью, влюбись въ меня, царская дочь-наслѣдница, просись замужъ за меня!

Прислуги бѣгутъ, хотятъ его съ печи тащить, а царская дочь начинаетъ государя со слезьми за него просить:

— Лучше, молю, государь-батюшка, меня скажите, — я не могу его злой смерти перенести, у него волшебное слово есть. Вы, говорить, не смотрите, что онъ такой сопатый, толстопятый, глаза дыркою, носъ прошивкою, онъ носъ утретъ, за Иванъ-царевича сойдетъ!

Ну, государь и сжалился на нее, наследницу свою. Оттрепалъ для видимости Емелю-дурака за вшивый вихоръ, наказалъ ему строго на строго больше такъ-то не охальничать, накидалъ ему на печку изъ собственныхъ рукъ леденцовъ-пряниковъ, а Емеля наклонялся ему, набилъ зобъ этими закусками, дубинкой махнулъ, печку повернулъ и пошелъ чесать на печкѣ ко двору, скачетъ-летитъ, а самъ еще пуше прежняго свою пѣсню шумить, — только по лѣсу отзывается!

Тутъ долго-ли, коротко-ли, только царская дочь, какъ только онъ, значить, скрылся съ глазъ долой, и зачни по немъ сохнуть, горевать: онъ ей просто съ ума не идетъ, — дюже влюбилась въ него по этому пощучьему слову! Государь видитъ ея муку и наконецъ того обращается къ ней, просить ее во всемъ сознаться. Ну, она ему и покаялась:

— Государь, молю, батюшка, я вся истянулась, истощала по нему, по Емель-дураку. Не отдавай мнѣ царства-государства, а построй мнѣ фамильный склеп-могилу, коли не хочешь меня замужъ за него отдать!

Ну что тутъ дѣлать государю при такихъ рѣчахъ? Онъ опять сжалился на нее и посылаетъ сейчасъ по-

слабниковъ въ эту деревню, гдѣ, значитъ, Емеля проживалъ, лаптемъ щи хлебалъ. Пріѣхали эти посланники верхомъ на коняхъ, нашли его въ этой деревнѣ, зошли въ избу и давай его умолять:

— Емелюшка, милый, видно, моль, добился ты своего: не будешь ни пахать, ни косить, будешь только жамки въ ротъ носить. Государь тебя честью къ себѣ просить, хочетъ дочку за тебя выдать. Утирай свои сопли, чеши свои кудлы, надѣвай портки-рубаху — мы тебѣ за сваху!

А онъ, Емеля, еще ломается, — а, дескать, теперъ миль сталь!

— Я, говоритъ, по людски ничего не хочу дѣлать. Я всѣмъ головамъ голова. Я на печи поѣду. Мнѣ ваши кареты-коляски безъ надобности. Мнѣ съ печи слѣзть не хочется. Моя думка одна — себя не трудить, а на свѣтѣ послаже пожить.

Посланники, понятно, и на то обрадовались, — имъ царь не велѣлъ безъ него и на глаза показываться, — на всѣ его причуды подписываются, въ поясъ ему кланяются, а онъ велитъ братьямъ съ невѣстками прибраться какъ надо и съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, — полно, моль, вамъ тутъ въ лѣсу сидѣть, на пни глядѣть! Они — въ голосъ, кричатъ, рыдаютъ, не хотятъ съ домомъ разставаться, робѣютъ этого дѣла, ты, говорятъ, и насъ подъ великую бѣду подведешь, а онъ говоритъ, если, говоритъ честью не поѣдете, я васъ силкомъ посажу. Велѣлъ всѣмъ жаровья рубахи, красные сарафаны надѣвать, — они, дурачки-то, любятъ красенькое, — насажалъ всѣхъ на печку, чисто цвѣты какіе, наказалъ сидѣть смирно-благородно, заигралъ свою

веселую пѣсню и поперѣ наружу, — только пороги затрещали!

Въ полѣ навстрѣчу ему — коляска золотая, — государь, значить, выслалъ, — солдаты вездѣ стоятъ, честь отдаютъ, на караулъ держуть-тянутся, а онѣ ихъ и во вниманье не беретъ и опять его печка прямо къ балкону везеть. Выходить государь: «Пріѣхалъ, говоритъ, Емеля?» — «Пріѣхалъ, молъ, такъ точно. А на что, государь-батюшка, я нуженъ вамъ?» — «А на то, говоритъ, нуженъ, что сокрушили вы мою дочку, хочу васъ повѣнчать съ нею. Съ печи, говоритъ, поскорѣ слѣзайте, а вы, дочка наша, хлѣбъ-соль ему подавайте.»

Ну, Емеля, понятно, поскорѣй долой, ему только и надо было этого приглашенья, велѣлъ и братьямъ съ невѣстками слѣзать, стать въ сторонкѣ и шопоту никакого не дѣлать, потомъ поцѣловалъ какъ надо государю ручку, невѣстѣ честь-честью поклонился, — хоть бы и не дураку впору! — хлѣбъ-соль принялъ, и пошли они, значить, всѣмъ міромъ, соборомъ прямо въ царскіе хоромы. Тамъ государь доложилъ домашнему священнику, велѣлъ ему въ церковь итти, все къ вѣнцу готовить, а самъ вынесъ икону завѣтную и благословилъ Емелю съ своей дочкой на жизнь вѣчную. Потомъ, понятно, носъ ему утерли, въ банѣ отмыли, въ красный кафтанъ нарядили и свадьбу по всему закону сыграли, а государь подъ него тутъ-же полцарства своего подписалъ.

Я на томъ пиру, какъ говорится, былъ, да, признаться, все это дѣло забылъ, — дюже пристально угощали: и теперъ глазъ отъ синяковъ не продеру!

А Емеля сталь жить да поживать, на бархатныхъ постеляхъ лежать, душу сладкими закусками ублажать да свою царевну за хохолокъ держать:

— Моль, и безъ меня управятся, — съ государствомъ-то!

Парижъ, 1921.

КОНЕЦЪ

I

На горѣ въ городѣ былъ въ этотъ промозглый зимній день тотъ роковой промежутокъ въ борьбѣ, то безвластіе, та зловѣщая безлюдность, когда отступають уже послѣдніе защитники и убѣгаютъ послѣдніе изъ убѣгающихъ обывателей, но наступающій врагъ еще робѣетъ и продвигается то крадучись, то порывисто, съ трусливой дерзостью. Городъ пустѣлъ все страшнѣе, все безнадежнѣе для оставшихся въ немъ и мучающихся еще не полной разрѣшенностью своей судьбы. По окраинамъ, возлѣ вокзала и на совершенно вымершихъ улицахъ возлѣ почты и государственнаго банка, гдѣ на мостовыхъ уже лежали убитые, то и дѣло поднимался трескъ, градъ винтовокъ или спѣшно, дробно строчилъ пулеметь.

Къ вечеру изъ-за сѣверной заставы началась орудійная пальба, — врагъ осмѣлѣлъ, почувствовалъ силу и рѣшимость: бодро раздавался тяжкій, глухой стукъ, отъ котораго вздрагивала земля, за нимъ великолѣпный, съ побѣдоносной мощью рѣжущій воздухъ и звенящій звукъ снаряда и наконецъ громовый разрывъ, оглушающій весь городъ. Потомъ внезапно пошла частая и безпорядочная ружейная стрѣльба на спускахъ

въ портъ и въ самомъ порту, все приближаясь къ «Патрасу», подъ французскимъ флагомъ стоявшему у набережной въ Карантинной гавани. Откуда-то донесся быстро бѣгущій, тревожно и печально требующій дороги рожокъ кареты скорой помощи. . . Стало жутко и на «Патрасѣ», — то страшное, что совершалось на горѣ, доходило и до него. — Что же мы стоимъ? — послышались голоса въ толпѣ, наполнявшей парходъ. — Съ ума сошли что ли французы? Насъ не выпускають, насъ всѣхъ перерѣжутъ! — И всѣ стали врать напрапалу, стараясь зачѣмъ-то еще болѣе напугать и себя и другихъ: угля, говорятъ, нѣтъ, команда, говорятъ, бунтуеть, матросы красный флагъ хотять выкинуть. . . Между тѣмъ уже темнѣло.

Но вотъ, въ пятомъ часу, выскочилъ наконецъ изъ стараго зданія таможни и подлетѣлъ къ парходу крытый автомобиль, — и у всѣхъ вырвался вздохъ облегченія: консуль пріѣхаль, значить, слава Богу, сейчасъ отвалимъ. Консуль, съ портфелемъ подъ мышкой, выпрыгнулъ изъ автомобиля и пробѣжалъ по сходнямъ, за нимъ быстро прошелъ офицеръ въ желтыхъ крагахъ и въ короткой волчьей шубкѣ мѣхомъ наружу, нарочито грубаго и воинственнаго вида, и тотчасъ же загремѣла лебедка и къ автомобилю стала спускаться петля каната. Всѣ съ жаднымъ любопытствомъ столпились къ борту, уже не обращая вниманія на стрѣльбу гдѣ-то совсѣмъ близко, автомобиль, охваченный петлей, покосился, отдѣлился отъ земли и безпомощно поплылъ вверхъ съ криво повисшими, похожими на поджатые лапы колесами. . . Два часовыхъ, два голубыхъ солдатика въ желѣзныхъ каскахъ, стояли съ карабинами на плечо возлѣ сходней. Вдругъ от-

куда-то появился передъ ними высокій яростно запыхавшійся господинъ въ бобровой шапкѣ, въ длинномъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. На рукахъ у него спокойно сидѣла прелестная синеглазая дѣвочка. Господинъ, замѣтно было, повидаль виды. Онъ былъ замученъ, онъ былъ такъ худъ, что пальто его, нѣкогда дорогое, а теперь вытертое, забрызганное грязью, съ воротникомъ точно зализаннымъ, висѣло какъ на вѣшалкѣ. Дѣвочка, напротивъ, была полненькая, хорошо и тепло одѣта, въ бѣломъ вязаномъ капорѣ. Господинъ кинулся къ сходящимъ. Солдаты было двинулись къ нему, но онъ такъ неожиданно и такъ свирѣпо погрозилъ имъ пальцемъ, что они опѣшили, и онъ неловко вбѣжалъ на пароходъ.

Я стоялъ на рубкѣ надъ каютъ-компаніей и съ бессмысленной пристальностью слѣдилъ за нимъ. Потомъ, такъ же тупо, сталъ смотрѣть на туманившійся на горѣ городъ, на гавань. Темнѣло, орудійная, а за нею и ружейная стрѣльба смолкла, и въ этой тишинѣ и уже спокойно надвигающихся сумеркахъ чувствовалось, что дѣло уже сдѣлано, что городъ сдался, покорился, что теперь онъ уже вполнѣ беззащитенъ отъ сваливающихся въ него побѣдителей, несущихъ съ собой смерть и ужасъ, грабежъ, надругательство, убійства, голодъ и лютое рабство для всѣхъ поголовно, кромѣ самой подлой черни. Въ городѣ не было ни одного огня, портъ былъ пустъ, казался безпредѣльнымъ, — «Патрасъ» уходилъ послѣднимъ, разводилъ пары, чтобы уйти за нимъ, только бокастый ледаколь, одиноко стоявшій на рейдѣ среди льдинъ и черныхъ прогалинъ воды. За рейдомъ терялась въ сумрачной зимней мглѣ пустыня голыхъ степныхъ береговъ. Вско-

рѣ пошелъ мокрый снѣгъ, и я, насквозь промерзнувъ за долгое стояніе на рубкѣ, побѣжалъ внизъ. Мы уже двигались, — все плыло подо мною, набережная косякомъ отходила прочь, туманно-темная городская гора валилась назадъ. . . Потомъ шумно заклубилась вода изъ подъ кормы, мы круто обогнули моль съ мертвымъ, темнымъ маякомъ, выровнялись и пошли полнымъ ходомъ. . . Прощай Россія, бодро сказалъ я себѣ, сбѣгая по трапамъ.

II

Пароходъ, конечно, уже окрестили боевымъ ковчегомъ, — человѣческое остроуміе не богато. И точно, кого только не было на немъ? Были крупнѣйшіе мошенники, обремененные наживой, покинувшіе городъ спокойно, въ твердой увѣренности, что имъ будетъ не плохо всюду. Были люди порядочные, но тоже пока еще спокойные, бѣжавшіе впервые и еще не вполне сознавшіе всю важность того, что случилось. Были даже такіе, что бѣжали совсѣмъ неожиданно для себя, что просто заразились общимъ бѣгствомъ и сорвались съ мѣста въ самую послѣднюю минуту, безъ вещей, безъ денегъ, безъ теплой одежды, даже безъ смѣны бѣлья, какъ, на примѣръ, какія-то двѣ пѣвички, не къ мѣсту нарядныя, смѣявшіяся надъ своимъ нечаяннымъ путешествіемъ, какъ надъ забавнымъ приключеніемъ. Но преобладали все же настоящіе бѣженцы, бѣгушіе уже давно, изъ города въ городъ, и наконецъ добѣжавшіе до послѣдней русской черты.

Три четверти людей, сбившихся на «Патрасъ», уже

испытали несмѣтное и неправдоподобное количество всякихъ потерь и бѣдъ, смертельныхъ опасностей, жуткихъ и нелѣпыхъ случайностей, мукъ всяческаго передвиженія и борьбы со всяческими препятствіями, крайнюю тяготу тѣлесной и душевной нечистоты, усталости. Теперь, утративъ послѣдніе остатки человѣческаго благополучія, растерявъ другъ друга, забывъ всякое людское достоинство, жадно таща на себѣ послѣдній чемоданъ, они сбѣжались къ этой послѣдней чертѣ, подъ защиту счастливыхъ, далекихъ отъ всѣхъ ихъ страданій и потому втайнѣ гордящихся существъ, называемыхъ французами, и эти французы дозволили имъ укрыться отъ послѣдней гибели въ то утлое, тѣсное, что называлось «Патрасомъ» и что въ этотъ зимній вечеръ вышло со всѣмъ своимъ сбродомъ навстрѣчу мрачной зимней ночи, въ пустоту и даль мрачнаго зимняго моря. Что долженъ былъ чувствовать весь этотъ сбродъ? На что могли надѣяться всѣ тѣ, что сбились на «Патрасъ», въ томъ совершенно загадочно, что ожидало ихъ гдѣ-то въ Стамбулѣ, на Кипрѣ, на Балканахъ? И однако каждый изъ нихъ на что-то надѣялся, чѣмъ-то еще жилъ, чему-то еще радовался и совсѣмъ не думалъ о томъ страшномъ морскомъ пути въ эту страшную зимнюю ночь, одной трезвой мысли о которомъ было бы достаточно для полнаго ужаса и отчаянія. По милости Божьей, именно трезвости-то и не бываетъ у человѣка въ наиболѣе роковыя минуты жизни. Человѣкъ въ эти минуты спасительно тупѣетъ.

Всюду на пароходѣ все было загромождено вещами и затоптано грязью и снѣгомъ. Всюду была безпорядочная тѣснота и царило оживленіе табора, людей

только-что спасшихся, страстно стремившихся спастись во что бы то ни стало и вотъ наконецъ добившихся своего, послѣ всѣхъ своихъ мученій и страховъ наконецъ повѣрившихъ, что они спасены, что они уже внѣ опасности и что они живы, — что бы тамъ ни было впослѣдствіи! Человѣкъ весьма охотно, даже съ радостью освобождается отъ всяческихъ человѣческихъ узъ, возвращается къ первобытной простотѣ и неустроенности, къ дикому образу существованія, — только позволь обстоятельства, только будь оправданіе. И на «Патрасѣ» всѣ чувствовали, что теперь это позволено, что теперь это можно — не стыдиться ни грязныхъ рукъ, ни потныхъ подъ шапками волосъ, ни жадной вѣды не во время, ни неумѣреннаго куренья, ни разворачиванія при постороннихъ своего скарба, нутра своей обычно сокровенной жизни.

Всюду были узлы, чемоданы и люди: и въ рубкѣ надъ каютъ-кампаніей, гдѣ поминутно хлопала тяжелая дверь на палубу и несло сыримъ вѣтромъ со снѣгомъ, и на лѣстницѣ въ каютъ-кампанію, и подъ лѣстницей, и въ столовой, гдѣ воздухъ былъ уже очень испорченный. Трудно было пройти отъ тѣхъ нествѣсняющихся и опытныхъ, предусмотрительныхъ господъ, что уже захватывали себѣ мѣстечко, располагались по полу со своими постелями и семьями. Прочіе, спотыкаясь на эти постели, перепрыгивая черезъ узлы и чемоданы, наталкиваясь другъ на друга, бѣгали съ чайниками за кипяткомъ, тащили гдѣ-то добытые, — за какіе угодно деньги и, чѣмъ дороже, тѣмъ радостнѣе! — огромные бѣлые хлѣбы, торжествуя другъ передъ другомъ своей ловкостью, настойчивостью и даже безсовѣстностью. Столы завалили съвѣстнымъ, сидѣли за

ними тѣсно, въ шапкахъ и калошахъ, поспѣшно ѣли и пили, сорили яичной скорлупой, угощали другъ друга колбасой и саломъ, со смѣхомъ рассказывая, что вчера мужикъ на баварѣ содралъ вотъ за этотъ кусокъ четыре тысячи «думскими», пробивали перочинными ножами брызгающія рыжимъ масломъ жестянки. . . Длинный господинъ, явившійся на пароходъ послѣднимъ, нѣсколько разъ пробѣгалъ по столовой съ коробкой консервированнаго молока въ рукѣ, — гдѣ-то устроилъ свою дѣвочку и хлопоталъ накормить ее. Видъ у него былъ все такой-же грозный и рѣшительный, и еще замѣтнѣе было теперь, — онъ былъ безъ пальто, — какъ худа его шея, какъ велика бобровая шапка, какъ мягки и сальны длинные волосы.

III

Подъ лѣстницей была особенно гнусная тѣснота, образовалось двѣ нетерпѣливыхъ очереди, — одна возлѣ мужниковъ, въ двери которыхъ ожидающіе поминутно стучали, и другая возлѣ лакеевъ, раздававшихъ красное вино, наливавшихъ его изъ бочки въ бутылки, кружки и чайники, съ которыми толпились бѣженцы. Вино было даровое и потому воспользоваться имъ хотѣлось поголовно всѣмъ, даже и никогда не пьющимъ. Я скорѣе многихъ другихъ пробился къ лакеямъ, получилъ цѣлый литръ и, возвратясь въ столовую и пристроившись къ уголку стола, сталъ медленно пить и курить.

Только что разнесся слухъ, что передъ самымъ на-

шимъ отходомъ изъ порта было получено на «Патрасъ» страшное радіо: два парохода, тоже переполненные такими же, какъ мы, и вышедшіе раньше насъ на сутки, потерпѣли крушеніе изъ-за снѣжной бури — одинъ у самаго Босфора, другой у болгарскихъ береговъ. И новая угроза повисла надъ нами, новая неопредѣленность — дойдемъ-ли мы до Константинополя и, если дойдемъ, то когда? Ни курить, ни пить мнѣ не хотѣлось; сигара была ужасная, вино холодное, лиловое. Но я сидѣлъ, пилъ и курялъ. Уже началось то напряженное ожиданіе, которымъ живешь въ морѣ при опасныхъ переходахъ. «Патрасъ» былъ старъ, перегруженъ, погода разыгрывалась съ каждой минутой все круче. . . Большинство утѣшало себя тѣмъ, что мы идемъ быстро, увѣренно. Но я, по своей морской опытности, хорошо зналъ, что быстрота эта только кажущаяся. Это не мы увеличивали ходъ, это росло волненіе.

Вода уже шумно неслась вдоль нашихъ тонкихъ стѣнъ, все чаще и все яростнѣе накатывая съ боковъ, все тяжелѣе стучая въ стѣны и съ плескомъ, шипѣніемъ осыпаясь съ нихъ. За стѣнами была непроглядная ночь, горами, безъ толку, безъ смысла, съ какими-то ямъ невѣдомыми, грозными цѣлями ходило мрачное, ледяное, зимнее море. Въ черныя стекла ливнемъ летѣли брызги, льнило мокрымъ бѣлымъ снѣгомъ, свистѣлъ, крѣпко дулъ вѣтеръ, холодное дыханіе котораго то и дѣло чувствовалось въ дымномъ, жаркомъ и уже вонючемъ воздухѣ низкой столовой, все таки радовавшей своимъ свѣтомъ и тепломъ, тѣмъ уютномъ, котораго такъ первобытно жаждетъ человѣческое сердце, еще помнящее страхъ древней жизни, пещерныхъ.

свайныхъ дней. И я тоже несознанно радовался этому свѣту и теплу, сидя за своей бутылкой; я слушалъ говоръ, галду своихъ спутниковъ, чего-то ждалъ и что-то думалъ, — вѣрнѣе, все собирался что-то обдумать и понять какъ слѣдуетъ и все откладывалъ, потому что все казалось, что рѣшеніе всѣхъ вопросовъ еще гдѣ-то впереди. Стало уже упруго подымать и опускать, стало валить на сторону, скрипѣть переборками, диванами и креслами, въ которыхъ мы сидѣли. «Патрасъ» быстро шель среди качавшихся, разступавшихся и опять съ плескомъ и шумомъ сходящихся водяныхъ горъ, шель весь дрожа, и что-то работало внутри него все торопливѣе, съ перебоями, съ перерывами выдѣлывая «траттататата.» Вдругъ вѣтеръ налетѣлъ и засвисталъ бѣшено, волна ударила такъ тяжело и, освѣщенная нашимъ огнемъ, такъ страшно заглянула своей мутной слюдой, своей громадой въ стекла, что многіе вскрикнули и повалились другъ на друга, думая, что мы уже гибнемъ. . . Потомъ все опять пришло въ порядокъ, опять пошло съ дрожью и перерывами это «траттататата», — только вѣтеръ налеталъ все крѣпче, вылъ все жалобнѣе, — и вдругъ опять ударило и опять дико зашвистало и глубоко окунуло, опустило въ разступившуюся водяную пропасть. . . Началось! — подумалъ я съ нелѣпой радостью.

Вскорѣ столъ опустѣлъ. Большинство стонало, томилось, — съ надрывомъ, съ молящими криками извергало изъ себя всю душу, валялось по диванамъ, по полу или поспѣшно, падая и спотыкаясь, бѣжало вонъ изъ столовой. То тутъ, то тамъ кого-нибудь безобразно хлестало, а выбѣгающіе махали дверями, и сырой холодъ сталъ мѣшаться съ кислымъ зловоніемъ рвоты.

Уже нельзя было ни ходить ни стоять, убѣгать надо было опростетью, сидѣть — упираясь спиной въ кресло, въ стѣну, а ногами въ столю, въ чемоданы. Казалось, что размахивающійся и вправо, и влѣво, и вверхъ, и внизъ пароходъ идетъ съ бѣшеной поспѣшностью, внутри его грохотало уже неистово, и перерывы, отдыхи въ этомъ грохотѣ казались мгновѣніями счастья. . . А на верху былъ сушій адъ. Я допилъ вино, докурилъ сигару и, падая во всѣ стороны, побрелъ въ рубку. Я одолѣлъ лѣстницу и пробовалъ одолѣть дверь наружу, выглянуть — ледяной вѣтеръ перехватывалъ дыханіе, рѣзалъ глаза, слѣпилъ снѣгомъ, съ звѣриной яростью валялъ назадъ. . . Обмерзлая, поблѣвшія мачты и снасти ревѣли и свистали съ остервенѣлой тоской и удалью, студенистые холмы волнь перекатывались черезъ палубу и опять, опять росли изъ-за борта и страшно свѣтились взмыленной пѣной въ чернотѣ ночи и моря. . . Крѣпко прохваченный холодомъ и свѣжестью, я насилу добрался назадъ до столовой, потомъ до своей каюты, по нѣкоторымъ пачинамъ предоставленной въ мое распоряженіе. Тамъ было темно и все скрипѣло, возилось, точно что-то живое, борющееся. Проклятый корабельный полъ, кошой, предательскій, зыбко уходилъ изъ подъ ногу. И, когда онъ уходилъ особенно глубоко, въ стѣну особенно тяжело ударяла громада воды, все старавшаяся однимъ махомъ сокрушить и захлестнуть «Патрасъ». Но «Патрасъ» только глубоко нырялъ подъ этимъ ударомъ и снова пружинилъ наружу, гдѣ на него обрушивался новый врагъ — налеталъ ураганъ со снѣгомъ, насквозь пронзавшій мокрая стѣны своимъ ледянымъ свистящимъ дыханіемъ. . .

И не раздѣваясь, — раздѣться было никакъ нельзя, того гляди расшибеть объ стѣну, объ умывальникъ, да и слишкомъ было холодно, — я нащупалъ нижнюю койку и, улучивъ удобную минуту, ловко повалился на нее. Все ходило, качалось, дурманило. Бухало въ задраенный иллюминаторъ, съ шумомъ стекало и бурлило, — противно, какъ въ какомъ-то чудовищномъ чревѣ. И, понемногу пьянѣя, отдаваясь все безвольнѣе въ полную власть всего этого, я сталъ то задремывать, то внезапно просыпаться отъ особенно бѣшеныхъ размаховъ и хвататься за койку, чтобы не вылетѣть изъ нея. Труба въ рукомойникѣ, его сточная дыра гудѣла, гудѣла — и вдругъ начинала булькать, ревѣть и захлебываться. . . Ахъ, встать бы, заткнуть чѣмъ-нибудь это анафемское горло! Но не было воли даже приподняться, какъ ни готовился я вотъ-вотъ рѣшиться на это. И потекли часы за часами, и стало казаться, что уже никогда не минетъ эта мука качанія, эта ночь, этотъ мракъ, завываніе, шумъ, плескъ, шипѣніе и все новые и новые удары то и дѣло налетающихъ откуда-то изъ страшной водной безпредѣльности волнъ. . .

Въ полуснѣ, въ забытїи я что-то думалъ, что-то вспоминалъ. . . Пришло въ голову и стало повторяться, баюкать:

Громъ и шумъ, корабль качаетъ,
Море черное шумить. . .

— Какъ дальше? — въ полуснѣ спрашивалъ я себя. — Ахъ, да!

Снится мнѣ — я свѣжъ и молодъ...
Отъ зари роскошный холодъ
Проникаетъ въ садъ...

Какъ все это далеко и ненужно теперь! Такъ только, грустно немного, жаль себя и еще чего-то, а за всѣмъ тѣмъ — Богъ съ нимъ! — И опять повторялись стихи и опять путались, опять клонило въ сонъ, въ дурманъ, и опять все лѣзло куда-то вверхъ, скрипѣло, боролось — и все лишь затѣмъ, чтобы опять неожиданно разрѣшиться срывомъ, тяжелымъ ударомъ и новымъ пружиннымъ подъемомъ и новымъ шипѣніемъ бурлящей, стекающей воды и пахучимъ холодомъ завывающаго вѣтра и клокочущимъ ревомъ захлебывающагося умывальника... Вдругъ я совсѣмъ очнулся, вдругъ всего меня озарило: да, такъ вотъ оно что — я въ Черномъ морѣ, я на чужомъ пароходѣ, я зачѣмъ-то плыву въ Константинополь, Россіи — конецъ, да и всему, всей моей жизни тоже конецъ, даже если и случится чудо и мы не погибнемъ въ этой злой и ледяной пучинѣ! Только какъ же это я не понималъ, не понималъ этого раньше?

— Конецъ, конецъ!

Парижъ, 1921.

ЗВѢЗДА ЛЮБВИ

Изба въ густомъ майскомъ лѣсу, передъ ней поляна, среди поляны раскидистая яблоня, лѣсовка, вся бѣлая и кудрявая отъ цвѣта. Солнце уже сѣло за лѣсомъ, но еще долго будетъ свѣтло. Все свѣжо, молодо, всего преизбытокъ — зелени, цвѣтовъ, травъ, соловьевъ, горлинокъ, кукушекъ. И сладко, лѣсомъ, цвѣтами, травами пахнетъ легкой холодокъ зари. За тѣми чащами, надъ которыми свѣтлая пустота весенняго заката и которыя спускаются въ лѣсные овраги, розовѣющимъ зеркаломъ сквозитъ прудъ и въ немъ иногда квохчетъ лягушка, томно, изнемогая отъ наслажденія. Соловьи низко перелетаютъ надъ поляной, гоняются другъ за другомъ, на лету цокаютъ и трещатъ.

Верховая лошадь, кажущаяся подъ сѣдломъ еще легче и красивѣе, стоитъ подъ яблоней. Она тянется мордой къ мелкой листвѣ среди бѣлыхъ цвѣтовъ, обрываетъ ее и все время звучно жуетъ. А я сижу на пнѣ возлѣ избы и радуюсь на лошадь.

Я еще чувствую, какъ я сидѣлъ на ней. Мнѣ пріятно, что на мнѣ ловкіе сапоги, что я здоровъ, молодъ, что я хорошо ѣзжу и что лошадь цѣнитъ это, любитъ меня, что она такъ женственна и породиста, что она

съ одинаковымъ удовольствіемъ покоряется мнѣ во всемъ, — принимаетъ на себя сѣдло, чувствуетъ крѣпко охватившія ее подпруги, идетъ крупнымъ, вольнымъ шагомъ или во весь опоръ скачетъ, стоитъ возлѣ крыльца, на межѣ въ полѣ, подѣ деревомъ въ лѣсу. . .

Я хлопаю по голенищамъ нагайкой, которую беру только для забавы, сижу и курю. Въ избѣ, на лавкѣ возлѣ окошка, — дѣвочка лѣтъ трехъ, въ чепчикѣ. Она занята тѣмъ, что бьетъ себя по губамъ: бамъ, бамъ, бамъ! За ней, внутри избы, черно и жарко, пахнутъ теплыми хлѣбами, лежащими на столѣ и прикрытыми зипуномъ.

Широта и глубина свѣтлаго заката сократилась, померкла. Темнѣетъ, наступаютъ сумерки. Въ бездонной высотѣ, сѣрѣющей надъ поляной, парами налетаютъ вальдшнепы, на мгновеніе останавливаются — и летятъ дальше. Лягушка смолкла, — во всемъ лѣсу чуткая тишина, только щебечутъ гдѣ-то вблизи двѣ птички да и то какъ-то безжизненно, передъ сномъ. И все чаще, все страннѣе смотритъ вверхъ, на сѣрѣющую синеву, гдѣ уже мелко проступаютъ первыя зерна звѣздъ, горбатая дѣвка, смирно сидѣвшая весь вечеръ на травѣ неподалеку отъ яблони.

Вверху — небо, вправо — померкшая заря, впереди, за яблоней, — далекіе красноватые просвѣты въ черныхъ лѣсныхъ низахъ. И я тоже смотрю — то въ вышину, то на эти просвѣты, то на лошадь, то на дѣвку — и тогда она, не глядя, тотчасъ чувствуетъ мой взглядъ и стыдливо подбираетъ ноги, оправляетъ платье. Она чисто и пріятно одѣта. Лицо у нея слегка широкоскулое, но тонкое, озаренное прозрачной блѣд-

ностью. Трогательно ея ожерелье на худыхъ ключицахъ, дѣвичья льняная сорочка, маленькія босыя ноги — и странень, даже немного страшень частый и несмѣлый взглядъ въ небо.

Подходить ея мать — воротилась изъ села, принесла мѣшочекъ пшена, связку кренделей.

Поздоровавшись со мной, садится на порогъ избы, вздыхаетъ.

— Была въ селѣ, купила кой-чего... А вы давно тутъ? Анютка не плакала? На нее надежды нѣту, — говоритъ она, разумѣя горбатую, которая слушаетъ такъ, будто говорятъ не про нее, а про кого-то другого, — она у насъ сами знаете, какая...

Я знаю, но молчу, и баба подробно и не спѣша рассказываетъ или скорѣе вслухъ передумываетъ все то, что я слышалъ уже много разъ:

— Что-жъ, дошло до того, что два раза изъ омута вынимали... Пришла какъ-то съ хутора, а она въ прудъ зашла, въ самый омутъ, — топиться хочетъ... А намедни съ осинки сняла: собираю сушь въ лѣсу, глядь, а она виситъ на суку, еле ногами травы касается, — ужъ краски по лицу пошли... Все говоритъ, ходитъ она ко мнѣ, душитъ, настигаетъ... Ночью проснусь, а она задыхается, кричитъ: — «Что ты? Что ты? Пусти, не хочу!» — А самой, по голосу слышу, лестно, сладко... Спать безъ того не ложится, — молится, приговариваетъ: — «Не надѣйся, не надѣйся, съ собой не положу! Всю постелю закрещу!» — Таесть прямо никуда, на-нѣтъ сошла, осталось нарядить да въ гробъ положить... Ужъ я съ ней работы и не спра-

шиваю, грѣхъ и спрашивать. . . Куда вся храбрость дѣвалась, а прежде чистый огонь была, нѣжная, обидчивая. . . Дѣло молодое, тайное, какой только думки въ головѣ нѣту! Иной разъ проговорится, — глаза потупить, покраснѣется и шепчетъ: — «Ну что жъ, ну горбатая, ну уродная, а все лицомъ не хуже другихъ. . . Ну и пускай никто не возьметъ, постыдится съ такой-то подъ вѣнецъ стать. . . Найду себѣ получше дружка, потаеннаго, полуночнаго. . .» — Да что-жъ, и правда: отца нѣту, приданаго нѣту. . . Какой страшный грѣхъ говорить, а все думается — помретъ, все Господь проститъ. . .

Дѣвка сидитъ прямо, неподвижно, не слушаетъ или не слышитъ, пристально и странно глядитъ въ темноту лѣса.

Домой ѣду полями. Земля залита темнотой, темнота поднимается снизу, затопляетъ далекую зарю, послѣдній слѣдъ ея. Свѣжо, — пахнетъ и зеленью уже поднявшихся ржей, и росистой травой на межахъ, и всѣмъ тѣмъ полевымъ, ночнымъ, среди чего я родился, выросъ, чѣмъ такъ сладко живу. . .

. Баба говорила: «Я сплю съ Анюткой, на нарахъ, а она на коникѣ, подъ святыми. . . Чисто покойница, даже жутко по ночному дѣлу. . . Ночью проснусь — сидитъ, въ окошечко, на звѣзды, на ночь, на лѣсъ смотритъ. . . У меня, говорить, звѣзда любимая есть, вѣрная, неизмѣнная, — Полуночная Зарница. . .»

Полуночная Зарница. Звѣзда любви, звѣзда предразсвѣтная.

Лошадь идетъ подбористо, точно чувствуетъ мои думы, — видны ея настороженные уши на слабомъ свѣтѣ зари... О, красавица, умница, любимая моя! Какъ передать словами нашу съ тобой близость, нашу любовь, — нѣтъ тоньше, таинственнѣй и чище этой любви, на вѣки безмолвной, на вѣки вѣрной, не обманывающей, любви между человѣкомъ и животнымъ! И какъ постигнуть все то несказанное, все то какъ будто несуществующее, не имѣющее ни образа, ни имени, ни на что въ мірѣ не похожее и однако такое сущее, съ такой остротой осязаемое, что есть между мной и между этимъ, столь для меня въ сущности непонятнымъ и даже ужаснымъ четвероногимъ твореніемъ, съ которымъ я почти одно?

А этотъ, теперь уже темный и такой злобѣщій лѣсъ и она, эта страшная и прекрасная горбунья? Мать теперь, вѣрно, уже спитъ, а она, живая покойница, сидитъ на лавкѣ подъ святыми — и глядитъ, слушаетъ — одна во всемъ мірѣ — и все, кромѣ человѣка, все съ ней и въ ней — и ночь, и лѣсъ, и вся вселенная, вся бездна, вся тайна ея — и ужь такъ съ ней и въ ней, какъ намъ никому не дано, потому что уже совсѣмъ внѣ нашего міра она, уже во власти этого Потеннаго, Полуночнаго, чья дивная и грозная Звѣзда горитъ передъ зарею надъ лѣсомъ...

И я обнимаю и цѣлую сильную атласную шею своей безсловесной возлюбленной, чтобы слышать ея грубый запахъ, чтобы чувствовать земную плоть, потому что безъ нея, безъ этой плоти, мнѣ слишкомъ жутко въ этомъ мірѣ, и натягиваю поводья, сжимаю колына-

ми сѣдло, и лошадь тотчасъ же отвѣчаетъ мнѣ всѣмъ своимъ существомъ — и легко, горячо несетъ меня по темной дорогѣ къ дому.

Парижъ, 1921.

ПРЕОБРАЖЕНІЕ

Дворъ былъ богатый, семья большая.

Старикъ, наплодивъ дѣтей и внуковъ, въ свое время померъ, но старуха зажилась и жила такъ долго, что казалось, никогда не будетъ конца ея жалкому и нудному существованію.

Это они со старикомъ были строителями и владыками всего этого обширнаго, прочнаго, теперь уже давно обжитаго, вросшаго въ свое мѣсто, грязнаго и уютнаго гнѣзда съ его гумномъ, дуплистыми лозинами, амбарами, черной избой въ три связи, грубымъ до дикости скотнымъ дворомъ, потонувшимъ въ навозъ и переполненнымъ сытой скотиной. Это они когда-то были молоды, красивы, разумны и строги, а потомъ стали по-немногу сдавать да сдавать, какъ-то теряться среди все увеличивающейся и крѣпнущей молодежи, то въ одномъ, то въ другомъ уступать ей свою волю и наконецъ совсѣмъ сошли на нѣтъ, захирѣли, высохли, сгорбились, забились на палаты, на печь, отчудились сперва отъ семьи, а потомъ и другъ отъ друга, чтобы уже навѣки разлучиться по могиламъ.

Послѣ смерти старика старуха почувствовала себя особенно неловко на бѣломъ свѣтѣ — и сократилась

до послѣдняго, совсѣмъ какъ будто забыла, что вѣдь все это молодое, сильное царство, въ которомъ она стала такой ненужной, развела она, она. Вышло какъ то такъ, что оказалась она самымъ ничтожнымъ существомъ во всемъ дворѣ, живущимъ въ немъ точно изъ милости, годнымъ лишь на то, чтобы ютиться на жаркой печи зимою, а лѣтомъ цыплять стеречь, избу караулить въ рабочую пору. . . Кому бы пришло въ голову бояться ея, думать о ней!

Но вотъ захворала уже какъ слѣдуетъ, забилась на печь уже безъ всякаго притворства, закрыла глаза, дышла горячо и беспомощно, съ такой великой усталостью, что даже у плечистыхъ невѣстокъ повернулось сердце отъ жалости. — «Мамушка, ай тебѣ курятинки сварить, либо лапшицы молочной? Можетъ, хочется чего? Можетъ, самоваръ поставить?» — А она только дышетъ въ забытѣи, только слабо и благодарно рукой шевелить. . .

Наконецъ развязала всѣхъ, — отошла.

Глубокая ночь, зима. Ночь для нея, среди живыхъ, послѣдняя. На дворѣ мятель и темь, вся деревня спитъ. Спитъ и весь дворъ, — обѣ жилыя связи полны спящими, — и надо всей этой зимней ночью и метелью, надо всѣмъ сномъ и глушью двора и деревни царить Мертвая: вчерашняя жалкая и забитая старушонка преобразилась въ нѣчто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всемъ мѣрѣ, въ какое-

то непостижимое и страшное божество, — въ покойницу.

Она лежитъ въ холодной половинѣ — уже въ гробу, снѣговая, бѣлая, глубоко уйдя въ свой гробный міръ, уткнувъ въ грудь приподнятую соломенной подушкой голову, и падаетъ тѣнь отъ чернѣющихъ, выдѣлившихся на бѣломъ лицѣ рѣсницъ. Гробъ, прикрытый легкимъ отъ ветхости парчевымъ покровомъ, стоитъ за столомъ, ярко озареннымъ цѣлымъ пучкомъ восковыхъ свѣчей, прилѣпленныхъ къ нему и пылающихъ жарко и безпокойно. Гробъ стоитъ подъ святыми, на лавкѣ возлѣ окошечка, за которымъ идетъ морозная метель, черныя стекла котораго блестятъ, искрятся снѣгомъ, снаружи намерзающимъ на нихъ.

Псалтирь читаетъ Гавриль, младшій сынъ покойной, недавно женившійся. Онъ всегда выдѣлялся въ семьѣ своей разумностью и опрятностью, ровнымъ нравомъ, любовью къ чтенію, къ церковнымъ службамъ — кому жъ читать, какъ не ему? И онъ пошелъ въ эту ледяную избу просто, ничуть не боясь предстоящей ему долгой ночи наединѣ съ мертвой, не думая объ этой ночи, не представивъ себѣ, что ждетъ его, — и вотъ уже давно чувствуетъ, что случилось нѣчто роковое и непоправимое въ его жизни. Онъ стоитъ и читаетъ, наклонясь къ жаркимъ и дрожащимъ свѣчамъ. читаетъ не смолкая, все на одинъ ладъ, — какъ поднимая голосъ по церковному, такъ и остался на высокой нотѣ, — читаетъ, ничего не понимая и не въ силахъ прекратить чтенія. Онъ чувствуетъ, что ему уже мѣтъ спасенія, что онъ совершенно одинъ не только въ этой ледяной избѣ, глазъ на глазъ съ этимъ страшнымъ существомъ, которое тѣмъ страшнѣе, что это —

его родная мать, но и въ цѣломъ мірѣ: что ночь такъ глубока, глуха, что ему уже не отъ кого ждать ни защиты, ни помощи.

Что съ нимъ случилось? То, что онъ не рассчиталъ своихъ силъ, рѣшившись читать надъ покойницей ночью, въ часъ всеобщаго сна, что его обуяло ужасомъ и что онъ не можетъ двинуться? Нѣтъ, случилось нѣчто гораздо болѣе страшное и дивное, случилось нѣчто чудесное, и онъ пораженъ не ужасомъ, а именно этимъ чудеснымъ, таинствомъ, совершившимся на его глазахъ. Гдѣ она теперь, куда она дѣвалась, та жалкая, маленькая, убогая отъ старости, робости и безпомощности, которую столько лѣтъ почти не замѣчалъ никто въ ихъ большой, грубой отъ своей силы и молодости семьѣ? Ее уже нѣтъ, она исчезла, — развѣ это она, вотъ это Нѣчто, ледяное, недвижимое, бездыханное, безгласное и все же совсѣмъ не то, что столъ, стѣна, стекло, снѣгъ, совсѣмъ не вещь, а существо, сокровенное бытіе котораго такъ же непостижимо, какъ Богъ? Развѣ то, что лежитъ и молчитъ въ этомъ новомъ, красивомъ гробу, обитомъ темно-лиловымъ плюсомъ съ бѣлыми крестами и крылатыми ангельскими головками, развѣ это та, что еще позавчера ютилась на печкѣ? Нѣтъ, совершилось съ ней нѣкое преображеніе — и все въ мірѣ, весь міръ преобразился ради нея. И онъ одинъ, одинъ въ этомъ преобразенномъ мірѣ!

Онъ волшебнo замкнутъ въ немъ и онъ долженъ стоять въ немъ до разсвѣта и читать не смолкая на томъ необычномъ, жуткомъ и величественномъ языкѣ, который тоже есть часть этого міра, его гибельный, зловѣщій для живыхъ глаголь. И онъ собираетъ

всѣ силы, чтобы читать, видѣть, слышать свой собственный голосъ и держаться на ногахъ, всѣмъ существомъ и все глубже воспринимая то невыразимо жуткое и невыразимо чарующее, что какъ нѣкая литургія совершается въ немъ самомъ и передъ нимъ. И вдругъ медленно приподнимается и еще медленнѣе опускается парчевый покровъ на груди покойницы — она медленно дышетъ! И еще выше и ярче растеть, дрожить, ослѣпляетъ блескъ свѣчей — и уже все вокругъ превращается въ сплошное изступленіе восторга и изступленія, отъ котораго деревенѣть голова, плечи, ноги. Онъ знаетъ, онъ еще соображаетъ, что это морозный вѣтеръ дуетъ въ окно, за которымъ идетъ январская мятель, что это онъ поддуваетъ покровъ и раздуваетъ свѣчи. Но все равно — этотъ вѣтеръ тоже она, усопшая, это отъ нея вѣетъ этимъ чистымъ, какъ смерть, и ледянымъ, какъ вѣчность, дыханіемъ и это она встанетъ сейчасъ судить весь міръ, весь презрѣнный въ своей животности и бренности міръ живыхъ!

Теперь Гавриль моложавый мужикъ съ сѣдыми, аккуратно причесанными волосами. Онъ не хозяйствуетъ, предоставилъ хозяйство братьямъ, женѣ. Онъ избралъ себѣ дѣло, ненужное при его достаткѣ, но единственное любимое имъ — ѣздить ямщикомъ.

Онъ всегда въ дорогѣ, и дорога, даль, мѣняющіяся по времени года картины неба, полей, лѣсовъ, облучокъ телѣжки или саней. бѣгъ пары вѣрныхъ ему,

умныхъ лошадей, звукъ колокольчика и долгій разговоръ съ пріятнымъ сѣдокомъ — счастье, никогда ему не измѣняющее.

Онъ простой, ласковый. Лицо у него чистое, художавое, сѣрые глаза правдивы и ясны. Онъ не говорливъ, но охотно рассказываетъ достойному человѣку то трудно передаваемое, похожее на святочный рассказъ, а на дѣлѣ истинно дивное, что пережилъ онъ у гроба матери, въ ея послѣднюю ночь среди живыхъ.

Парижъ, 1921.

ДАЛЕКОЕ

Давнымъ давно, тысячу лѣтъ тому назадъ, жилъ да былъ вмѣстѣ со мною на Арбатѣ, въ гостиницѣ «Сѣверный Полюсъ», нѣкій неслышнѣй, незамѣтнѣй, скромнѣйшій въ мірѣ Иванъ Ивановичъ, человѣкъ уже старенькій и довольно потрепанный.

Изъ году въ годъ жила, дѣлала свое огромное дѣло Москва. Что-то дѣлалъ, зачѣмъ-то жилъ на свѣтѣ и онъ. Часовъ въ девять онъ уходилъ, въ пятомъ возвращался. О чемъ-то тихо, но ни чуть не печально думая, онъ снималъ съ гвоздя въ швейцарской свой ключъ, поднимался во второй этажъ, шелъ по колѣнчатому коридору. Въ коридорѣ очень сложно и очень дурно пахло и особенно чѣмъ-то тѣмъ, душнымъ и рѣзкимъ, чѣмъ натираютъ полы въ дрянныхъ гостиницахъ. Коридоръ былъ темный и зловѣщій (номера выходили окнами во дворъ, а стекла надъ ихъ дверями давали мало свѣта) и весь день горѣла въ концѣ каждаго его колѣна лампочка съ ослѣпительнымъ рефлекторомъ. Но казалось, что Иванъ Ивановичъ не испытывалъ ни малѣйшей доли тѣхъ тяжкихъ чувствъ, которыя возникали на счетъ коридора у людей, не привыкшихъ къ «Сѣверному Полюсу». Онъ шелъ по коридо-

ру спокойно и просто. Встрѣчались ему его сожители: бодро спѣващій, съ молодой бородой и яркимъ взглядомъ студентъ, на ходу надѣвавшій шинель въ рукава; независимаго вида стенографистка, рослая, манящая, несмотря на свое сходство съ бѣлымъ негромъ; старая маленькая дама на высокихъ каблучкахъ, всегда наряженная, нарумяненная, съ коричневыми волосами, съ вѣчнымъ клокотаніемъ мокроты въ груди, о встрѣчѣ съ каковой дамой предупреждалъ быстро бѣгущій по коридору лепетъ бубенчиковъ на ея курносомъ морщѣ съ выдвинутой нижней челюстью, съ яростно и бессмысленно вылупленными глазами. . . Иванъ Ивановичъ вѣжливо со всѣми встрѣчными раскланивался и ничуть не претендовалъ на то, что ему едва кивали въ отвѣтъ. Онъ проходилъ одно колѣно, заворачивалъ въ другое, еще болѣе длинное и черное, гдѣ еще дальше краснѣла и блистала впереди стѣнная лампочка, совалъ ключъ въ свою дверь — и уединялся за нею до слѣдующаго утра.

Чѣмъ онъ у себя занимался, какъ короталъ свой досугъ? А Богъ его знаетъ. Домашняя его жизнь, ничѣмъ внѣшнимъ не проявляемая, никому не нужная, была тоже никому невѣдома — даже горничной и коридорному, нарушавшимъ его затворничество только подачей самовара, уборкой постели и гнуснаго умывальника, изъ котораго струя воды била всегда неожиданно и не на лицо, не на руки, а очень высоко и въ сторону, вкось. Съ рѣдкой, повторяю, незамѣтностью, съ рѣдкимъ однообразіемъ существовалъ Иванъ Ивановичъ. Проходила зима, наступала весна. Неслись, грохотали, звенѣли конки по Арбату, непрерывно спѣшили куда-то, навстрѣчу другъ другу, люди, трещали

извозчицьи пролетки, кричали разносчики съ лотками на головахъ, къ вечеру въ далекомъ пролетѣ улицы сіяло золотисто-свѣтлое небо заката, музыкально разливался надъ всѣми шумами и звуками басистый звонъ съ шатровой, древней колокольни: — Иванъ Ивановичъ какъ будто даже и не видѣлъ, не слышалъ ничего этого. Ни зима, ни весна, ни лѣто, ни осень не оказывали ни малѣйшаго видимаго вліянія ни на него, ни на образъ его жизни. Но вотъ, однажды весной, пріѣхаль откуда-то, взялъ номеръ въ «Сѣверномъ Полюсѣ» и сталъ ближайшимъ сосѣдомъ Иванъ Ивановича какой-то князь. И произошло съ Иваномъ Ивановичемъ нѣчто совершенно неожиданное, негаданное.

Чѣмъ могъ поразить его князь? Конечно, не титуломъ, — была-же старѣйшая сожительница Ивана Ивановича, маленькая дама съ мопсомъ, тоже особой титулованной, и однако не чувствовалъ онъ къ ней ровно ничего. Чѣмъ могъ плѣнить? Конечно, не богатствомъ и не внѣшностью, — князь былъ очень прожившійся человекъ, а на видъ очень запущенный, нескладно огромный, съ мѣшками подъ глазами, съ шумной, тяжелой одышкой. И все таки былъ Иванъ Ивановичъ и пораженъ и плѣненъ, а главное, совсѣмъ вонъ выбить изъ своей долготѣней колѣи. Онъ превратилъ свое существованіе въ какое-то непрестанное волненіе. Онъ повергъ себя въ тревожное, мелкое и постыдное обезьянство.

Князь пріѣхаль, поселился, сталъ уходить и приходять, съ кѣмъ-то видѣться, о чемъ-то хлопотать, — совершенно такъ-же, разумѣется, какъ дѣлали это всѣ, которые останавливались въ «Сѣверномъ Полюсѣ», которыхъ перебивало на памяти Иванъ Ивановича вели-

кое множество и навязываться на знакомство съ которыми Ивану Иванычу и въ голову не приходило. Но князя онъ почему-то изъ всѣхъ отличилъ. Передъ княземъ онъ, при второй же или третьей встрѣчѣ въ коридорѣ, почему-то расшаркался, представился и со всяческими любезнѣйшими извиненіями попросилъ сказать какъ можно точнѣе, который часъ. А завязавъ такимъ ловкимъ образомъ знакомство, просто влюбился въ князя, привелъ въ полное разстройство весь свой обычный жизненный укладъ и рабски сталъ подражать князю чуть не на каждомъ шагу.

Князь, напримѣръ, ложился спать поздно. Онъ возвращался домой часа въ два ночи (и всегда на извозчикѣ). Стала и у Ивана Иваныча горѣть до двухъ часовъ лампа. Онъ зачѣмъ-то ждалъ возвращенія князя, его грузныхъ шаговъ по коридору, его свистящей одышки. Онъ ждалъ съ радостью, чуть не съ трепетомъ и порою даже высовывался изъ своего номерка, чтобы видѣть подходящаго князя, поговорить съ нимъ. Князь шелъ не спѣша, какъ бы не видя его, и всегда спрашивалъ одно и то же, глубоко безразличнымъ тономъ:

— А, а вы еще не спите?

И Иванъ Иванычъ, замирая отъ восторга, хотя, впрочемъ, безъ всякой робости и безъ всякаго подобострастія, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не сплю еще. Время дѣтское, всего десять минутъ третьяго. . . Гуляли, развлекались?

— Да, — говорилъ князь, сопя и не попадая ключомъ въ дверную скважину: — встрѣтилъ стараго знакомаго, зашли, посидѣли въ трактирѣ. . . Покойной ночи. . .

Тѣмъ все дѣло и кончалось, такъ холодно, хотя и вѣжливо, обрывалъ князь свою ночную бесѣду съ Иванъ Ивановичемъ, но съ Иванъ Ивановича и этого было достаточно. На ципочкахъ возвращался онъ къ себѣ, привычно дѣлалъ все то, что полагается передъ сномъ, немножко крестился и кивалъ въ уголь, неслышно укладывался въ постель за перегородкой и тотчасъ-же засыпалъ, совершенно счастливый и совершенно безкорыстный въ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ своихъ на счетъ князя, если не считать невиннѣйшаго вранья коридорному утромъ:

— А я вчера опять засидѣлся. . . Опять заговорились съ княземъ до третьихъ пѣтуховъ. . .

Князь съ вечера выставлялъ за дверь свои большіе растоптанные башмаки и вывѣшивалъ широчайшіе серебристые панталоны. Сталъ и Иванъ Ивановичъ выставлять свои сморщенные сапожки, которые чистились прежде въ двенадесятые праздники, и вывѣшивать брючки съ оборванными пуговицами, которые прежде не вывѣшивались никогда, даже подъ Рождество, подъ Пасху.

Князь просыпался рано, страшно кашлялъ, съ жадностью закуривалъ толстую папиросу, кричалъ, отворивъ дверь въ коридоръ, на весь домъ: — «Коридорный! Чаю!» — и, шлепая туфлями, въ халатѣ, надолго уходилъ за нуждой. Сталъ и Иванъ Ивановичъ дѣлать то же, — кричалъ въ коридоръ о самоварѣ и, въ калошахъ на босу ногу, въ лѣтнемъ пальтишкѣ на заношенномъ бѣльѣ, бѣжалъ и себѣ за нуждой, хотя прежде бѣгалъ онъ туда всегда вечеромъ.

Князь однажды сказалъ, что онъ очень любитъ циркъ и часто бываетъ въ немъ. Рѣшилъ сходить въ

циркъ и Иванъ Ивановичъ, никогда цирка не любившій, бывшій въ циркѣ не менѣе сорока лѣтъ тому назадъ, и однажды сходилъ таки и съ восхищеніемъ разсказалъ ночью князю, какое онъ получилъ огромное наслажденіе. . .

Ахъ, весна, весна! Все дѣло было, вѣрно, въ томъ, что происходилъ весь этотъ вздоръ весною.

Каждая весна есть какъ бы конецъ чего-то изжитого и начало чего-то новаго. Той далекой московской весной этотъ обманъ былъ особенно сладокъ и силенъ — для меня по моей молодости и потому, что кончались мои студенческіе годы, а для многихъ прочихъ просто по причинѣ весны, на рѣдкость чудесной. Каждая весна праздникъ, а та весна была особенно празднична.

Москва прожила свою сложную и утомительную зиму. А потомъ прожила великій постъ, Пасху и опять почувствовала, будто она что-то кончила, что-то свалила съ плечъ, дождалась чего-то настоящаго. И было множество москвичей, которые уже мѣняли или готовились измѣнить свою жизнь, начать ее какъ-бы сначала и уже по иному, чѣмъ прежде, зажить разумнѣе, правильнѣе, моложе и спѣшили убирать квартиры, заказывать лѣтніе костюмы, дѣлать покупки, — а вѣдь покупать (даже нафталинъ) весело! — готовились, однимъ словомъ, къ отъезду изъ Москвы, къ отдыху на дачахъ, на Кавказѣ, въ Крыму, за границей, вообще къ лѣту, которое, какъ всегда кажется, непременно должно быть счастливымъ и долгимъ, долгимъ.

Сколько прекрасныхъ, радующихъ душу чемодановъ и новенькихъ, скрипящихъ корзинъ было куплено тогда въ Леонтьевскомъ переулкѣ и у Мюра-Мерилиза!

Сколько народу стриглось, брилось у Базиля и Теодора! И одинъ за другимъ шли солнечные, возбуждающіе дни, дни съ новыми запахами, съ новой чистотой улицъ, съ новымъ блескомъ церковныхъ маковокъ на яркомъ небѣ, съ новымъ Страстнымъ, съ новой Петровкой, съ новыми свѣтлыми нарядами на щеголихахъ и красавицахъ, пролетавшихъ на легкихъ лихачахъ по Кузнецкому, съ новой свѣтло-сѣрой шляпой знамени-таго актера, тоже быстро пролетавшаго куда-то на «дутыхъ.» Всѣ кончали какую-то полосу своей прежней, не той, какой нужно было, жизни, и чуть не для всей Москвы былъ канунъ жизни новой, непременно счастливой, — былъ онъ и у меня, у меня даже особенно, гораздо больше другихъ, какъ казалось мнѣ тогда. И все близился и близился срокъ моей разлуки съ «Сѣвернымъ Полюсомъ», со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ жилъ я въ немъ по студенчески, и съ утра до вечера былъ я въ хлопотахъ, въ развѣздахъ по Москвѣ, во всяческихъ радостныхъ заботахъ. А что же дѣлалъ мой сосѣдъ по номерамъ, скромнѣйшій современникъ нашъ? Да приблизительно то же, что и мы. Съ нимъ случилось въ концѣ концовъ то же самое, что и со всѣми нами.

Шли апрѣльскіе и майскіе дни, неслись, звенѣли конки, непрерывно спѣшили, люди, трещали извозчи-чьи пролетки, нѣжно и грустно (хотя дѣло шло лишь о спаржѣ) кричали разносчики съ лотками на головахъ, сладко и тепло пахло изъ кондитерской Скачко-ва, стояли кадки съ лаврами у подъѣзда «Праги», гдѣ хорошіе господа уже кушали молодой картофель въ сметанѣ, день незамѣтно клонился къ вечеру, и вотъ уже сияло золотисто-свѣтлое предзакатное небо на западѣ и музыкально разливался надъ счастливой, люд-

ной улицей басистый звонъ съ шатровой колокольни. . .
День за днемъ жилъ весенній городъ своею огромной,
разнообразной жизнью, и я былъ однимъ изъ самыхъ
счастливыхъ участниковъ ея, жилъ всѣми ея запахами,
звуками, всей ея суетой, встрѣчами, дѣлами, покупка-
ми, бралъ извозчиковъ, входилъ съ пріятелями въ ка-
фэ Трамбле, заказывалъ въ «Прагъ» ботвинью, заку-
сывалъ рюмку холодной водки свѣжимъ огурчикомъ. . .
А Иванъ Ивановичъ? А Иванъ Ивановичъ тоже куда-то
ходилъ, тоже гдѣ-то бывалъ, дѣлалъ что-то свое, ма-
ленькое, чрезвычайно маленькое, пріобрѣтая за это
право на дальнѣйшее существованіе среди насъ, то есть
на обѣдъ за тридцать копѣекъ въ кухмистерской на-
противъ «Сѣвернаго Полюса» и на номеръ въ «Сѣвер-
номъ Полюсѣ». Онъ только это скромное право зара-
батывалъ себѣ гдѣ-то и чѣмъ-то и, казалось, былъ
совершенно чуждъ всѣмъ нашимъ надеждамъ на ка-
кую-то новую жизнь, на новый костюмъ, новую шля-
пу, новую стрижку, на то, чтобы съ кѣмъ-то въ чемъ-
то сравняться, завести знакомство, дружбу. . . Но
вотъ пріѣхалъ князь.

Чѣмъ могъ онъ очаровать, поразить Ивана Иваны-
ча? Но вѣдь не важенъ предметъ очарованія, важна
жажда быть очарованнымъ. Былъ, кромѣ того, князь
человѣкомъ съ остатками широкихъ замашекъ, чело-
вѣкомъ глубоко прожившимся, но, значитъ, и пожив-
шимъ въ свое время какъ слѣдуетъ. Ну вотъ и возмеч-
талъ бѣдный Иванъ Ивановичъ зажить и себѣ по но-
вому, по весеннему, съ нѣкоторыми замашками и даже
развлеченіями. Что жъ, развѣ это плохо — не зава-
ливаться спать въ десять часовъ, вывѣшивать для
чистки штаны, ходить за нуждой до умыванія? Развѣ

это не молодить — зайти постричься, подравнять, укоротить бороду, купить молодящую сѣренькую шляпу и воротиться домой съ какой нибудь покупочкой, хоть съ четвертью фунта какихъ-нибудь пустяковъ, красиво перевязанныхъ руками хорошенькой приказчицы? И Иванъ Иванычъ, постепенно и все больше входя въ искушеніе, все это по своему и продѣлалъ, то есть исполнилъ въ мѣру своихъ силъ и возможностей почти все, что исполняли и прочіе: и знакомство завелъ, и обезьянничать сталъ, — право, не больше другихъ! — и весеннихъ надеждъ набрался, и нѣкоторую долю весенняго безпутства внесъ въ свою жизнь, и къ замашкамъ приобщился, и бороду подстригъ, и съ какими-то сверточками въ рукахъ сталъ возвращаться въ «Сѣверный Полюсъ» въ предвечерній часъ, и даже больше того: купилъ и себѣ сѣренькую шляпу и нѣчто дорожное, — чемоданчикъ за рубль семьдесятъ пять, весь въ блестящихъ жестяныхъ гвоздяхъ, — возмечтавъ непременно съѣздить лѣтомъ къ Троицѣ или въ Новый Іерусалимъ...

Сбылась-ли эта мечта и чѣмъ вообще кончился порывъ Ивана Иваныча къ новой жизни, право, не знаю. Думаю, что кончился онъ, какъ и большинство нашихъ порывовъ, не важно, но, повторяю, ничего опредѣленнаго сказать не могу. А не могу потому, что вскорѣ мы всѣ, то есть князь, Иванъ Иванычъ и я, въ одинъ прекрасный день разстались и разстались не на лѣто, не на годъ, не на два, а на вѣки. Да, не больше не меньше какъ на вѣки, то есть чтобы ужъ никогда, ни въ какія времена до скончанія міра не встрѣтятся, каковая мысль мнѣ сейчасъ, не взирая на всю ея видимую странность, просто ужасна: подумать только, —

никогда! Въ сущности, всѣ мы, въ извѣстный срокъ живущіе на землѣ вмѣстѣ и вмѣстѣ испытывающіе всѣ земныя радости и горести, видящіе одно и то же небо, любящіе и ненавидящіе въ концѣ концовъ одинаковое и всѣ поголовно обреченные одной и той-же казни, одному и тому-же исчезновенію съ лица земли, должны были бы питать другъ къ другу величайшую нѣжность, чувство до слезъ умиляющей близости и просто кричать должны были бы отъ страха и боли, когда судьба разлучаетъ насъ, всякій разъ имѣя полную возможность превратить всякую нашу разлуку, даже десятиминутную, въ вѣчную. Но, какъ извѣстно, мы въ общемъ весьма далеки отъ подобныхъ чувствъ и часто разлучаемся даже съ самыми близкими какъ нельзя болѣе легкомысленно. Такъ, конечно, разстались и мы, — князь, Иванъ Ивановичъ и я. Привели однажды передъ вечеромъ князю извозчика на Смоленскій вокзалъ, — плохенькаго, за шесть гривенъ, — а мнѣ, на Курскій, за полтора цѣлковыхъ, на сѣрой рѣзвой кобылѣ, — и мы разстались, даже и не попрощавшись другъ съ другомъ. И остался Иванъ Ивановичъ въ своемъ мрачномъ коридорѣ, въ своей клѣткѣ съ тусклымъ стекломъ надъ дверью, и развѣхались мы съ княземъ въ совершенно разныя стороны, рассовавъ во всѣ руки чаевыя и сѣвши каждый на свою пролетку, — князь, кажется, довольно равнодушный, а я бодрый, во всемъ новенькомъ, смутно ждущій какой-то чудесной встрѣчи въ вагонѣ, въ пути. . . И помню какъ сейчасъ: ѣхалъ я къ Кремлю, а Кремль былъ озаренъ вечернимъ солнцемъ, ѣхалъ черезъ Кремль, мимо соборовъ, — ахъ, какъ хороши они были, Боже мой! — потомъ по пахучей отъ всякой москатели Иль-

инкѣ, гдѣ уже была вечерняя тѣнь, потомъ по Покровкѣ, уже осѣняемой звономъ и гуломъ колоколовъ, благословляющихъ счастливо кончившійся суетный день, — вѣхаль и не просто радовался и самому себѣ и всему міру, а истинно тонулъ въ радости существованія, какъ-то мгновенно, еще на Арбатской площади, позабывъ и «Сѣверный Полюсъ», и князя, и Иванъ Иванныча, и былъ бы, вѣроятно, очень удивленъ, если бы мнѣ сказали тогда, что навсегда сохранятся и они въ томъ сладкомъ и горькомъ снѣ прошлаго, которымъ до могилы будетъ жить моя душа, и что будетъ нѣкій день, когда буду я тщетно взывать и къ нимъ:

— Милый князь, милый Иванъ Иваннычъ, гдѣ-то гниютъ теперъ ваши кости? И гдѣ наши общія глупыя надежды и радости, наша далекая московская весна?

Амбуазъ, 1922.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ДРУГЪ

7 октября, 19.. г.

На этой *carte-illustrée* съ такимъ печальнымъ и величественнымъ видомъ лунной ночи у береговъ Атлантическаго океана спѣшу написать Вамъ мою горячую благодарность за Вашу послѣднюю книгу. Эти берега — моя вторая родина, это послѣдняя граница европейскихъ владѣній Британіи, — видите, изъ какого далека шлетъ Вамъ привѣтъ одинъ изъ Вашихъ неизвѣстныхъ друзей. Будьте счастливы и да сохранитъ Васъ Богъ.

8 октября.

Вотъ еще одинъ видъ той одинокой страны, куда навѣки забросила меня судьба.

Вчера подъ ужаснымъ дождемъ, — у насъ вѣчный дождь, — ѣздила по дѣламъ въ городъ, случайно купила Вашу книгу и читала ее не отрываясь на возвратномъ пути на виллу, гдѣ мы живемъ круглый годъ изъ-за моего слабаго здоровья. Отъ дождя, отъ тучъ

было почти темно, цвѣты и зелень въ садахъ были необыкновенно ярки, пустой трамвай шель быстро, кидая фіолетовыя вспышки, а я читала, читала и, неизвѣстно почему, чувствовала себя почти мучительно счастливой.

Прощайте, еще разъ благодарю Васъ. Хочется еще что-то сказать Вамъ, но что? Не знаю, не умѣю опредѣлить.

10 октября.

Не могу удержаться и опять пишу Вамъ. Думаю, что Вы получаете такихъ писемъ слишкомъ много. Но вѣдь все это отклики именно тѣхъ человѣческихъ душъ, для которыхъ и творите Вы. Такъ зачѣмъ же мнѣ молчать? Вы первый вступили въ общеніе со мной, выпустивъ въ свѣтъ, то есть и для меня, свою книгу. . .

И нынче цѣлый день сыплется дождь на нашъ почти неестественно зеленый садъ, и въ комнатѣ у меня сумрачно и съ утра топится каминъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать Вамъ многое, но вѣдь Вы знаете лучше другихъ, какъ это трудно, почти невозможно — высказывать себя. Я все еще подъ впечатлѣніемъ чего-то непонятнаго и неразрѣшающагося, но прекраснаго, чѣмъ я обязана Вамъ, — объясните, что это такое, это чувство? И что вообще испытываютъ люди, подвергаясь воздѣйствию искусства? Очарованіе отъ человѣческой умѣлости, силы? Возбужденное желаніе личнаго счастья, которое всегда, неугасимо живетъ въ насъ и особенно оживаетъ подъ вліяніемъ чего-нибудь дѣйствующаго чувственно, — музыки, стиховъ, какого-нибудь

образнаго воспоминанія, какого-нибудь запаха? Или же это радость ощущенія божественной прелести человѣческой души, которую открываютъ намъ немногіе, подобные Вамъ, напоминающіе, что она все-таки есть, эта божественная прелесть? Вотъ я что-нибудь читаю, — иногда даже что-нибудь ужасное, — и вдругъ говорю: Боже, какъ это прекрасно! Что это значить? Можетъ быть, это значить: какъ все-таки прекрасна жизнь!

До свиданья, скоро еще напишу Вамъ. Думаю, что въ этомъ нѣтъ никакой неделикатности, что это принято — писать писателямъ. Кромѣ того, Вы вѣдь можете и не читать моихъ писемъ. . . хотя, конечно, мнѣ это будетъ очень грустно.

Ночью.

Простите, это можетъ прозвучать дурно, но не могу не сказать: я не молода, у меня дочь пятнадцати лѣтъ, совсѣмъ уже барышня, но я была когда-то не совсѣмъ дурна и не слишкомъ рѣзко измѣнились съ тѣхъ. . . Мнѣ все-таки не хочется, чтобы Вы представляли себѣ меня не такой, какая я есть.

11 октября.

Я написала Вамъ въ силу потребности раздѣлить съ Вами то волненіе, которое произвелъ на меня Вашъ талантъ, дѣйствующій, какъ печальная, но возвышен-

ная музыка. Зачѣмъ это нужно — раздѣлить? Я не знаю, да и Вы не знаете, но мы оба хорошо знаемъ, что эта потребность человѣческаго сердца неискоренима, что безъ этого нѣтъ жизни и что въ этомъ какая-то великая тайна. Вѣдь и Вы пишете только въ силу этой потребности и даже болѣе — Вы отдаете ей всего себя всецѣло.

Я всегда много читала, — и много вела дневниковъ, какъ всѣ неудовлетворенные жизнью люди, — много читаю и теперь, читала и Васъ, но мало, больше знала Васъ лишь по имени. И вотъ эта Ваша новая книга. . . Какъ это странно! Чья-то рука гдѣ-то и что-то написала, чья-то душа выразила малѣйшую долю своей сокровенной жизни малѣйшимъ намекомъ, — что можетъ выразить слово, даже такое, какъ Ваше! — и вотъ вдругъ исчезаетъ пространство, время, разность судебъ и положеній, и Ваши мысли и чувства становятся моими, нашими общими. Поистинѣ только одна, единая есть душа въ мірѣ. И развѣ не понятенъ послѣ этого мой порывъ написать Вамъ, что-то высказать, что-то раздѣлить съ Вами, на что-то пожаловаться? Развѣ Ваши произведенія не то же самое, что мои письма къ Вамъ? Вѣдь и Вы что-то и кому-то высказываете, посылаете свои строки кому-то невѣдомому и куда-то въ пространство. Вѣдь и Вы жалуетесь, чаще всего только жалуетесь, потому что жалоба, иными словами, мольба о сочувствіи, наиболѣе неразлучна съ человѣкомъ: сколько ея въ пѣсняхъ, молитвахъ, стихахъ, любовныхъ изліяніяхъ!

Можетъ быть, Вы отвѣтите мнѣ, хотя двумя словами? Отвѣтите!

Опять пишу Вамъ ночью, уже въ спальнѣ, мучимая непонятнымъ желаніемъ сказать то, что такъ легко обозвать наивностью, что скажется во всякомъ случаѣ не такъ, какъ чувствуется. А хочется мнѣ сказать въ сущности очень немногое: только то, что мнѣ очень грустно, очень жаль себя — и что я все-таки счастлива этой грустью и тѣмъ, что мнѣ жаль себя. Мнѣ грустно думать, что я гдѣ-то въ чужой странѣ, на самыхъ западныхъ берегахъ Европы, на какой-то виллѣ за городомъ, среди осенней ночной темноты и тумана съ моря, идущаго вплоть до Америки. Грустно, что я одна не только въ этой уютной и прелестной комнатѣ, но и во всемъ мірѣ. И всего грустнѣй, что Вы, котораго я выдумала и отъ котораго уже что-то жду, такъ безконечно далеко отъ меня и такъ мнѣ невѣдомы и, конечно, что бы я тамъ ни говорила, такъ чужды мнѣ и такъ правы въ этомъ. . .

Въ сущности, все въ мірѣ прелестно, даже вотъ этотъ абажуръ на лампѣ и ея золотистый свѣтъ, и сверкающее бѣлье на моей уже открытой постели, и мой халатъ, моя нога въ туфлѣ и моя худая рука въ широкомъ рукавѣ. И всего безконечно жаль: къ чему все? Все проходитъ, все пройдетъ и все тщетно, какъ и мое вѣчное ожиданіе чего-то, замѣняющее мнѣ жизнь. . .

Очень прошу — напишите мнѣ. Конечно, два-три слова, только для того, чтобы я знала, что Вы слышите меня. Простите мою настойчивость.

15 октября.

Это нашъ городъ, нашъ соборъ. Пустынные скалистые берега, — моя первая *carte-postale* къ Вамъ, — дальше, сѣвернѣе. Но и городъ, соборъ — все угрюмо, черно у насъ. Гранитъ, шиферъ, асфальтъ и дождь, дождь. . .

Да, напишите мнѣ кратко, я очень хорошо понимаю, что Вамъ нечего сказать мнѣ, кромѣ двухъ-трехъ словъ. Но напишите, напишите!

21 октября.

Увы, письма отъ Васъ нѣтъ. А прошло уже пятнадцать дней съ тѣхъ поръ, какъ я написала Вамъ въ первый разъ. . .

Но можетъ быть, Вашъ издатель еще не переслалъ Вамъ моихъ писемъ? Можетъ быть, Васъ отвлекають срочныя занятія, свѣтская жизнь? Это очень грустно, но все же лучше, чѣмъ думать, что Вы просто пренебрегли моей просьбой. Думать такъ очень обидно и больно. Вы скажете, что я не имѣю никакого права на Ваше вниманіе и что, слѣдовательно, ни обидѣ ни боли не можетъ быть мѣста. Но точно ли не имѣю я этого права? А можетъ быть, оно уже есть у меня, разъ я испытала извѣстныя чувства къ Вамъ? Развѣ былъ, на примѣръ, хоть одинъ Ромео, который не требовалъ взаимности даже и безъ всякихъ основаній, или Отелло, который ревновалъ бы по праву? Оба они говорятъ: разъ я люблю, какъ можно не любить

меня, какъ можно измѣнять мнѣ? Это не простое хотѣніе, чтобы меня любили, это гораздо сложнѣе и больше. Разъ я что-нибудь или кого-нибудь люблю, это уже мое, во мнѣ. . . Впрочемъ, не умѣю объяснить Вамъ этого какъ слѣдуетъ, знаю только, что такъ казалось и кажется людямъ всегда, и чувствую, что тутъ скрывается что-то очень глубокое.

Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, а отвѣта отъ Васъ нѣтъ, а я опять пишу. Неожиданно выдумала, что Вы мнѣ чѣмъ-то близки, — хотя опять-таки выдумала ли? — и сама повѣрила своей выдумкѣ и упорно стала писать Вамъ и уже знаю, что чѣмъ больше буду писать Вамъ, тѣмъ все необходимѣе будетъ для меня дѣлать это, потому что все болѣе будетъ усиливаться какая-то связь между мною и Вами. Я Васъ не представляю себѣ, совсѣмъ не вижу даже Вашего физическаго облика. Такъ кому же я пишу? Самой себѣ? Но все равно. Вѣдь и я — Вы.

22 октября.

Нынче дивный день, на душѣ у меня легко, окна открыты, и солнце и теплый воздухъ напоминаютъ о веснѣ. Станный этотъ край! Лѣтомъ дождливо и холодно, осенью, зимой — дождливо и тепло, но порой выпадаютъ такіе прекрасные дни, что не знаешь: зима это или итальянская весна? О, Италія, Италія и мои восемнадцать лѣтъ, мои надежды, моя радостная довѣрчивость, мои ожиданія на порогѣ жизни, которая была вся впереди и вся въ солнечномъ туманѣ, какъ горы, долины и цвѣтушіе сады вокругъ Везувія! Простите.

знаю, что все это слишком не ново, но что мнѣ до того?

Ночью.

Можетъ быть, Вы оттого не писали мнѣ, что я для Васъ слишкомъ отвлеченна? Тогда вотъ еще нѣсколь-ко чертъ моей жизни. Я уже шестнадцать лѣтъ заму-жемъ. Мой мужъ французъ, я познакомилась съ нимъ однажды зимою на французской Ривьерѣ, вѣнчалась въ Римѣ, а послѣ свадебнаго путешествія по Италіи навсегда поселилась здѣсь. У меня трое дѣтей, маль-чикъ и двѣ дѣвочки. Люблю ли я ихъ? Да, но все же не такъ, какъ чаще всего любятъ матери, видящія жизнь только въ семьѣ, въ дѣтяхъ. Пока дѣти были маленькими, я за ними непрестанно ухаживала, раздѣ-ляла съ ними всѣ ихъ игры и занятія, но теперь они во мнѣ больше не нуждаются, и у меня много свобод-наго времени, которое я провожу въ чтеніи. Родные мои далеко, наши жизни разошлись, и общихъ инте-ресовъ у насъ такъ мало, что мы даже переписываемся очень рѣдко. Въ связи съ положеніемъ моего мужа мнѣ часто приходится бывать въ обществѣ, принимать и отдавать визиты, бывать на вечерахъ и обѣдахъ. Но друзей и подругъ у меня нѣтъ. На здѣшнихъ дамъ я не похожа, а въ дружбу между мужчиной и женщи-ной я не вѣрю. . .

Но довольно обо мнѣ. Если отвѣтите, скажите хоть что-нибудь о себѣ. Какой Вы? Гдѣ Вы постоянно жи-вете? Любите ли Вы Шекспира или Шелли, Гете или Данте, Бальзака или Флобера? Любите ли музыку и

какую? Женаты ли Вы? Связаны ли Вы уже наскучившей связью или у Васъ есть невѣста въ той нѣжной и прекрасной порѣ, когда все ново и радостно, когда еще нѣтъ воспоминаній, которыя только томятъ, обманываютъ, будто было счастье, непонятое и неиспользованное?

Напишите мнѣ, если можете!

1 ноября.

Письма отъ Васъ нѣтъ. Какое мученіе! Такое мученіе, что я иногда проклиная день и часъ, когда рѣшилась написать Вамъ. . .

И хуже всего то, что изъ этого нѣтъ выхода. Сколько бы я ни увѣряла себя, что письма не будетъ, что мнѣ нечего ждать, я все-таки жду: кто же можетъ поручиться, что его дѣйствительно не будетъ? Ахъ, если бы твердо знать, что Вы не напишете! Я была бы и этимъ счастлива. Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ, надѣяться все-таки лучше. Я надѣюсь, я жду!

3 ноября.

Письма нѣтъ, и мои мученія продолжаются. . .

Впрочемъ, тяжелы только утренніе часы, когда я съ неестественнымъ спокойствіемъ и медлительностью, но съ холодными отъ скрытаго волненія руками одѣваюсь, выхожу къ кофе, прохожу музыкальный урокъ съ дочерью, которая разучиваетъ его такъ трогательно прилежно и сидитъ за піанино такъ прямо, такъ прелест-

но прямо, какъ умѣютъ это только дѣвочки по пятнадцатому году. Въ полдень приходитъ наконецъ почта, я бросаюсь къ ней, ничего не нахожу — и почти успокаиваюсь до слѣдующаго утра...

А нынче опять прелестный день. Низкое солнце ясно и кротко. Въ саду много голыхъ, черныхъ деревьевъ, цвѣтутъ осенніе цвѣты. И что-то тонкое, голубое, необыкновенно прекрасное въ долинахъ, за вѣтвями сада. И въ сердцѣ благодарность кому-то и за что-то. За что? Вѣдь ничего нѣтъ и не будетъ... хотя такъ ли это, точно ли ничего нѣтъ, разъ она есть, эта умиляющая душу благодарность?

Благодарю и Васъ за то, что Вы дали мнѣ возможность выдумать Васъ. Вы меня никогда не узнаете, никогда не встрѣтите, но и въ этомъ много печальной прелести. И, быть можетъ, хорошо, что Вы не пишете, что вы не написали мнѣ ни слова и что я совсѣмъ не вижу Васъ живымъ. Развѣ я могла бы говорить съ Вами и чувствовать Васъ такъ, какъ сейчасъ, если бы я Васъ знала, даже если бы имѣла хоть одно письмо отъ Васъ? Вы непременно были бы уже не такой, непременно чуть-чуть хуже, и мнѣ было бы менѣе свободно писать Вамъ...

Свѣжѣетъ, а я все не закрываю окна и все смотрю въ голубую дымку низменностей и холмовъ за садомъ. И это голубое мучительно, потому что непременно нужно что-то сдѣлать съ нимъ. Что сдѣлать? Я не знаю. Мы ничего не знаемъ!

5 ноября.

Это похоже на дневникъ, но это все-таки не дневникъ, потому что теперь у меня есть читатель, пусть хотя бы и предполагаемый. . .

Что побуждаетъ писать Васъ? Желаніе рассказать что-нибудь или высказать (хоть бы иносказательно) себя? Конечно, второе. Девять десятыхъ писателей, даже самыхъ славныхъ, только рассказчики, то есть въ сущности не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что можетъ достойно называться искусствомъ. А что такое искусство? Молитва, музыка, пѣсня человѣческой души. . . Ахъ, если бы оставить послѣ себя хоть нѣсколько строкъ о томъ, что вотъ и я жила, любила, радовалась, что и у меня была молодость, весна, Италия. . . что есть далекая страна на берегахъ Атлантическаго океана, гдѣ я живу, люблю и все еще чего-то жду даже и теперь. . . что есть въ этомъ океанѣ дикіе и бѣдные острова и дикая, бѣдная жизнь какихъ-то чуждыхъ всему міру людей, ни происхожденія, ни темнаго языка, ни цѣли существованія которыхъ не знаетъ и никогда не узнаетъ никто. . .

Я все-таки жду, жду письма. Теперь это уже какъ бы навязчивая идея, родъ душевной болѣзни.

7 ноября.

Да, все дивно. Письма, конечно, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. И представьте себѣ: потому что нѣтъ этого письма, нѣтъ отвѣта отъ человѣка, котораго я никогда не видала и не увижу, нѣтъ отклика на мой голосъ, брошен-

ный куда-то въ даль, въ свою мечту, у меня чувство страшнаго одиночества, страшной пустоты міра. Пустоты, пустоты!

И опять дождь, туманъ, будни. И это даже хорошо, потому что обычно, такъ, какъ надо. Это меня успокаиваетъ.

До свиданія, да проститъ Вамъ Богъ Вашу жестокость. Да, все-таки это жестоко.

8 ноября.

Три часа, а уже совсѣмъ сумерки отъ тумана и дождя.

А въ пять у насъ чай съ гостями.

Пріѣдутъ подъ дождемъ, въ автомобиляхъ, изъ мрачнаго города, который въ дождь еще чернѣе со своимъ чернымъ мокрымъ асфальтомъ, черными мокрыми крышами и чернымъ гранитнымъ соборомъ, остріе котораго уносится въ дождь и мглу. . .

Я уже одѣта и какъ бы жду выхода на сцену. Жду того момента, когда я буду говорить все то, что полагается, буду любезна, оживлена, заботлива и только немного блѣдна, что такъ легко объяснить этой ужасной погодой. И, одѣтая, я какъ будто помолодѣла, чувствую себя старшей сестрой своей дочери и каждую минуту готова заплакать. Я все-таки пережила что-то странное, похожее на любовь. Къ кому? Въ силу чего?

Прощайте, я уже ничего не жду, — говорю это совершенно искренно.

Прощайте, мой невѣдомый другъ. Кончаю свои безответныя письма тѣмъ же, чѣмъ и начала, — благодарностью. Благодарю Васъ, что вы не отозвались. Было бы хуже, если бы было иначе. Что бы Вы могли сказать мнѣ? И на чемъ могли бы мы съ Вами, безъ чувства неловкости, прервать переписку? И что бы я нашла сказать Вамъ еще, кромѣ сказаннаго? Больше у меня ничего нѣтъ, — я все сказала. Въ сущности о всякой человѣческой жизни можно написать только двѣ-три строки. О, да. Только двѣ-три строки.

Со страннымъ чувствомъ, — точно я кого-то потеряла, — опять остаюсь одна, со своимъ домомъ, близостью туманнаго океана, осенними и зимними буднями. И опять возвращаюсь къ спокойному дневнику, странную надобность котораго, равно какъ и Вашихъ писаній, знаетъ только Богъ.

Нѣсколько дней тому назадъ видѣла Васъ во снѣ. Вы были какой-то странный, молчаливый, сидѣли въ углу темной комнаты и были не видны. А все-таки я Васъ видѣла. Я и во снѣ чувствовала странность своего сна: какъ можно видѣть во снѣ того, кого никогда не видѣлъ въ жизни? Вѣдь только Богъ творитъ изъ ничего? И мнѣ было жутко, и я проснулась въ страхѣ, съ тяжелымъ чувствомъ.

Черезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ не будетъ, вѣроятно, ни меня, ни Васъ въ этомъ мірѣ. До встрѣчи въ иномъ! Кто можетъ быть увѣренъ что его нѣтъ? Вѣдь мы не понимаемъ даже своихъ собственныхъ сновъ, созданій своего собственнаго воображенія. Наше ли оно, это воображеніе, то есть, говоря точнѣе, то,

что мы называемъ нашимъ воображеніемъ, нашими выдумками, нашими мечтами? Нашей ли волѣ подчиняемся мы, стремясь къ той или иной душѣ, какъ я стремлюсь къ Вашей?

Прощайте. Или нѣтъ, все-таки до свиданія.

Приморскія Альпы, 15. VII. 23.

ВЪ НОЧНОМЪ МОРЬ

Пароходъ, шедшій изъ Одессы на Кавказъ, остановился ночью передъ Евпаторіей.

На пароходѣ и возлѣ него образовался сушій адъ. Грохотали лебедки, яростно кричали и тѣ, что принимали грузъ, и тѣ, что подавали его снизу, изъ огромной баржи; съ крикомъ, съ дракой осаждала пассажирскій трапъ и, какъ на приступъ, съ непонятной, бѣшеной поспѣшностью, лѣзла вверхъ со своими пожитками восточная чернь; электрическая лампочка, спущенная надъ площадкой трапа, рѣзко освѣщала густую и безпорядочную вереницу грязныхъ фесокъ, вытаращенные глаза, пробивавшіяся впередъ плечи, судорожно цѣплявшіяся за поручни руки; стонъ стоялъ и внизу. возлѣ послѣднихъ ступенекъ, поминутно заливаемыхъ волной; тамъ тоже дрались и орали, оступались и цѣплялись, тамъ стучали весла, сшибались другъ съ другомъ лодки, полныя народа, — онѣ то высоко взлетали на волнѣ, то глубоко падали, исчезали въ темнотѣ подъ бортомъ. А дельфино-подобную тушу парохода упруго, точно на резинѣ, валило то въ одну, то въ другую сторону. . .

Наконецъ стало стихать.

Очень прямой, съ прямыми плечами господинъ, поднявшійся на палубу въ числѣ послѣднихъ, подалъ возлѣ рубки перваго класса свой билетъ и сакъ лакею и, узнавъ, что мѣстъ въ каютахъ нѣтъ, прошелъ на корму. Тутъ было темно, стояло нѣсколько полотняныхъ кресель, и только въ одномъ изъ нихъ чернѣла фигура полулежащаго подъ пледомъ человѣка. Новый пассажиръ выбралъ себѣ кресло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Кресло было низкое, и, когда онъ сѣлъ, парусина натянулась и образовала очень удобный и пріятный уютъ. Пароходъ поднимало и опускало, медленно сносило, поворачивало теченіемъ. Дулъ мягкій вѣтерокъ южной лѣтней ночи, слабо пахнущій моремъ. Ночь, по лѣтнему простая и мирная, съ чистымъ небомъ въ мелкихъ скромныхъ звѣздахъ, давала темноту мягкую, прозрачную. Далекіе огни были блѣдны и потому, что часъ былъ поздній, казались сонными. Вскорѣ на пароходѣ и совсѣмъ все пришло въ порядокъ, слышались уже спокойные командные голоса, загремѣла якорная цѣпь. . . Потомъ корма задрожала, зашумѣла винтами и водой. Низко и плоско разсыпанные на далекомъ берегу огни поплыли назадъ. Качать перестало. . .

Можно было подумать, что оба пассажира спятъ, такъ неподвижно лежали они въ своихъ креслахъ. Но нѣтъ, они не спали, они пристально смотрѣли сквозь сумракъ другъ на друга. И, наконецъ, первый, тотъ, у котораго ноги были покрыты пледомъ, просто и спокойно спросилъ:

— Вы тоже въ Крымъ?

И второй, съ прямыми плечами, не спѣша отвѣтилъ ему тѣмъ-же тономъ:

— Да, въ Крымъ и дальше. Побуду въ Алуцкѣ, потомъ поѣду въ Гагры.

— Я васъ сразу узналъ, — сказалъ первый.

— И я васъ узналъ и тоже сразу, — отвѣтилъ второй.

— Очень странная и неожиданная встрѣча.

— Какъ нельзя болѣе.

— Собственно, я не то, что узналъ васъ, а у меня какъ-будто уже заранѣе таилось такое чувство, что вы почему-то должны появиться, такъ что и узнавать было не нужно.

— Совершенно то-же самое испыталъ и я.

— Да? Очень странно. Какъ тутъ не сказать, что въ жизни все таки бываютъ минуты — ну, необыкновенныя, что-ли? Жизнь, можетъ быть, не такъ ужъ проста, какъ кажется.

— Можетъ быть. Но вѣдь можетъ быть и другое: то, что мы съ вами просто вообразили сію минуту эти чувства нашего якобы предвидѣнія.

— Можетъ быть. Да, весьма возможно. Даже скорѣе всего, что такъ.

— Ну вотъ видите. Мы умствуемъ, а жизнь, можетъ быть, очень проста. Просто похожа на ту свалку, которая была сейчасъ возлѣ трапа. Куда эти дураки такъ спѣшили, давя другъ друга?

И собесѣдники немного помолчали. Потомъ снова заговорили.

— Сколько мы съ вами не видались? Двадцать три года? — спросилъ первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ.

— Да, почти такъ, — отвѣтилъ второй. — Осенью будетъ ровно двадцать три. Намъ съ вами это очень легко подсчитать. Почти четверть вѣка.

— Большой срокъ. Цѣлая жизнь. То-есть я хочу сказать, что обѣ наши жизни почти уже кончены.

— Да, да. И что-же? Развѣ намъ страшно, что кончены?

— Гмъ! Конечно, нѣтъ. Почти ничуть. Вѣдь это все враки, когда мы говоримъ себѣ, что страшно, то-есть когда мы стараемся пугаться, что вотъ, молъ, жизнь прожита и черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ придется лежать въ могилѣ. А вѣдь подумайте: въ могилѣ. Не шуточная вещь.

— Совершенно вѣрно. И я даже гораздо больше скажу. Вы вѣдь знаете, вѣроятно, какъ я, что называется, знаменитъ въ медицинскомъ мѣрѣ?

— Кто-жъ этого не знаетъ! Конечно, знаю. А что вашъ покорный слуга тоже прославился, вамъ извѣстно?

— Ну, разумѣется. Можно сказать, вашъ поклонникъ.

— Да, да, двѣ знаменитости. — Ну, такъ что вы хотѣли сказать?

— А то, что благодаря своей знаменитости, то-есть нѣкоторымъ знаніямъ, не Богъ вѣсть какой мудрости, но все таки довольно основательнымъ, я знаю почти безошибочно, что жить мнѣ осталось даже и не десять лѣтъ, а нѣсколько мѣсяцевъ. Ну, самое большее — годъ. У меня достовѣрно установленная и мною самимъ и сотоварищами по ремеслу смертельная болѣзнь. И увѣряю васъ, я все-таки живу почти какъ ни въ чемъ не бывало. Только саркастически усмѣхаюсь:

хотѣлъ, изволите-ли видѣть, всѣхъ перещегоолять въ знаніи всяческихъ причинъ смерти, чтобы славиться и великолѣпно жить, и на свою голову добился — великолѣпно узналъ свою собственную смерть. То бы меня дурачили, обманывали, — что вы, батенька, мы еще повоюемъ, чертъ возьми! — а тутъ какъ обманешь, какъ соврешь? Глупо и неловко. До того неловко, что даже пересаливаютъ въ откровенности, смѣшанной съ умиленіемъ и льстивостью: «Что-жь, уважаемый коллега, не намъ съ вами хитрить. . . *Finita la comedia!*»

— Вы это серьезно? — спросилъ первый пассажиръ.

— Совершенно серьезно, — отвѣтилъ второй. — И вѣдь главное что? Какой-то тамъ Кай смертенъ, ergo умру и я, да вѣдь когда-то еще это будетъ! Но тутъ, къ сожалѣнію, дѣло совсѣмъ иное: не когда-то, а черезъ годъ. А много-ли времени годъ? Будущимъ лѣтомъ вы вотъ такъ-же будете плыть куда-нибудь по синимъ волнамъ океана, а въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ, будутъ лежать мои благородныя кости. Ну и что-же? Да то, что я почти ровно ничего не чувствую при мысли объ этомъ и, что хуже всего, вовсе не вслѣдствіе какого-то тамъ мужества, которое видятъ во мнѣ студенты, когда я расписываю имъ свою болѣзнь и ея теченіе, какъ нѣчто интересное съ клинической точки зрѣнія, а просто такъ, по какому-то идиотическому безчувствію. Да ничего не чувствуютъ и всѣ окружающіе меня, знающіе мою роковую тайну. Вотъ вы, напримѣръ, — развѣ вамъ страшно за меня?

— Страшно ли за васъ? Нѣтъ, сознаюсь, — въ сущности нисколько.

— И, конечно, ничуть не жаль меня?

— Нѣтъ, и не жаль. И при томъ вы, я думаю, насколько не вѣрите въ тѣ блаженные, мѣста, гдѣ нѣтъ ни печали ни воздыханія, а только райскія яблочки?

— Ну, какая тамъ у насъ съ вами вѣра. . .

И опять оба помолчали. Потомъ вынули портсигары, закурили.

— И вѣдь замѣтите, — сказалъ первый пассажиръ, тотъ, что лежалъ подъ пледомъ: — мы вѣдь съ вами ничуть не рисуемся, ничуть не играемъ сейчасъ ни другъ передъ другомъ, ни передъ воображаемымъ слушателемъ. Мы говоримъ совершенно просто и безъ всякаго предумышленнаго цинизма, безъ всякаго ѣдкаго хвастовства, въ которомъ все-таки есть всегда нѣкая компенсація: вотъ, молъ, извольте взглянуть, въ какомъ мы положеніи — ни у кого такого нѣтъ. Мы и бесѣдуемъ просто и умолкаемъ безъ всякой значительности, безъ всякой стоической мудрости. Говоря вообще, болѣе сладострастнаго животнаго, чѣмъ человѣкъ, нѣтъ на землѣ, хитрая человѣческая душа изъ всего умѣетъ извлекать самоуслажденіе. Но въ нашемъ съ вами случаѣ я даже и этого не вижу. И это тѣмъ болѣе любопытно, что вѣдь надо прибавить къ нашему, какъ вы выражаетесь, идиотскому безчувствію еще всю особенность нашихъ съ вами отношеній. Мы вѣдь съ вами ужасно тѣсно связаны. То есть, точнѣе говоря, должны были бы быть связаны.

— Еще бы! — отвѣтилъ второй. — Какой ужасъ, въ сущности, причинилъ я вамъ. Воображаю, что вы пережили.

— Да, и даже гораздо больше, чѣмъ вы можете вообразить. И вообще-то это ужасно, весь тотъ кошмаръ, который переживаетъ мужчина, любовникъ,

мужъ, у котораго отняли, отбили жену и который по цѣлымъ днямъ и ночамъ, почти безпрерывно, ежеминутно корчится отъ мукъ самолюбія, страшныхъ ревнивыхъ представленій о томъ счастьѣ, которое испытываетъ его соперникъ, и отъ безнадежной, безысходной нѣжности, — вѣрнѣе, половой умиленности, — къ потерянной самкѣ, которую хочется въ одно и то же время и задушить съ самой лютой ненавистью и осыпать самыми унижительными знаками истинно собачьей покорности и преданности. Это вообще несказанно ужасно. А вѣдь я къ тому-же не совсѣмъ обычный человѣкъ, особъ съ повышенной чувствительностью, съ повышеннымъ воображеніемъ. Вотъ тутъ и представьте, что я переживалъ въ теченіе цѣлыхъ годовъ.

— Неужели годовъ?

— Увѣряю васъ, что не менѣе трехъ лѣтъ. Да и потомъ еще долго одна мысль о васъ и о ней, о вашей съ ней близости, обжигала меня точно каленымъ желѣзомъ. Да оно и понятно. Ну, отбилъ человѣкъ, напри- мѣръ, невѣсту — это еще туда сюда. Но любовницу или, какъ въ нашемъ случаѣ, жену! Ту, съ которой ты, извините за прямоту, спалъ, всѣ особенности тѣла и души которой знаешь, какъ свои пять пальцевъ! Подумайте, какой тутъ просторъ ревнивому воображенію. Какъ перенести обладаніе ею другимъ? Все это просто выше человѣческихъ силъ. Изъ-за чего же я чуть не спился, изъ-за чего надорвалъ здоровье, волю? Изъ-за чего потерялъ пору самага яркаго расцвѣта силъ, таланта? Вы меня, говоря безъ всякаго преувеличенія, просто пополамъ переломили. Я сросся, конечно, да что толку? Прежняго меня все равно уже не было, да и не могло быть. Вѣдь, въ какую святая святыхъ всего мо-

его существованія вторглись вы! Царевичъ Гаутама, выбирая себѣ невѣсту и увидавъ Ясодхару, у которой «былъ станъ богини и глаза лани весной», натворилъ, возбужденный ею, чертъ знаетъ чего въ состязаніи съ прочими юношами, — выстрѣлилъ, напрімѣръ, изъ лука такъ, что было слышно на семь тысячъ миль, — а потомъ снялъ съ себя жемчужное ожерелье, обвилъ имъ Ясодхару и сказалъ: «Потому я избралъ ее, что играли мы съ ней въ лѣсахъ въ давнопрошедшія времена, когда былъ я сыномъ охотника, а она дѣвой лѣсовъ: вспомнила ее душа моя!» На ней было въ тотъ день черно-золотое покрывало, и царевичъ взглянулъ и сказалъ: «Потому черно-золотое покрывало на ней, что мириады лѣтъ тому назадъ, когда я былъ охотникомъ, я видѣлъ ее въ лѣсахъ пантерой: вспомнила ее душа моя!» — Вы простите меня за всю эту поэзію, но въ ней огромная и страшная правда. Вы только вдумайтесь въ смыслъ этихъ поразительныхъ словъ насчетъ вспомнившей души и въ то, какой это ужасъ, когда эту священнѣйшую въ мірѣ встрѣчу нарушаетъ посторонній. Кто знаетъ — я, можетъ быть, тоже выстрѣлилъ бы такъ, что было бы слышно за тысячи миль. И вотъ, вдругъ явились вы. . .

— Ну и что же вы чувствуете ко мнѣ теперь? — спросилъ господинъ съ прямыми плечами. — Злобу, отвращеніе, жажду мести?

— Представьте себѣ: ровно ничего. Несмотря на всю вышеприведенную тираду, ровно ничего. Ужасъ, ужасъ. Вотъ тебѣ и «вспомнила душа моя!» Да вѣдь вы это хорошо знаете и сами, то-есть то, что я ничего не чувствую. Иначе бы не спросили.

— Вы правы. Знаю. И это тоже очень страшно.

— А намъ все таки нестрашно. Сплошной ужасъ: совсѣмъ не страшно.

— Да, въ сущности, ничуть. Говорять: прошлое, прошлое! А все вздоръ. Никакого прошлаго у людей, строго говоря, нѣтъ. Такъ только, слабый отзвукъ какой-то всего того, чѣмъ жилъ когда-то. . .

И собесѣдники еще разъ помолчали. Пароходъ дрожаль, шель; мѣрно возникаль и стихаль мягкій шумъ сонной волны, проносившейся вдоль борта; быстро, однообразно крутилась за однообразно шумящей кормой бичева лага, что-то порою отмѣчавшаго тонкимъ и таинственнымъ звономъ: дзиннь. . . Потомъ пассажиръ съ прямыми плечами спросиль:

— Ну, а скажите. . . Что вы чувствовали, когда узнали о ея смерти? Тоже ничего?

— Да, почти ничего, — отвѣтилъ пассажиръ подъ пледомъ. — Больше всего нѣкоторое удивленіе своему безчувствію. Развернулъ утромъ газету — слегка ударило въ глаза: волею Божіею, такая-то. . . Съ непривычки очень странно видѣть имя знакомаго, близкаго въ этой черной рамѣ, на этомъ роковомъ мѣстѣ газеты, напечатанное торжественно, крупнымъ шрифтомъ. . . Затѣмъ постарался загрузить: да, моль, и это та самая, которая. . . Но —

Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ
смерти вѣсть

И равнодушно я внималъ ей. . .

Даже и грусти не вышло. Такъ только, слабая жалость какая-то. . . А вѣдь это была та самая, которую «вспомнила душа моя», была моя первая и такая жестокая,

многолѣтняя любовь. Я узналъ ее въ пору ея наивысшей прелести, невинности и той почти отроческой до-вѣрчивости и робости, которая потрясаетъ сердце мужчины несказанно, потому, можетъ быть, что во всякой женственности должна быть эта до-вѣрчивая безпомощность, что-то дѣтское, знакъ того, что дѣвушка, женщина всегда таитъ въ себѣ будущее дитя. И вѣдь это мнѣ первому, въ какомъ-то божественномъ блаженствѣ и ужасѣ, отдала она истинно все, что даровалъ ей Богъ, и вѣдь это ея дѣвичье тѣло, то-есть самое прекрасное, что есть въ мірѣ, истинно милліоны разъ цѣловалъ я въ такомъ изступленіи, равнаго которому не было во всей моей жизни. И вѣдь это изъ-за нея сходилъ я съ ума буквально день и ночь, цѣлые годы. Изъ-за нея плакалъ, рвалъ на себѣ волосы, покушался на самоубійство, пилъ, загонялъ лихачей, въ ярости уничтожалъ свои лучшія, цѣннѣйшія, можетъ быть, работы. . . Но вотъ прошло двадцать лѣтъ — и я тупо смотрю на ея имя въ траурной рамкѣ, тупо представляю себѣ ее въ гробу. . . Представленіе непріятное, но и только. Увѣрю васъ, что только. Да и вы теперь, — теперь, конечно, — развѣ вы что-нибудь чувствуете?

— Я? Да нѣтъ, что-жъ скрывать? Конечно, почти ничего. . .

Пароходъ шель; съ шипѣніемъ возникала впереди волна за волной, съ плескомъ проносилась мимо, однообразно шумѣла и кипѣла блѣдно-снѣжная дорога, тянувшаяся за кормой. Дуль сладкій вѣтеръ, звѣздный узоръ неподвижно стоялъ въ вышинѣ, надъ черной трубой, надъ снастями, надъ тонкимъ остриемъ передней мачты. . .

— Но знаете что? — внезапно сказалъ первый пассажиръ, какъ бы очнувшись: — знаете, что главное? Это то, что я никакъ не могъ связать ее, умершую. съ той другой, о которой я вамъ только что говорилъ. Ну никакъ. Совершенно никакъ. Та, другая, была совсѣмъ особо. И сказать, что я ровно ничего не чувствовалъ къ ней, къ той, другой, — совершенная ложь. Такъ что я не точно говорилъ. Совсѣмъ не то и не такъ.

Второй подумалъ.

— Ну и что же? — спросилъ онъ.

— А то, что почти весь нашъ разговоръ идетъ на смарку.

— Охъ, на смарку-ли? — сказалъ пассажиръ съ прямыми плечами. — Та, другая, какъ вы выражаетесь, есть просто вы, ваши представленія, ваши чувства, ну, словомъ, что-то ваше. И значить, трогали. волновали вы себя только самимъ собой. Разберитесь-ка хорошенько.

— Вы думаете? — Не знаю. Можетъ быть... Да, можетъ быть...

— Да и долго-ли вы волновались и самимъ-то собой? Десять минутъ. Ну, полчаса. Ну, день, наконецъ.

— Да, да. Ужасно, но, кажется, вы правы. И гдѣ она теперь? Вотъ тамъ, въ этомъ прелестномъ небѣ?

— Одинъ Аллахъ вѣдаетъ, другъ мой. Скорѣе всего, что нигдѣ.

— Вы думаете? Да, да... Скорѣе всего, что такъ...

Равнина открытаго моря почти чернымъ кругомъ лежала подъ легкимъ и свѣтлымъ куполомъ ночного неба. И затерянный въ этой круглой чернѣющей равнинѣ, маленькій пароходъ тупо и неуклонно держалъ

свой путь. И безъ конца тянулась за нимъ сонно кипящая, блѣдно-млечная дорога — туда, въ даль, гдѣ ночное небо сливалось съ моремъ, гдѣ горизонтъ, въ силу противоположности съ этой млечностью, казался темнымъ, печальнымъ. И крутилась, крутилась бичева лага и печально и таинственно что-то отмѣчала, отсѣкала порою тонкій звонъ: дзи-инь. . .

Помолчавъ еще нѣкоторое время, собесѣдники негромко и просто сказали другъ другу:

— Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Приморскія Альпы, 18. VII. 23.

ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ

Бумажная лента медленно течетъ съ аппарата возлѣ мерзлаго окна станціонной комнаты — и буква за буквой читаетъ Ивлевъ полныя чудеснаго смысла слова:

— Иванъ Сергѣевичъ женится на Святкахъ на племянницѣ лошади высланы. . .

Телеграфистъ, черезъ плечо котораго онъ читаетъ, странно кричить, что это служебная тайна, что это псковская повѣсть Пушкина, но Ивлевъ видитъ себя уже въ дорогѣ въ глухой Россіи, глубокой зимой.

Онъ видитъ, что вечерѣетъ, что къ вечеру морозитъ, говоритъ себѣ, что такой снѣжной зимы никто не запомнитъ со временъ Бориса Годунова. И Годуновъ даетъ этому зимнему русскому вечеру, снѣжнымъ полямъ и лѣсамъ что-то дикое и сумрачное, угрожающее. Но въ саняхъ, среди прочихъ московскихъ покупокъ къ свадьбѣ и къ празднику, лежатъ удивительныя шведскія лыжи, купленныя племянницей въ Москвѣ. И это радуется, общается что-то такое, отъ чего замираетъ сердце. И тройка идетъ увѣренно и быстро.

Сани ковровые, богатые. Кучеръ, въ шапкѣ подъ боберъ, въ свитѣ, подпоясанной ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ, стоитъ въ козлахъ. Въ задкѣ-же сидятъ двѣ неподвижныя и толстыя отъ шубъ и шалей

фигуры: крѣпкая старуха и ея черноглазая, румяная племянница. Обѣ, какъ и все въ саняхъ, засыпаны снѣжной пылью. Обѣ пристально смотрятъ впередъ, на спину кучера, на скачущіе крупы пристяжныхъ, на мелькающія въ комьяхъ снѣга подковы.

Вотъ выбрались на шоссе, пристяжные бѣгутъ легче, не натягивая постромокъ. И вдали уже видно жилье, деревня, стоятъ сосновые угрюмые лѣса, густые, обмороженные.

Неожиданно старуха говоритъ громкимъ и твердымъ голосомъ:

— Ну, вотъ, слава Богу, и дома. Не чаяла изъ вашей Москвы выбраться. А тутъ сразу двадцать лѣтъ съ плечъ долой, не наглажусь, не нарадуюсь. Завтра же дамъ знать Ивану Сергѣичу, не хочется больше тянуть съ вашей свадьбой. Слышишь?

— Воля ваша, тетя, я на все согласна, — звонко отвѣчаетъ племянница съ притворнымъ веселымъ простодушіемъ.

А тройка шибко идетъ уже черезъ деревню, надъ избами и сугробами которой темнѣютъ сосны, посѣрѣвшія съ морозу. А за деревней, совсѣмъ въ лѣсу, видна усадьба: большой снѣжный дворъ, большой и низкій деревянный домъ. Сумерки, глухо, огней еще не зажигали. И кучеръ, сдерживая лошадей, широкимъ полукругомъ подкатываетъ къ крыльцу.

Съ трудомъ, бѣлая отъ снѣжной пыли, вылѣзаютъ изъ саней, поднимаются на ступеньки, входятъ въ просторную и теплую прихожую, уютно усталную попонами, почти совсѣмъ темную. Выбѣгаетъ изъ заднихъ горницъ суетливая старушонка въ шерстяныхъ чулкахъ, кланяется, радуется, помогаетъ раздѣваться.

Раскутываютъ шали, освобождаются отъ пахучихъ снѣжныхъ шубъ. Племянница раздѣвается чѣмъ дальше, тѣмъ все живѣй и веселѣй, неожиданно оказывается тонкой, гибкой, ловко присаживается на старинный ларь возлѣ окна и быстро снимаетъ городскіе сѣрые ботинки, показывая ногу до колѣна, до кружева панталонъ, и выжидательно глядя черными глазами на тетку, раздѣвающуюся сильными движеніями, но медленно, съ тяжелымъ дыханіемъ.

И вдругъ происходитъ то самое, страшное приближеніе чего уже давно предчувствовалось: тетка роняетъ поднятыя руки, слабо и сладко вскрикиваетъ — и опускается, опускается на полъ. Старушонка подхватываетъ ее подъ мышки, но не осиливаетъ тяжести и дико кричитъ:

— Барышня!

А въ окно виденъ снѣжный дворъ, за нимъ, среди лѣса, блестящее снѣжное поле: изъ-за поля глядитъ, свѣтитъ низкій лысый мѣсяцъ. И нѣтъ уже ни старушонки, ни тетки, есть только эта картина въ окнѣ и темная прихожая, есть только радостный ужасъ этой темноты и отсутствія уже всякихъ преградъ между Ивлевымъ и той, что будто бы должна была быть невѣстой какого-то Ивана Сергѣевича, — есть одинъ дивный блескъ черныхъ глазъ, вдругъ вплотную приблизившихся къ нему, есть быстрая жуткая мысль, какъ снимала она на ларѣ ботинкъ, и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ то самое блаженство, отъ котораго слабо и сладко вскрикнула тетка, опускаясь въ предсмертной истомѣ на полъ. . .

Весь слѣдующій день Ивлевъ полонъ неотступнымъ чувствомъ влюбленности. Тайна того, что произошло

въ какой-то старинной деревенской усадьбѣ, стоитъ за всѣмъ, что онъ дѣлаетъ, думаетъ, говоритъ, читаетъ. И влюбленность эта во сто кратъ острѣе даже всего того, что онъ когда-либо испытывалъ въ пору самой ранней молодости. И въ глубинѣ души онъ твердо знаетъ, что никакой разумъ никогда не убѣдитъ его, будто нѣтъ и не было въ мірѣ этой черноглазой племянницы и будто такъ и не узнаетъ она, какимъ мучительнымъ и счастливымъ воспоминаніемъ, — ихъ общимъ воспоминаніемъ, — одержимъ онъ весь день.

Приморскія Альпы, 12. VII. 23.

ОГНЬ ПОЖИРАЮЩИЙ

Это была высокая красивая женщина съ яснымъ и живымъ умомъ, съ бодрымъ, дѣятельнымъ характеромъ, молодая, здоровая, всячески счастливая, всячески одаренная судьбой. Какъ памятны мнѣ ея блестящіе орѣховые волосы, ея открытый и привѣтливый взглядъ, чистый звукъ голоса, породистая тонкость рукъ и ногъ, казавшихся особенно плѣнительными при ея крупномъ сложеніи, и даже ея любимая накидка изъ гранатоваго бархата, отороченная соболемъ! Съ какимъ удовольствіемъ входилъ я всегда во дворъ ея стариннаго особняка въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ! И вотъ какъ-то за чаемъ, на который она приглашала насъ каждую среду, среди оживленнаго и безпредметнаго разговора, кто-то почему-то вспомнилъ старика В., извѣстнаго собирателя фарфора, старомоднаго богача и ѣдкаго причудника, умершаго въ прошломъ году и завѣщавшаго себя сжечь, пожелавшаго, какъ онъ выразился, «быть тотчасъ-же послѣ смерти свергнутымъ въ печь огненную, въ огонь пожирающій, безъ всякой впрочемъ претензіи на роль Феникса.» Народу въ гостиной было довольно много и почти всѣ при этомъ воспоминаніи возмущались. Непри-

ятный былъ человекъ, неприятное остроуміе! Дамы зябко содрогнулись въ своихъ мѣхахъ, мужчины съ усмѣшкой покачали головами. Хозяинъ сказалъ:

— Да, это очень чисто и скоро, эта печь огненная, но все таки не желалъ бы я попасть въ нее. Ужъ очень жарко. Мнѣ даже и участь Феникса не кажется завидной.

Всѣ засмѣялись, кто-то прибавилъ:

— Такъ-же, какъ мнѣ участь тѣхъ трехъ отроковъ, что въ печи огненной пѣли хвалы Господу!

А еще кто-то подхватилъ:

— Тѣмъ болѣе, что вы уже далеко не въ отроческомъ возрастѣ. . .

И вдругъ хозяйка, возвысивъ голосъ, произнесла съ неожиданной отчетливостью:

— А я какъ нельзя болѣе понимаю В., хотя тоже не одобряю остротъ въ его завѣщаніи, и пользуюсь случаемъ заявить при всѣхъ здѣсь присутствующихъ свою непреклонную посмертную волю, которая, какъ извѣстно, священна и неоспорима: послѣ моей смерти я тоже должна быть сожжена. Да, сожжена.

И настойчиво повторила, отстраняя попытки перевести разговоръ опять на шутки:

— Нѣтъ, я еще разъ и совершенно серьезно говорю, отлично понимая всю неумѣстность подобныхъ бесѣдъ въ гостиной: я этого требую, это должно быть исполнено во что бы то ни стало, не взирая ни на какіе могущіе быть протесты со стороны моихъ родныхъ и близкихъ.

— Да что съ тобой? — сказалъ хозяинъ. — Изъ всей твоей рѣчи мнѣ понравилось только твое замѣча-

нїе на счетъ странности такой гостинной бесѣды. Какая муха тебя укусила?

— Никакая не муха, а просто я воспользовалась случаемъ, тѣмъ, что заговорили объ этомъ, — отвѣтила она. — Сколько уже разъ собиралась я завѣщать это письменно и все какъ-то забываю, откладываю. А мало ли что можетъ быть? Представь себѣ, что я нынче внезапно умру, — что тутъ невѣроятнаго?

А ровно черезъ недѣлю послѣ того именно это и случилось — она умерла, даже не успѣвъ крикнуть, передъ самымъ выѣздомъ въ театръ: уже шла по вестибюлю къ выходу и вдругъ со странной улыбкой схватилась за руку сопровождавшаго ее лакея — и тотъ едва успѣлъ поддержать ее. Я узналъ эту совершенно дикую по неожиданности новость отъ знакомаго на улицѣ и почему-то съ необыкновенной поспѣшностью пошелъ домой, простясь съ нимъ. Мнѣ показалось, что тотчасъ-же надо сдѣлать что-то рѣшительное, чѣмъ-то рѣзко проявить себя. Но дома моей изобрѣтательности хватило только на то, чтобы торопливо набить трубку, торопливо закурить, сѣсть въ кресло. . . Была весна, конецъ марта, Парижъ празднично сіялъ, кипѣлъ жизнью. У насъ въ Пасси цвѣли и зеленѣли сады. По потолку надо мной топали, бѣгали дѣти, кто-то все начиналъ играть на піанино что-то шутовское, милое. Въ открытое окно входила весенняя свѣжесть и глядѣла верхушка стараго черного дерева, широко раскинувшаго узоръ своей мелкой изумрудно-яркой зелени, особенно прелестной въ силу противоположности съ черной сѣтью сучьевъ. Тамъ, за окномъ, сыпали веселымъ трескомъ воробьи, поминутно заливалась сладкими трелями какая-то птичка, а

наверху топали и играли, и все это сливалось съ непрерывнымъ смутнымъ шумомъ города, съ дальнимъ гуломъ трамваевъ, съ рожками автомобилей, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ такъ беззаботно при всей своей озабоченности жилъ весенній Парижъ. . . А на другой день, въ третьемъ часу, автомобиль мчалъ меня черезъ весь городъ уже на кладбище Пэръ-Ляшезъ: волю покойной не рѣшили нарушить, тѣло ея сжигали.

Бдучи, я думалъ все то-же: какая изумительная случайность! Точно самъ злой духъ внезапно шепнулъ ей тогда, что минуты ея сочтены. И нужно же было кому-то ни съ того ни съ сего вспомнить этого стараго циника! И какъ представить себѣ, какъ повѣрить въ то, что черезъ какой-нибудь часъ ея случайное и ужасное завѣщаніе все таки осуществится и не останется ровно ничего даже отъ ея тѣла? И я не представлялъ, не вѣрилъ, я смотрѣлъ по сторонамъ, и меня быстро уносило впередъ навстрѣчу весеннему вѣтру и солнцу. Но, смотря, все думалъ: да, вотъ весенній вѣтеръ, а ея уже нѣтъ! Вотъ солнечный блескъ и Сена, а она этого уже не видитъ и не увидитъ никогда! Вотъ я съ какой-то кощунственно-веселой быстротой мчусь по ея родному и любимому городу и втайнѣ все-таки наслаждаюсь, а она изъ этого города да и вообще изъ всего нашего міра уже исчезла! Потомъ вдругъ вспоминалъ, что тамъ нельзя будетъ курить, и поспѣшно закуривалъ и опять думалъ свои путанныя думы, странно согласованныя съ быстрымъ бѣгомъ автомобиля и мельканіемъ праздничнаго, солнечнаго, люднаго Парижа.

И вотъ этотъ бѣгъ кончился. Предо мной были ворота и стѣны другого города, поднятаго на возвышен-

ность, какъ бы нѣкая крѣпость, ярко и мертво глядящая изъ-за стѣнъ цѣлыми полчищами мраморныхъ и желѣзныхъ крестовъ, мавзолеевъ, часовенъ, статуй, ангеловъ, геніевъ. Я вышелъ изъ машины и вошелъ въ эти роковыя ворота. Подъѣхали мы не съ той стороны, съ какой было нужно, и мнѣ пришлось пересѣчь все кладбище изъ конца въ конецъ, пройти многочисленныя проспекты и аллеи, цѣлые бульвары и улицы. Тутъ мысли мои опять спасительно отвлеклись на нѣкоторое время отъ ужасной цѣли моей поѣздки. Я шелъ и смотрѣлъ: какая музейная чистота въ этомъ городѣ, какой порядокъ! И что за день, что за красота! Сколько ослѣпительной бѣлизны, во всяческихъ видахъ сверкающей въ небесной сини, среди еще сквозной черноты деревьевъ, осыпанной изумрудными мушками! Сколько пышныхъ живыхъ цвѣтовъ на куртинахъ, у подножія крестовъ и бюстовъ, на мраморныхъ и гранитныхъ плитахъ и у входа склеповъ! И какимъ-то особымъ родомъ людей кажутся здѣсь всѣ встрѣчныя. Всѣ эти мужчины и женщины, то стоящіе у могилъ съ поникшими головами, то просто мирно гуляющіе. Всѣ сдержанны, всѣ какъ-то по иному, чѣмъ въ будничной жизни, скромны и просты, какъ-то иначе раскланиваются съ знакомыми. . . Это городъ великой печали и великаго отчаянія, — подумать только, какіе милліоны уже легли здѣсь и еще лягутъ! Но удивительно, — какая-то благостная, душу умиротворяющая радость все таки витаетъ здѣсь надо всѣмъ. Радость чего? Весны, неба, первой зелени, мрамора? Вѣчной молодости міра, вѣчно воскресающей жизни? Или же и впрямь той жизни небесной, въ которую сердце невольно и наивно вѣрить или жаждетъ вѣрить здѣсь?

И вдругъ я поднялъ глаза: на широкой площади, внезапно открывшейся передо мной, высилось нѣчто въ родѣ храма или, вѣрнѣе, капища съ совершенно круглымъ куполомъ, двѣ высокихъ заводскихъ трубы, — именно заводскихъ, голыхъ, кирпичныхъ, — поднимались въ небо по сторонамъ этого купола — и изъ одной черными клубами валилъ дымъ. Уже! Я опоздалъ, ее уже жгли! Это изъ той адской подземной печи, куда уже вдвинули гробъ съ ея тѣломъ, валилъ этотъ страшный, молчаливый дымъ, такой особенный, такой не похожій ни на одинъ дымъ въ мірѣ!

Странно, — меня, кажется, больше всего поразила именно грубая молчаливость, неторопливая, спокойная безпощадность, съ которой валилъ дымъ. И такое же глубокое молчаніе царило и внутри этого капища. Какъ окаменѣлые, сидѣли мы въ его большой полукруглой залѣ на длинныхъ деревянныхъ скамьяхъ. Народу было мало — у однихъ не хватило духу присутствовать при такомъ необычномъ и жуткомъ обрядѣ, другіе были возмущены покойной, можетъ быть, и нечаянно, невольно, но все-же дерзко поправшей уставы того общества, къ которому она принадлежала по своему древнему и благочестивому роду. На передней скамьѣ сидѣли мужъ и нѣсколько самыхъ близкихъ родныхъ — мужчины всѣ въ черномъ и съ креповыми цилиндрами на колѣняхъ, женщины въ глубокомъ траурѣ. Мы, просто знакомые, несмѣло помѣстились на скамьѣ задней. И спины всѣхъ сидящихъ передъ нами были согнуты, какъ бы подавлены той невыразимой тишиной, въ которой длилось наше ожиданіе ужасныхъ итоговъ этой ужаснѣйшей въ мірѣ церемоніи. Церемонія совершалась гдѣ-то тамъ, за траур-

нымъ занавѣсомъ, который висѣлъ въ глубинѣ залы, закрывая нѣчто вродѣ театральной сцены. И зачѣмъ-то между его сдвинутыми черными полотнищами торчало булофорское подобіе золоченаго гроба. А на мраморныхъ колоннахъ по сторонамъ этихъ полотнищъ пучили глаза изваянныя совы. Кромѣ траурнаго занавѣса, гроба и совъ ничто иное не обозначало зловѣщаго назначенія этой пустой залы съ окнами чуть не во всю стѣну. Помню, — окна справа были сверху до низу залиты солнечнымъ свѣтомъ. И мертвая тишина, въ которой мы сидѣли и ждали, казалась отъ этого свѣта еще болѣе гнетущей.

Сколько времени мы сидѣли? По крайней мѣрѣ часъ, которому, казалось, конца не будетъ. И что это такое было то, гдѣ сидѣли мы? Храмъ, театр? Нѣчто вродѣ присутственнаго мѣста или какого-то верховнаго судилища, гдѣ совершается что-то самое послѣднее и самое жестокое надъ человѣкомъ? Какая-то особенно важная научная лабораторія или какой-то адскій притонъ? Мы не знали, что это такое, мы покорно сидѣли, затаивъ дыханіе, не рѣшаясь шевельнуться. Бога здѣсь не было и существованіе и символы Его здѣсь отрицались. Совы пучили слѣпые глаза только съ бессмысленнымъ удивленіемъ, трауръ занавѣса говорилъ только о смерти. А я сидѣлъ и мысленно видѣлъ этотъ густой черный дымъ, медленно валившій изъ трубы въ небо надъ нами, и въ небѣ мнѣ все таки грезился Нѣкто безмѣрный, широко простершій длани и молчаливо приѣмлющій и обоняющій жертву, приносимую ему. И такъ прошло двадцать, тридцать, сорокъ минутъ. . . Зачѣмъ-то заглядывалъ во входную дверь какой-то сутулый старикъ въ траурной ливрѣ,

очень серьезно осматривалъ насъ и опять осторожно притворялъ дверь. . . Потомъ дверь снова распахнулась, и быстро, но тихо вошелъ щеголеватый молодой человекъ въ траурномъ галстукѣ бантикомъ, быстро, но на цыпочкахъ прошелъ черезъ залу, легонько вбѣжалъ по ступенькамъ къ занавѣсу и, раздвинувъ его черныя полотнища, скрылся за ними. . . И опять мы сидѣли и, не шевелясь, ждали, ждали. . . Гдѣ ее жгли? Тамъ, гдѣ-то за занавѣсомъ, гдѣ-то въ глубокомъ подземельѣ, гдѣ слѣпила и полыхала съ невообразимой силой и яростью истинно геена огненная. Эта геена, этотъ огонь пожирающій долженъ дѣйствовать съ быстротой всесокрушающей. Но почему-же все это длится такъ нестерпимо долго? — И вдругъ за занавѣсомъ послышались громкіе, какъ бы наконецъ все разрѣшающіе шаги, занавѣсъ раздвинулся — и молодой человекъ, появившійся на сценѣ, молча сдѣлалъ намъ широкій пригласительный жестъ.

Зачѣмъ я пошелъ! А я все таки пошелъ. Мгновенно все во мнѣ крѣпко подтянулось, и я быстро и мужественно всталъ, прошелъ между скамьями, поднялся на сцену и, слѣдуя за другими, повернулъ въ дверь лѣво, въ какую-то большую комнату съ голыми стѣнами и безъ оконъ, освѣщенную откуда-то электричествомъ. Въ глубинѣ ея былъ какой-то желѣзный кубъ съ дверцами, теперь широко открытыми. Изъ внутренности этого куба, — онъ былъ бездонный, — тянулся въ комнату двѣ рельсы. И по этимъ рельсамъ два сторожа въ траурныхъ мундирахъ, два приземистыхъ человека изъ той отпѣтой породы, что опредѣляютъ себя на мрачное и низкое существованіе при моргахъ и анатомическихъ театрахъ, тащили желѣзными крю-

ками какъ бы крышку стола, прямоугольникъ изъ асбеста, насквозь розовый, насквозь свѣтящійся, раскаленный до прозрачности. И тѣ прозрачно-розовые, идѣ горящіе ярко-синимъ огонькомъ известковые бугры и возвышенности, что были на этомъ прямоугольникѣ, это и были скудные останки нашего друга, всего ея божественнаго тѣла, еще позавчера жившаго всей полнотой и силой жизни. Больше ничего! Чувствуя на лицахъ и рукахъ палящій зной отъ этой адской сковороды, мы стояли и тупо глядѣли. Асбестъ рдѣлъ, змѣлся лазурными огоньками. . . Потомъ сталъ медленно блѣднѣть, блекнуть, приобрѣтать свѣтло-песочный цвѣтъ. . . И тогда я среди его неровностей различилъ то, что осталось отъ головы, отъ наиболѣе крупныхъ костей, отъ таза. . . и еще разъ весь содрогнулся отъ грубости и жестокости всего этого дѣла и, главное, отъ кощунственнаго безстыдства, съ которымъ мнѣ показали что-то такое, чего никому въ мірѣ не должно видѣть. . .

А затѣмъ все было кончено въ пять минутъ: быстро соскребли желѣзными лопаточками эти неровности, кое-что похватили щипцами, побросали все собранное въ мраморный ящичекъ, замазали его крышку цементомъ и, положивъ на небольшія носилки и прикрывъ траурнымъ покрываломъ, быстро понесли вонъ. Мы, съ опущенными и обнаженными головами, послѣдовали за носилками, видѣли, какъ быстро вдвинули ящичекъ въ нишу въ той высокой стѣнѣ, которая съ трехъ сторонъ окружаетъ крематорій, какъ затѣмъ эту нишу замуровали, запечатали. . . Несчастный мужъ смотрѣлъ на всю эту работу съ необыкновенной пристальностью. Потомъ, рѣзко поблѣднѣвъ и принявъ теат-

равно-торжественный видъ, отступилъ въ сторону для приѣма того послѣдняго рукопожатія, которое онъ, по французскому обычаю, долженъ былъ принять поочередно ото всѣхъ своихъ друзей. И, быстро и молча исполнивъ этотъ обычай, мы тотчасъ же почти разбѣжались въ разныя стороны, разлетѣлись по разнымъ направленіямъ въ вечернюю, залитый уже зелено-вато-золотистымъ солнцемъ океанъ Парижа. . .

Мой шофферъ, человекъ грузный и короткорукій, былъ пьянъ, его лицо было густо налито лиловой кровью. И теперь онъ мчался уже совсѣмъ бѣшено, и его автомобиль поминутно ревѣлъ на бѣгу съ какой-то свирѣпой наглостью и угрозой.

Приморскія Альпы, 1. X. 23.

НЕСРОЧНАЯ ВЕСНА

... А еще, другъ мой, произошло въ моей жизни цѣлое событіе: въ іюнѣ я ѣздилъ въ деревню въ провинцію (къ одному изъ моихъ знакомыхъ). Я, конечно, еще помню, что когда-то подобныя поѣздки никакъ не могли считаться событіями. Полагаю, что не считаются онѣ таковыми у васъ въ Европѣ и по сію пору. Да мало-ли что было у насъ когда-то и что въ Европѣ еще есть! Двѣсти, триста верстъ у насъ не шутка. Разстоянія въ Россіи, опять превратившейся въ Московщину, опять стали огромными. Да и не часто путешествуютъ нынѣшніе московскіе людишки. Конечно, теперь у насъ всяческихъ вольностей хоть отбавляй. Но не забудь, что всѣ эти вольности, до которыхъ мы и дожить не чаяли, начались еще слишкомъ недавно.

Словомъ, случилось нѣчто необычное, много лѣтъ мною не испытанное: въ одинъ прекрасный день я взялъ извозчика и отправился на вокзалъ. Ты какъ-то мнѣ писалъ, что теперешняя Москва представляется тебѣ даже внѣшне «нестерпимой». Да, она очень противна. И ѣдучи на вокзалъ на извозникѣ, вродѣ тѣхъ, что бывали прежде только въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ и брали за конецъ не милліардъ, а двугри-

венный, я, возбужденный необычностью своего положенія, ролью путешественника, чувствовалъ это особенно живо. Какое азіатское многолюдство! Сколько торговли уличной, съ лотковъ, на всяческихъ толкучкахъ и «пупкахъ», выражаясь тѣмъ подлымъ языкомъ, который все болѣе входитъ у насъ въ моду! Сколько погибшихъ домовъ! Какъ ухабисты мостовыя и разрослись уцѣлѣвшія деревья! На площадяхъ передъ вокзалами тоже «пупки», вѣчная купля и продажа, сбродъ самой низкой черни, барышниковъ, воровъ, уличныхъ дѣвокъ, продавцовъ всяческой съвѣстной дряни. На вокзалахъ опять есть и буфеты и залы разныхъ классовъ, но все это еще и до сихъ поръ сарай, вагаженные совершенно безнадежно. И народу всегда — не протолпишься: повѣзда рѣдки, получить билетъ изъ-за безпорядка и всяческихъ волокитъ дѣло очень трудное, а попасть въ вагонъ, тоже, конечно, захолустный, съ рыжими отъ ржавчины колесами, настоящій подвигъ. Многіе забираются на вокзалъ наканунѣ отъѣзда, съ вечера.

Я пріѣхалъ за два часа до повѣзда и чуть было не заплатился за свою смѣлость, чуть было не остался безъ билета. Однако кое-какъ (то есть, конечно за взятку) дѣло устроилось, и я и билетъ получилъ, и въ вагонъ попалъ, и даже усѣлся на лавкѣ, а не на полу. И вотъ повѣздъ тронулся, и осталась Москва позади и пошли давнымъ давно невидѣнные мною поля, лѣса, деревни, гдѣ, какъ и въ Москвѣ, начались опять глубочайшія будни послѣ того разгульнаго праздничка, которымъ потѣшила себя Русь за такую баснословную цѣну. И вскорѣ стали заводить глаза, заваливать головы назадъ и храпѣть съ открытымъ ртомъ почти

всѣ, набившіеся въ вагонъ. Напротивъ меня сидѣлъ русый мужикъ, большой, самоувѣренный. Сперва онъ курилъ и все плевалъ на полъ, со скрипомъ растирая носкомъ сапога. Потомъ досталъ изъ кармана поддевки бутылку съ молокомъ и сталъ пить затыжными глотками, отрываясь только затѣмъ, чтобы не задохнуться. А допивъ, тоже откинулся назадъ, привалился къ стѣнѣ и тоже захрапѣлъ, и меня буквально стало сводить съ ума зловоніе, поплывшее отъ него. И, не выдержавъ, я бросилъ мѣсто и ушелъ стоять въ сѣни. А въ сѣняхъ оказался знакомый, котораго я не видѣлъ уже года четыре: стоитъ, качается отъ качки вагона извѣстный Б., бывший профессоръ, бывший богатый человекъ. Едва узналъ его: совсѣмъ старикъ и что-то вродѣ странника по святымъ мѣстамъ. Обувь, пальтишко, шляпа — нѣчто ужасное, даже хуже всего того, въ чемъ я хожу. Не бритъ сто лѣтъ, сѣрые волосы лежатъ по плечамъ, въ рукѣ дерюжный мѣшокъ, на полу у ногъ другой. «Возвращаюсь, говорить, домой, въ деревню; тамъ мнѣ дали надѣлъ при моемъ бывшемъ имѣніи, и я, знаете, живу теперь такъ же, какъ тотъ опростившійся москвичъ, къ которому вы ѣдете, то есть кормлюсь трудами рукъ своихъ; свободное время посвящаю, однако, прежнему — своему большому историческому труду, который, думаю, можетъ создать эпоху въ наукѣ. . .» Солнце серебрянымъ дискомъ несло уже низко за стволами, за лѣсомъ. И черезъ полчаса создатель эпохи сошелъ на своемъ глухомъ полустанкѣ — и заковылялъ, заковылялъ со своими мѣшками по зеленой березовой просѣкѣ, по холодку вечерней зари.

А я пріѣхалъ, куда мнѣ было нужно, уже совсѣмъ

въ сумерки, въ одиннадцатомъ часу. И такъ какъ поѣздъ опоздалъ, то мужикъ, выѣзжавшій за мной, подождаль, подождаль да и отправился во-свояси, и я попалъ въ самое нелѣпное положеніе. Что дѣлать? Ночевать на станціи? Но станцію на ночь запираютъ, да если бы и не запирали, дивановъ, скамеекъ въ ней нѣтъ, — «теперь, братъ, господъ нѣту!» — ночевать же на полу даже и совѣтскимъ подданнымъ не всегда пріятно. Нанять въ поселкѣ возлѣ станціи какого-нибудь другого мужика? Но это теперь стало дѣломъ почти невозможнымъ. У дверей вокзала сидѣлъ мужикъ, пришедшій къ ночному поѣзду на Москву, печальный и безучастный. Поговорилъ съ нимъ. Онъ только рукой махнулъ. «Кто теперь поѣдетъ! Лошадь рѣдкость, вся снасть сбита. . . Станъ колесъ — два милліарда, выговорить страшно. . .» Я спросилъ: а если пѣшкомъ? — «А вамъ далеко?» — Туда-то. — «Ну, это верстъ двадцать, не болѣ. . . Дойдете.» — Да вѣдь говорю, по лѣсу да еще пѣшкомъ? — «Что-жъ что по лѣсу. . . Дойдете. . .» Но тутъ-же разсказаль, какъ весной два какихъ-то «человѣчкя» наняли такъ-то «мужичкя» въ ихнемъ селѣ да и пропали вмѣстѣ съ нимъ: «Ни ихъ, ни его, ни лошади, ни снасти. . . Такъ и неизвѣстно, кто кого растерзалъ — они его или онъ ихъ. . . Нѣтъ, теперь не прежняя время!»

Разумѣется, послѣ такого разсказа у меня пропала уже всякая охота пытаться ѣхать ночью. Рѣшилъ дожидаться утра и просить ночлега въ трактирахъ возлѣ станціи, — «ихъ тутъ цѣлыхъ два», сказалъ мужикъ. Но оказалось невозможнымъ ночевать и въ трактирахъ, — не пустили. «Вотъ чайку, если угодно, пожалуйста, — сказали въ одномъ. — Чай мы подаваемъ...»

Долго пилъ чай, то есть какую-то тошнотворную распаренную травку, въ еле освѣщенной горницѣ. Потомъ говорю: «Позвольте хоть на крыльцѣ досидѣть до утра.» — «Да на крыльцѣ вамъ будетъ неудобно. . .» — «Все удобнѣе, чѣмъ на дорогѣ.» — «А вы безоружный?» — «Обыщите, сдѣлайте милость!» — И вывернулъ всѣ карманы, разстегнулся. — «Ну, какъ хотите, на крыльцѣ пожалуй можно, а то и правда, въ избу васъ никуда не пустять, да ужъ и спать всѣ. . .» И я вышелъ и сѣлъ на крыльцѣ, и скоро огонь въ трактирѣ погасъ, — въ сосѣднемъ давно было темно, — и наступила ночь, сонъ, тишина. . . Ахъ, какъ долга была эта ночь! На небѣ вдали, за чернѣющимъ лѣсомъ, закатывался замазанный лунный серпъ. Потомъ и онъ скрылся, стала на томъ мѣстѣ поблескивать зарница. . . Я сидѣлъ, шагаль передъ крыльцомъ по смутно бѣлѣющей дорогѣ, опять сидѣлъ, курилъ на пустой желудокъ махорку. . . Во второмъ часу по дорогѣ слышался переливъ колесныхъ спиць, толканье ступокъ на осяхъ — и немного погодя къ сосѣднему трактиру кто-то подѣхалъ, остановился, сталъ стучать въ окно какимъ-то воровскимъ, условнымъ стукомъ. Изъ сѣней сперва выглянулъ, потомъ осторожно вышелъ хозяинъ, босой лохматый старикъ, тотъ самый, что вечеромъ отказалъ мнѣ въ ночлегѣ съ удивительно злобой грубостью, — и началось что-то таинственное: безконечное тасканье изъ сѣней чего-то вродѣ овчинъ и укладыванье ихъ въ телѣгу приѣзжаго, и все это при блескѣ зарницъ, которыя все ярче озаряли лѣсъ, избы, дорогу. Дулъ уже свѣжій вѣтеръ и вдали угрожающе постукивалъ громъ. А я сидѣлъ и любовался. Помнишь ночныя грозы въ Васильевскомъ? Помнишь,

какъ боялся ихъ весь нашъ домъ? Представь, я теперь лишился этого страха. И въ ту ночь на крыльцѣ трактира я только восхищался этой сухой, ничѣмъ не разрѣшившейся грозой. Подъ конецъ я однако ужасно усталъ отъ своего бдѣнія. Да и духомъ палъ: какъ идти двадцать верстъ послѣ безсонной ночи?

Но на разсвѣтѣ, когда тучки за лѣсомъ стали блѣднѣть, рѣдѣть и все вокругъ стало принимать дневной, будничный видъ, мнѣ неожиданно посчастливилось. Мимо трактира пронеслась на станцію коляска, — привезла къ поѣзду въ Москву комиссара, управляющаго бывшимъ имѣніемъ князей Д., находящимся какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и нужно мнѣ было быть. Это мнѣ сказала проснувшаяся и выглянувшая изъ окна хозяйка трактира, и, когда кучеръ выѣхалъ со станціи обратно, я кинулся къ нему навстрѣчу, и онъ даже съ какой-то странной поспѣшностью согласился подвезти меня. Человѣкъ оказался очаровательный, — дѣтски наивный гигантъ, всю дорогу говорившій о самыхъ ужасныхъ вещахъ почему-то съ радостнымъ изумленіемъ. Всю дорогу повторялъ: «Глаза бы не глядѣли! Слезы!» Межъ тѣмъ всходило солнце, и сѣдловатый, широкозадый, шальной и оглохшій отъ старости бѣлый жеребецъ быстро и легко мчалъ по лѣснымъ дорогамъ коляску, тоже старую, но чудесную, покойную, какъ люлька. . . Давно, другъ мой, не ѣздила я въ коляскахъ!

Знакомый, у котораго я прогостилъ нѣсколько дней въ этихъ лѣсахъ, человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень любопытный, — самоучка, полуобразованный, всегда жилъ раньше въ Москвѣ, но въ прошломъ году бросилъ ее и вернулся на родину, въ свое

наслѣдственное крестьянское помѣстье. Онъ страстно ненавидитъ новую Москву и не разъ настаивалъ, чтобы я прїѣхалъ къ нему отдохнуть отъ этой Москвы, расписывалъ красоты своихъ мѣстъ. И точно, мѣста удивительныя. Представь себѣ: зажиточный поселокъ, мирный, благообразный, вообще такой, какъ будто никогда не было не только всего того, что было, но даже отмѣны крѣпостного права, нашествія французовъ; а кругомъ — заповѣдныя лѣса, глушь и тишина неопикуемая. Преобладаетъ боръ, мрачный, гулкій. И по вечерамъ въ его глубинѣ мнѣ чувствовалась не то что старина, древность, а прямо вѣчность. Зари — только клочья: только кое-гдѣ краснѣетъ изъ-за вершинъ медленно угасающій закатъ. Бальзамическое тепло нагрѣтой за день хвои мѣшается съ острой свѣжестью болотистыхъ низинъ, узкой и глубокой рѣчки, потаенные извивы которой вечеромъ холодно дымятся. Птицъ не слышно, — мертвое безмолвіе, только играютъ козодои: одинъ и тотъ же безконечный звукъ, подобный звуку веретена. А какъ совсѣмъ стемнѣетъ и выступаютъ надъ боромъ звѣзды, всюду начинаютъ орать хриплыми, блаженно-мучительными голосами филины, и въ голосахъ этихъ есть что-то недосозданное, довременное, гдѣ любовный зовъ, жуткое предвкушеніе сонтія звучитъ и хохотомъ и рыданіемъ, ужасомъ какой-то бездны, гибели. И вотъ, по вечерамъ я бродилъ въ бору подъ ворожбу козодоевъ, по ночамъ слушалъ, сидя на крылечкѣ, филиновъ, а дни посвящала зачарованному міру бывшей княжеской усадьбы. — истинно бывшей, потому что изъ ея владѣтелей не осталось въ живыхъ ни единого. . . Она несказанно прекрасна.

Дни стояли солнечные, жаркіе. И по пути въ усадьбу я шель то въ тѣни, то по солнцу, по песчаной дорогѣ, среди душно и сладко благоухающей хвои, потомъ вдоль рѣвки, по прибрежнымъ зарослямъ, выпугивая зимородковъ и глядя то на открытые затоны, сплошь покрытые бѣлыми кувшинками и усѣянные стрекозами, то на тѣнистыя стремнины, гдѣ вода была прозрачна, какъ слеза, хотя и казалась черной, и мелькали серебромъ мелкія рыбки, пучили глаза какія-то темно-зеленыя тупыя морды. . . А затѣмъ я переходилъ старинный каменный мостъ и подымался къ усадьбѣ.

Она осталась, по счастливой случайности, нетронутой, неразграбленной и въ ней есть все, что обыкновенно бывало въ подобныхъ усадьбахъ. Есть церковь, построенная знаменитымъ итальянцемъ, есть нѣсколько чудесныхъ прудовъ; есть озеро называемое Лебединымъ, а на озерѣ островъ съ павильономъ, гдѣ не однажды бывали пиры въ честь Екатерины, посѣщавшей усадьбу; дальше-же стоятъ мрачныя ущелья елей и сосенъ, такихъ огромныхъ, что шапка ломится при взглядѣ на ихъ верхушки, отягощенные гнѣздами коршуновъ, цаплей и еще какихъ-то большихъ черныхъ птицъ съ траурнымъ вѣромъ на головкахъ. Домъ, или, вѣрнѣе, дворецъ строенъ тѣмъ-же итальянцемъ, который строилъ церковь. И вотъ я входилъ въ огромныя каменные ворота, на которыхъ лежатъ два презрительно-дремотныхъ льва и уже густо растеть что-то дикое, настоящая трава забвенія, и чаще всего направлялся прямо во дворецъ, въ вестибюль котораго весь день сидѣлъ въ старинномъ атласномъ креслѣ, съ короткой винтовкой на колѣняхъ, однорукой китаецъ, такъ какъ дворецъ есть, видите-ли, теперь музей, «на-

родное достояніе» и долженъ быть подъ стражей. Ни единая не китайская душа, конечно, ни за что бы не выдержала этого идиотскаго сидѣнья въ совершенно пустомъ домѣ, — въ немъ, въ этомъ сидѣньи, было даже что-то жуткое. Но однорукій, коротконогій болванъ съ желто-деревяннымъ ликомъ сидѣлъ спокойно, курилъ махорку, равнодушно нылъ порою что-то бабье, жалостное и равнодушно смотрѣлъ, какъ я проходилъ мимо.

— Вы его, баринъ, не бойтесь, — сказалъ мнѣ про него кучеръ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ о собакахъ, — я ему скажу про васъ, онъ васъ не тронетъ.

И точно, китаецъ меня не трогалъ. Если-бы ему приказали заколоть меня, онъ, разумѣется, закололъ бы, не моргнувъ бровью. Но такъ какъ колоть меня было не надо, то онъ только сонно косился на меня, и я могъ свободно проводить цѣлые часы въ покояхъ дворца какъ дома. И я безъ конца бродилъ по нимъ, безъ конца смотрѣлъ, думалъ свои думы. . . Потолки блистали золоченой вязью, золочеными гербами, латинскими изрѣченіями. (Если бъ ты зналъ, какъ мой взглядъ отвыкъ не только отъ прекрасныхъ вещей, но даже просто отъ чистоты!). Въ лаковыхъ полахъ отсвѣчивала драгоценная мебель. Въ одномъ покоѣ высилась кровать изъ какого-то темнаго дерева, подъ балдахиномъ изъ краснаго атласа, и стоялъ венеціанскій сундукъ, открывавшійся съ таинственной сладкогласной музыкой. Въ другомъ весь простѣнокъ занимали часы съ колоколами, въ третьемъ — средневѣковый органъ. И всюду глядѣли на меня бюсты, статуи и портреты, портреты. . . Боже, какой красоты на нихъ женщины! Какіе красавцы въ мундирахъ, въ камзолахъ, въ пари-

махъ, въ брилліантахъ, съ яркими лазоревыми глазами!
И ярче и величавѣ всѣхъ Екатерина. Съ какой бла-
гостной веселостью красуется, царитъ она въ этомъ
роскошномъ кругу! А въ одномъ кабинетѣ лежитъ на
небольшомъ письменномъ столѣ и странно поражаетъ
взглядъ коричневое бревно съ золотой пластинкой, на
которой выгравировано, что это — частица флагман-
скаго корабля «Св. Евстафій», погибшаго въ битвѣ
при Чесмѣ «во славу и честь Державы Россійскія. . .»
Да, во славу и честь Державы Россійскія. . . Стран-
но это теперь звучитъ, не правда ли?

Часто бывалъ я и въ нижнихъ залахъ. Ты знаешь
мою страсть къ книгамъ, а тамъ, въ этихъ сводчатыхъ
залахъ, книгохранилище. Тамъ прохладно и вѣчная
тѣнь, окна съ желѣзными толстыми рѣшетками, а
сквозь рѣшетки видна радостная зелень кустовъ, ра-
достный солнечный день, все такой же, такой-же, какъ
я сто, двѣсти лѣтъ тому назадъ. Тамъ устроены въ
стѣнахъ ниши съ полками, и на этихъ полкахъ мерца-
ютъ тусклымъ золотомъ десятки тысячъ корешковъ,
чуть ли не все главнѣйшее достояніе русской и евро-
пейской мысли за два послѣднія вѣка. Въ одной залѣ
огромный телескопъ, въ другой гигантскій планетарій,
а на стѣнахъ снова портреты, рѣдчайшія гравюры.
Развернулъ я какъ-то одинъ изъ прелестнѣйшихъ то-
миковъ начала прошлаго столѣтія, прочиталъ на шер-
шавой бумагѣ строки:

Успокой мятежный духъ
И въ страстяхъ не сгорай,
Не тревожь меня, пастухъ,
Во свирѣль не играй, —

и долго стоялъ очарованный: какой ритмъ и какая прелесть, грація, танцующій переливъ чувствъ, заключенныхъ въ немъ! Теперь, когда отъ славы и чести Державы Россійской остались только «пупки», пишутъ иначе: «Солнце, какъ лужа кобыльей мочи. . .» А въ другой разъ мнѣ попалось подъ руку первое изданіе Баратынскаго, и я, словно нарочно, развернулъ книжку на стихахъ:

Что-жь, пусть минувшее исчезло сномъ летучимъ!
Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,
И обаяніемъ могучимъ
Исполненъ для души моей. . .

А передъ отъѣздомъ былъ я въ знаменитой церкви. Она въ лѣсу, на обрывѣ, круглая, палеваго цвѣта и сіяетъ въ синемъ небѣ золотой маковкой. Внутри ея кругъ желтоватыхъ мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ легкій куполь, полный солнца. Въ кругломъ проходѣ между колоннами и стѣнами — изображенія святыхъ со стилизованными ликами тѣхъ, кто похороненъ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью. А въ узкія окна видно, какъ вѣтеръ ворочаетъ косматыя главы сосенъ, величаво и дико раскинутыя изъ обрыва въ уровень съ окнами, и слышно пѣніе, гудъ вѣтра. Я спустился въ непроглядную темноту склепа, озаряя краснымъ огонькомъ воскового огарка громадныя мраморныя гробы, громадныя желѣзные свѣтильники и шершавое золото мозаикъ по сводамъ. Холодомъ преисподней вѣяло отъ этихъ гробовъ. Неужели и впрямь они здѣсь, тѣ красавицы съ лазоревыми глазами, что царствуютъ въ покояхъ дворца? Нѣтъ, мысль моя не

мирилась съ этимъ. . . А потомъ я опять поднялся въ церковь и долго глядѣлъ въ узкія окна на буйное и дремотное волненіе сосенъ. Какъ-то весело и горестно радовался солнцемъ забытый, навсегда опустѣвшій храмъ. Мертвая тишина царила въ немъ. За стѣнами же пѣлъ, гудѣлъ лѣтній вѣтеръ, — все тотъ-же, тотъ-же, что и двѣсти, сто лѣтъ тому назадъ. И я былъ одинъ, совершенно одинъ не только въ этомъ свѣтломъ и мертвомъ храмѣ, но какъ будто и во всемъ мірѣ. Кто же могъ быть со мною, съ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ истинно чудомъ среди цѣлаго сонма погибшихъ, среди такого великаго крушенія, равнаго которому не знаетъ человѣческая исторія!

И это было мое послѣднее посѣщеніе усадьбы. На другой день я уѣхалъ. . .

А теперь, какъ видишь, я опять въ Москвѣ. И прошло уже больше мѣсяца, какъ я вернулся, но сильное и, главное, какое-то невыразимо странное впечатлѣніе, привезенное мною, не оставляетъ меня. И я думаю, что и не оставитъ. Вѣдь то, что такъ живо и остро почувствовалъ и понялъ я во время этой поѣздки, зрѣло во мнѣ уже давнымъ давно. И не предвидится да и не можетъ быть впереди ничего, что могло бы разсвѣять мое теперешнее состояніе: они, эти люди такъ называемой новой жизни, правы — къ прежнему, къ прошлому возврата нѣтъ, и новое царить уже крѣпко, входитъ уже въ колею, въ будни. Состояніе же мое заключается въ томъ, что я непрестанно чувствую, какъ тлѣетъ, рвется самая послѣдняя связь между мною и окружающимъ меня міромъ, какъ все больше и больше отрѣшаюсь я отъ него и ухожу въ тотъ, съ которымъ связанъ былъ я не только весь свой вѣкъ, съ дѣтства,

съ младенчества, съ рожденія, но даже и до рожденія: въ «Элизей минувшаго», какъ бы въ нѣкій сонъ, блистающій подобіемъ той яркой и разительно живой жизни, въ которой застыли мертвецы съ лазурными глазами въ пустомъ дворцѣ въ подмосковныхъ лѣсахъ.

Видишь-ли, случилось, разумѣется, чудо: нѣкто, уже тлѣвшій въ смрадной могильной ямѣ, не погибъ однако до конца, подобно тысячѣ прочихъ, сваленныхъ съ нимъ въ эту яму. Онъ, къ великому своему изумленію, сталъ постепенно приходить въ себя и наконецъ совсѣмъ пришелъ и даже получилъ возможность подняться и опять выбраться на бѣлый свѣтъ. Теперь онъ опять въ средѣ живыхъ, опять пріобрѣтаетъ знакомую привычку быть какъ всѣ. — какъ будто какъ всѣ, — опять видитъ городъ, небо, солнце, опять заботится о пищѣ, объ одеждѣ, о кровѣ и даже о житейскомъ занятіи, положеніи. Но, другъ мой, проходитъ-ли даромъ челоуѣку смерть, хотя бы и временная? А главное, какъ перемѣнился, какъ сказочно перемѣнился даже самый бѣлый свѣтъ за то время, которое мы, чудомъ уцѣлѣвшіе, пребывали въ могилѣ! Такого крушенія, такой перемѣны лица земли за какія-нибудь пять лѣтъ въ исторіи, повторяю, не бывало. Представь себѣ почти мгновенную гибель всего античнаго міра — и нѣсколько челоуѣкъ, погребенныхъ подъ развалинами, подъ лавинами варварскихъ ордъ, и затѣмъ внезапно очнувшихся черезъ два, три столѣтія: что должны они чувствовать? Боже, какое, прежде всего, одиночество, какое несказанное одиночество! И вотъ уже давно стало расти во мнѣ нѣкое навожденіе. Чѣмъ больше привыкалъ я къ тому, что мое возстаніе изъ мертвыхъ есть явь, суцая правда, тѣмъ болѣе овла-

дѣвало мною чувство страшной перемѣны, происшедшей на свѣтѣ, — я, конечно, не о внѣшнемъ говорю, хотя и во внѣшнемъ мы дошли до неслыханной и уже во вѣки непоправимой мерзости, — и началъ я оглядываться кругомъ все пристальнѣе, вспоминать свою домогильную жизнь все явственнѣе. . . И росло, росло навожденіе: нѣтъ, прежній міръ, къ которому былъ причастенъ я нѣкогда, не есть для меня міръ мертвыхъ, онъ для меня воскресаетъ все болѣе, становится единственной и все болѣе радостной, уже никому недоступной обителью моей души!

Да, уѣзжая изъ Москвы, проѣзжая по ней, я почувствовалъ то, что чувствовалъ уже давно, съ особенной остротой: до чего я человѣкъ иного времени и вѣка, до чего я чуждъ всѣмъ ея «пупкамъ» и всей той новой твари, которая летаетъ по ней въ автомобиляхъ! Затѣмъ, вспомни вокзалъ, съ котораго я уѣзжалъ, вагонъ, въ которомъ я добылъ себѣ мѣсто, моего сосѣда, пившаго молоко изъ бутылки. . . Вспомни профессора съ его мѣшками, съ его научными мечтаніями и ту просьбу, по которой одиноко — о, какъ страшно одиноко! — заковылялъ онъ. . . Какъ поразили меня тѣ минуты, когда поѣздъ стоялъ на полустанкѣ, гдѣ онъ слѣзъ, эти первыя впечатлѣнія полевой тишины, лѣсной глуши, запаха березъ, цвѣтовъ, вечерней свѣжести! Боже мой, Боже мой, опять, — послѣ тысячи лѣтъ самой страшной въ мірѣ каторги! — опять это святое, чистое безмолвіе, закатывающееся за лѣсомъ солнце, даль, пролетъ въ просѣкѣ, горькіе и свѣжіе ароматы, сладкій холодокъ зари. . . И чувство моей отчужденности отъ того міра, который отнялъ у меня все, все, чѣмъ я дышалъ и жилъ, отчужденность отъ этого «совѣтска-

го» вагона, на площадкѣ котораго я стоялъ, и отъ ру-
саго мужика, который спалъ въ немъ, вдругъ приобрѣ-
ло во мнѣ такую глубину и силу, что на глаза мои на-
вернулись слезы счастья. Да, я чудомъ уцѣлѣлъ, не
погибъ, какъ тысячи прочихъ, убиенныхъ, замучен-
ныхъ, пропавшихъ безъ вѣсти, застрѣлившихся, повѣ-
сившихся, я опять живу и даже вотъ путешествую.
Но что можетъ быть у меня общаго съ этой новой
жизнью, опустошившей для меня всю вселенную! Я
живу, — и порою, какъ вотъ сейчасъ, даже въ какой-то
восторженной радости, — но съ кѣмъ и гдѣ?

И та ночь, что провелъ я на крыльцѣ трактира, тоже
была для меня только моимъ прошлымъ. Развѣ я
воспринималъ ее какъ ночь въ іюнѣ тысяча девятьсотъ
двадцать третьяго года? Нѣтъ, эта ночь была одной
изъ моихъ прежнихъ ночей. Прежнія были и зарницы,
и громъ, и свѣжій вѣтеръ, съ которымъ приближалась
гроза. . . Они и совсѣмъ увели меня въ міръ мертвыхъ,
уже навсегда и блаженно утвердившихся въ своей не-
земной обители. И теперь неотступно стоитъ передо
мною это солнечное царство лѣтнихъ дней, бора и
сказочно-спящаго дворца, затерявшагося въ бору,
этихъ воротъ со львами и бурьяномъ наверху, мрач-
ныхъ еловыхъ ущелій, обмелѣвшихъ прудовъ со стай-
ками трясогузокъ на травянистыхъ берегахъ, ѳзера,
заросшаго осокой, навсегда опустѣвшей церкви и пус-
тыхъ блистательныхъ залъ, полныхъ образами покой-
никовъ. . . Не могу тебѣ передать изумительнаго чув-
ства, все еще не покидающаго меня: до чего они ужа-
сающе живы для меня!

Помнишь-ли ты тѣ стихи Баратынскаго, изъ кото-
рыхъ я привелъ тебѣ нѣсколько строкъ и которые такъ

совпали съ тѣмъ самымъ важнымъ для всей моей те-
перешней жизни, что таится въ самомъ сокровенномъ
тайникѣ моей души? Помнишь, какъ кончается эта
элегія, посвященная предчувствію того Элизея, кото-
рый прозрѣвалъ Баратынскій подъ тяжестью своихъ
утратъ и горестей? Среди заустѣнія родныхъ мѣстъ,
среди развалинъ и могилъ, я чувствую, говоритъ онъ,
незримое присутствіе нѣкоего Призрака; и онъ, «сія
Летійская тѣнь, сей Призракъ» —

Онъ убѣдительно пророчить мнѣ страну,
Гдѣ я наслѣдую *несрочную весну*,
Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу.
Гдѣ, въ сладостной тѣни невянущихъ дубовъ,
У нескудѣющихъ ручьевъ,
Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу. . .

Заустѣніе, окружающее насъ, неописуемо, развали-
намъ и могиламъ нѣтъ конца и счета: что осталось
намъ, кромѣ «Летійскихъ Тѣней» и той «несрочной
весны», къ которой такъ «убѣдительно» призываютъ
онъ насъ?

Приморскія Альпы, 5. X. 23.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Бываетъ море бѣлое, молочное,
Всѣмъ зримый Апокалипсисъ, когда
Весь міръ одно молчаніе полночное,
Армады звѣздъ и мертвая вода:

Предвѣчное, могильное, грозящее
Созвѣдіями небо — и легко
Дымящееся жемчугомъ, лежащее
Всемирной плащаницею млеко.

28. X. 16

Ночью, звѣздной и студеной,
Въ тонкомъ сумракѣ полей —
Ослѣпительно-зеленый
Разрывающійся змѣй.

О, какая ярость злая!
Точно Дьяволъ въ древній мигъ
Низвергается, пылая,
Отъ тебя, Архистратигъ.

30. X. 16

Море, степь и южный августъ, ослѣпительный и
жаркій.

Море плавится въ заливѣ драгоцѣнной синевои.
Внизъ бѣгу. Обрывъ за мною противъ солнца желтый,
яркій,

А холмистое побережье блещетъ высохшей травой.

Внизъ сбѣжавши, отдыхаю. И лежу, и слышу лежа
Несказанное безмолвье. Лишь кузнечики сипятъ
Да печетъ нещадно солнце. И горитъ, чернѣетъ кожа,
Соннымъ хмелемъ входитъ въ тѣло огневой полднев-
ный ядъ.

Вспоминаю лѣтній полдень, небо свѣтлое... Въ
просторѣ

Свѣта, воздуха и зноя, стройно, молодо, легко
Ты выходишь изъ кабинки. Подъ тобою, въ сваяхъ,
море,

Подъ ногой горячій мостикъ... Этотъ полдень далеко...

Вотъ опять я молодъ, воленъ, — миновало наше лѣто...
Мотыльки горячимъ роемъ осыпаютъ предо мной
Пересохшіе бурьяны. И раскрыта и нагрѣта
Опустѣвшая кабинка... Въ мѣрѣ радость, свѣтъ и зной.

На половину вырубленный лѣсъ,
Высокія дрожащія осины
И розовая облачность небесь:
Ночной порой изъ сумрачной лощины
Въѣзжаю на отлогій косогоръ
И вижу заалѣвшія вершины,
Съ таинственною нѣжностью, въ упоръ
Далекимъ озаренныя пожаромъ.
Остановясь, оглядываюсь: да,
Пожаръ! Но гдѣ? Опять у насъ, — недаромъ
Вчера былъ сходъ! И крѣпко повода
Натягиваю, слушая неясный,
На дождь похожій, лепетъ въ вышинѣ,
Такой дремотно-сладкій и безстрастный
Къ тому, что тамъ и что такъ страшно мнѣ.

27. VI. 17

УКОРЫ

Море съ голой степью говорило:
— «Это ты меня солончаками
И полынью горькой отравила,
Жарко дую жесткими песками!

Я-ли не Господняя криница?
Да не пьеть ни дикій звѣрь, ни птица
Изъ волны моей солено-жгучей,
Гдѣ остался твой песокъ летучій!»

Отвѣчаетъ степь морской пустынь:
— «Не по мнѣ-ли, море, ты ходило,
Не по мнѣ-ли, въ кипени и сини,
За волной волну свою катило?»

Я-ли виновата, что осталась,
Въ часъ, когда со мной ты разставалось,
Бѣлой солью кипень снѣговая,
Голубой полынью синь живая?»

ЗМѢЯ

Зашелестѣла тонкая трава,
Струєю темной побѣжала —
И вдругъ взвилась и смотритъ цифра 2,
Какъ волосокъ, трепещетъ жало. . .

Исчадіе, проклятое въ раю,
Какое наслажденіе расплющить
Головку копьевидную твою,
Твой ликъ раскосый и зовущій!

25. VIII. 17

Вотъ знакомый погостъ у цвѣтной Средиземной волны,
Черный рядъ кипарисовъ въ квадратъ высокой стѣны,
Бѣлизна мавзолеевъ, блестящихъ на солнцѣ кругомъ,
Зимній холодъ мистраля, пригрѣтый весеннимъ
тепломъ,
Шумъ и свѣжесть валовъ, что, какъ сосны, шумятъ за
стѣной,
И небесъ гіацинтъ въ снѣговыхъ облакахъ надо мной.

29. VIII. 17

Видъ на заливъ изъ садика таверны.
Въ простомъ винѣ, что взялъ я на обѣдъ,
Есть странный вкусъ — вкусъ виноградно-сѣрный —
И розоватый цвѣтъ.

Пью подъ дождемъ, — весна здѣсь прихотлива,
Миндаль цвѣтетъ на Капри въ холода, —
И смутно въ синеватой мглѣ залива
Далекіе бѣлѣютъ города.

10. IX. 17

Роняя снѣгъ, проходятъ тучи,
И солнце рѣзко золотитъ
Умбрійскихъ горъ нагія кручи,
Сухой кустарникъ и гранитъ.

И часто въ тучахъ за горами
Обрывки радуги цвѣтутъ —
Святыя нимбы надъ главами
Анахоретовъ, жившихъ тутъ.

12. IX. 17

ЛУНА

Настанетъ Ночь моя, Ночь долгая, нѣмая.
Тогда велитъ Господь, творящій чудеса,
Свѣтилу новому взойти на небеса.

— Сіяй, сіяй, Луна, все выше поднимая
Свой, Солнцемъ данный, ликъ. Да будетъ міру вѣсть,
Что День мой догорѣлъ, но слѣдъ мой въ мірѣ — есть.

15. IX. 17

ЭПИТАФІЯ

На землѣ ты была точно дивная райская птица
На вѣтвяхъ кипариса, среди золоченыхъ гробницъ.
Юный голосъ звучалъ какъ въ полуденной рошѣ
цвѣвница
И лучистыя солнца сіяли изъ черныхъ рѣсницъ.
Рокъ отмѣтилъ тебя. На землѣ ты была не жилища.
Красота лишь въ Эдемѣ не знаетъ запретныхъ границъ.

19. IX. 17

Золотыми цвѣтутъ остріями
У кровати полночныя свѣчи.
За открытымъ окномъ, въ черной ямѣ,
Шепчетъ садъ беспокойныя рѣчи.

Эта тьма, дождевая, сырая,
Вѣтъ въ горницу свѣжимъ дыханьемъ —
И цвѣты, золотясь, выростая,
На лазурномъ дрожать основаньи.

Засыпаю въ постели прохладной,
Очарованъ ихъ дрожью растущей.
Молодой, беззаботный, съ отрадной
Думой-пѣсней о пѣснѣ грядущей.

19. IX. 17

СВѢТЪ НЕЗАКАТНЫЙ

Тамъ, въ поляхъ, на погостѣ,
Въ рошѣ старыхъ березъ,
Не могилы, не кости —
Царство радостныхъ грезъ.
Лѣтній вѣтеръ мотаетъ
Зелень длинныхъ вѣтвей —
И ко мнѣ долетаетъ
Свѣтъ улыбки твоей.
Не плита, не Распятые —
Предо мной до сихъ поръ
Институтское платье
И сіяющій взоръ.
Развѣ ты одинока?
Развѣ ты не со мной
Въ нашемъ прошломъ, далекомъ,
Гдѣ и я былъ иной?
Въ мірѣ круга земного,
Настоящаго дня,
Молодого, бывшего
Нѣтъ давно и меня!

О радость красокъ! Снова, снова
Лазурь сквозь яркій желтый садъ
Горить такъ дивно и лилово,
Какъ будто ангелы глядятъ.

О радость радостей! Нѣтъ, знаю,
Нѣтъ, вѣрю, Господи, что Ты
Вернешь къ потерянному раю
Мои томленья и мечты!

24. IX. 17

Стали дымомъ, стали выше
Облака, — лазурь сквозить
И на шиферныя крыши
Голубой водой скользить.

Что съ того, что крыши стары
И весенній воздухъ сыр!
Даже запахомъ сигары
Снова сладокъ Божій міръ.

27. IX. 17

Ранній, чуть видный разсвѣтъ,
Сердце шестнадцати лѣтъ.

Сада дремотная мгла
Липовымъ цвѣтомъ тепла.

Тихъ и таинствененъ домъ
Съ крайнимъ завѣтнымъ окномъ.

Штора въ окнѣ, а за ней
Солнце вселенной моей.

27. IX. 17

Мы рядомъ шли, но на меня
Уже взглянуть ты не рѣшалась,
И въ вѣтрѣ мартовскаго дня
Пустая наша рѣчь терялась.

Бѣлѣли стужей облака
Сквозь садъ, гдѣ падали капли,
Блѣдна была твоя щека
И какъ цвѣты глаза синѣли.

Уже полураскрытыхъ устъ
Я избѣгалъ касаться взглядомъ,
Но былъ еще блаженно пустъ
Тотъ дивный міръ, гдѣ шли мы рядомъ.

28. IX. 17

Бѣлыя круглятся облака,
Небо въ нихъ сгущается, чернѣя. . .
Какъ весной стройна и высока
Въ этомъ небѣ мраморномъ аллея!

Сѣрый стволъ на солнцѣ позлащенъ,
А вершины встали сизымъ дымомъ. . .
Помню, помню: жаркій день подъ Римомъ,
Мраморный апрѣльскій небосклонъ. . .

29. IX. 17

Мы сѣли у печки въ прихожей,
Одни, при угасшемъ огнѣ,
Въ старинномъ заброшенномъ домѣ,
Въ степной и глухой сторонѣ.

Жаръ въ печкѣ угрюмо краснѣетъ,
Въ холодной прихожей темно,
И сумерки, съ ночью мѣшаясь,
Могильно синѣютъ въ окно.

Ночь — долгая, хмурая, волчья,
Кругомъ все снѣга и снѣга,
А въ домѣ лишь мы да иконы
Да жуткая близость врага.

Презрѣннаго, дикаго вѣка
Свидѣтелемъ быть мнѣ дано,
И въ сердцѣ моемъ такъ могильно,
Какъ мерзлое это окно.

30. IX. 17

Сорвался вихрь, промчалъ изъ края въ край
По рошамъ пальмъ кипящій ливень дымомъ —
И снова солнце въ блескъ нестерпимомъ
Ударило на зелень мокрыхъ вай.

И туча, противъ солнца смоляная,
Надъ рощами вздвигалась какъ стѣна
И радуга горитъ на ней цвѣтная,
Какъ входъ въ Эдемъ роскошна и страшна.

1. X. 17.

Осенній день. Степь, балка и корыто.
Рогатый воль, большой соловый быкъ,
Скользнувъ въ грязи и раздвоивъ копыто,
Къ водѣ ноздрями влажными приникъ:

Сосеть и смотритъ свѣтлыми глазами,
Закинувъ хвостъ на свой костлявый задъ,
Какъ вдоль бугра, въ пустой небесный скатъ.
Бредутъ хохлы за тяжкими возами.

1. X. 17

Щеглы, ихъ звонъ, стеклянный, неживой,
И клень надъ облетѣвшею листвою,
На пустотѣ лазоревой и чистой,
Уже весь голый, легкій и вѣтвистый. . .
О, мука мукъ! Что надо мнѣ, ему,
Щегламъ, листвѣ? И развѣ я пойму,
Зачѣмъ я долженъ радость этой муки,
Вотъ этотъ небосклонъ и этотъ звонъ
И темный смыслъ, которымъ полонъ онъ,
 Вмѣстить въ созвучіи и звуки?
Я долженъ взять — и, разгадавъ, отдать,
 Мнѣ кто-то долженъ сострадать,
Что пригрѣваетъ солнце низкимъ свѣтомъ
Меня въ саду, просторномъ и раздѣтомъ,
 Что озаряетъ желтая листва
Вѣтвистый клень, что я едва-едва,
Бродя въ восторгѣ по саду пустому,
Мою тоску даю понять другому. . .
— Беру большой зубчатый листь съ тугимъ
Пурпурнымъ стеблемъ, — пусть въ моей тетради
Останется хоть память вмѣстѣ съ нимъ
 Объ этомъ свѣтломъ вертоградѣ
Съ травой, хрустящей бѣлымъ серебромъ,
О пустотѣ, сіяющей надъ кленомъ
 Безжизненно-лазоровымъ шатромъ,
И о щеглахъ съ хрустально-мертвымъ звономъ!

з. X. 17

Этой краткой жизни вѣчнымъ измѣненъемъ
Буду неустанно утѣшаться я, —
Этимъ раннимъ солнцемъ, дымомъ надъ селеньемъ,
Въ свѣжемъ паркѣ листьевъ медленнымъ паденьемъ
И тобой, знакомая, старая скамья.

Будущимъ поэтамъ, для меня безвѣстнымъ,
Богъ оставитъ тайну — память обо мнѣ:
Стану ихъ мечтами, стану безтѣлеснымъ,
Смерти недоступнымъ, — призракомъ чудеснымъ
Въ этомъ паркѣ розовомъ, въ этой тишинѣ.

10. X. 17

Какъ въ апрѣлѣ по ночамъ въ аллеѣ,
И все тоньше верхнихъ сучьевъ дымъ
И все легче, ближе и виднѣе
Поблѣднѣвшій небосклонъ за нимъ.

Этотъ верхъ въ созвѣздыяхъ, въ ихъ узорахъ,
Дымчатый, воздушный и сквозной,
Этихъ листьевъ подъ ногами шорохъ,
Эта грусть — все то же, что весной.

Снова наканунѣ. И съ годами
Сердце не считается. Иду
Молодыми, легкими шагами —
И опять, опять чего то жду.

10. X. 17

Звѣзда дрожитъ среди вселенной. . .
Чьи руки дивныя несутъ
Какой-то влагой драгоцѣнной
Столь переполненный сосудъ?

Звѣздой пылающей, потиромъ
Земныхъ скорбей, небесныхъ слезъ
Зачѣмъ, о Господи, надъ міромъ
Ты бытіе мое вознесъ?

22. X. 17

Въ дачномъ креслѣ, ночью, на балконѣ. . .
Океана колыбельный шумъ. . .
Будь довѣрчивъ, кротокъ и спокоенъ,
Отдохни отъ думъ.

Вѣтеръ проходящій, уходящій,
Вѣющій безбрежностью морской. . .
Есть ли Тотъ, Кто этой дачи спящей
Сторожить покой?

Есть ли Тотъ, Кто должной мѣрой мѣритъ
Наши знанья, судьбы и года?
Если сердце хочетъ, если вѣритъ,
Значить — да.

То, что есть въ тебѣ, вѣдь существуетъ.
Вотъ ты дремлешь и въ глаза твои
Такъ любовно мягкій вѣтеръ дуетъ —
Какъ-же нѣтъ Любви?

9. VII. 18

И цвѣты, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной. . .
Срокъ настанетъ — Господь сына блуднаго спросить:
«Быль ли счастливъ ты въ жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вотъ эти
Полевые пути межъ колосьевъ и травъ —
И отъ сладостныхъ слезъ не успѣю отвѣтить,
Къ милосерднымъ колѣнямъ припавъ.

14. VII. 18

Древняя обитель супротивъ луны
На лѣсистомъ взгорьѣ, надъ рѣчными водами.
Блѣдно-синеватый мѣлъ ея стѣны,
Мраморъ неба, бѣлый, съ синими разводами.

А на этомъ небѣ, въ этихъ облакахъ,
Глубину небесную въ черноту сгущающихъ, —
Храмы въ златокованныхъ мелкихъ шишакахъ,
Райскою красою за стѣной мерцающихъ.

20. VII. 18

На дачѣ тихо, ночь темна,
Туманны звѣзды голубыя,
Вдыхая, ширится волна,
Цвѣты качаются слѣпые,

И часто съ вѣтромъ, до скамьи,
Какъ нѣкій духъ въ эфирной плоти,
Доходятъ свѣжія струи
Волны, вдыхающей въ дремотѣ.

18. IX. 18

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

У райской запретной стѣны,
Въ часъ полуденный,
Адамій съ женой Еввой скорбитъ:
Высока, бѣла стѣна райская,
Еще выше того черные купарисы за ней,
Густа, ярка синь небесная;
На той-ли стѣнѣ павлины сидятъ,
Хвосты цвѣтутъ ярю-зеленю,
Головки въ зубчатыхъ вѣничкахъ;
На тѣхъ-ли купарисахъ птицы вѣщія
Съ очами дивными и грозными,
Съ голосами ангельскими,
Съ красою женскою,
На головкахъ свѣчи восковыя теплятся
Золотомъ-пламенемъ;
За тѣми купарисами пахучими —
Бѣлый соборъ апостольскій,
Бѣлый храмъ въ золоченыхъ маковкахъ,
Обитель отчая
Со духи праведныхъ,
Убиенныхъ Антихристомъ:
— Исусе Христе, Миленькій!
Прости душу непотребную!
Вороти въ обитель отчую!

12. IX. 19

МОСКВА

Темень, холодъ, предразсвѣтнѣй
Ранній часть.

Храмъ невзрачный, непримѣтный,
Въ узкихъ окнахъ точки желтыхъ глазъ.

Опустѣла, оскудѣла паперть,
Въ храмѣ тоже пустота,
Черная престоль покрыла скатерть,
За завѣсой царскія врата.

Въ храмѣ стѣны потомъ плачуть,
Тусклы ризы алтарей.
Нищіе въ лохмотья руки прячуть,
Робко жмутся у дверей.

Темень, холодъ, буйныхъ галокъ
Ранній крикъ.
Снѣжный городъ древень, мрачень, жалокъ,
Нищъ и дикъ.

РУССКАЯ СКАЗКА

В о р о н ь

Ну, что, бабушка, какъ спасаешься?
У тебя-ль не рай, у тебя-ль не медь?

Я г а

Ахъ, залетный гость! Издѣваешься!
Ужь какой тамъ медь — шкуру песь дереть!
Льсь гудить, свистить, нагоняетъ сонъ,
Ночь и день стоитъ надъ волной туманъ,
Окруженъ со всѣхъ съ четырехъ сторонъ
Тьмой да мгой сырой островокъ Буянь.
А еще темнѣй мой прогнившій срубъ,
Гдѣ ни вздуть огня, ни топить не смѣй,
А въ окно глядитъ только голый дубъ,
Подъ какимъ яйцо закопалъ Кошей.
Я состарилась, изболѣла вся,
Сохраняючи чортовъ тотъ ларець!
Будь огонь въ свѣтцѣ — я-бъ погрѣлася,
Будь капустный клокъ — похлебала-бъ щецъ.
Да огонь-то, вишь, въ океанѣ — вѣсть,
Да не то что щецъ — нѣту прѣлыхъ лыкъ!

В о р о н ь

Чортъ тебѣ велѣлъ къ чорту въ слуги лѣзть,
Дура старая, неразумный шлыкъ!

У птицы есть гнѣздо, у звѣря есть нора.

Какъ горько было сердцу молодому,
Когда я уходилъ съ отцовскаго двора,
Сказать прости родному дому!

У звѣря есть нора, у птицы есть гнѣздо.

Какъ бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, въ чужой, наемный домъ
Съ своей ужъ ветхою котомкой!

25. VI. 22

МОРФЕЙ

Прекрасенъ твой вѣнокъ изъ огненнаго мака,
Мой Гость таинственный, жилецъ земного мрака.
Какъ блѣдень смуглый ликъ, какъ дологъ грустный
взоръ,

Глядящій на меня и кротко и въ упоръ,
Какъ страшень смертному безгласный часъ Морфея!

Но сказочно цвѣтеть, во мракъ пламенья,
Божественный вѣнокъ и къ радостной странѣ
Уводитъ онъ меня, гдѣ все доступно мнѣ,
Гдѣ нѣтъ преградъ земныхъ моимъ надеждамъ
вешнимъ,

Гдѣ снюсь я самъ себѣ далекимъ и нездѣшнимъ,
Гдѣ не дивить ничто — ни даже ласки той,
Съ кѣмъ Богъ насъ раздѣлилъ могильною чертой.

СИРИУСЪ

Гдѣ ты, звѣзда моя завѣтная,
Вънецъ небесной красоты?
Очарованье безотвѣтное
Снѣговъ и лунной высоты?

Гдѣ вы, скитанія полночныя
Въ равнинахъ свѣтлыхъ и нагихъ,
Надежды, думы непорочныя
И радость вымысловъ моихъ?

Пылай, играй стоцвѣтной силою,
Неугасимая звѣзда,
Надъ дальнею моею могилою,
Забытой Богомъ навсегда!

22. VIII. 22

О, слезъ невыплаканныхъ ядъ!
О, тщетной ненависти пламень!
Блаженъ, кто раздробить о камень
Твоихъ, Блудница, новыхъ чадъ,
Рожденныхъ въ лютыя мгновенья
Твоихъ утѣхъ — и нашихъ мукъ!

Блаженъ тебя разящій лукъ
Господняго святаго мщенья!

22. VIII. 22

Душа навѣки лишена
Былыхъ надеждъ, любви и вѣры.
Потери намъ даны безъ мѣры,
Презрѣнье къ ближнему — безъ дна.

И что мнѣ будущее благо
Россіи, Франціи! Пускай
Любая буйная ватага
Трамвай захватываетъ въ рай.

25. VIII. 22

Зачѣмъ плѣняется старая могила
Блаженными мечтами о быломъ?
Зачѣмъ зеленымъ клонится челою
Та ива, что могилу осѣнила,
Такъ горестно, такъ нѣжно и свѣтло,
Какъ будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И въ лонѣ всепрощенія, забвенья
Небесными цвѣтами поросло?

25. VIII. 22

Въ полночный часъ я встану и взгляну
На блѣдную высокую луну
И на заливъ подъ нею и на горы,
Мерцающія снѣгомъ вдалекѣ. . .
Внизу вода чуть блещетъ на песокъ,
А дальше муть, свинцовые просторы,
Холодный и туманный океанъ. . .

Позналъ я, какъ ничтожно и не ново
Пустое человѣческое слово,
Позналъ надеждъ и радостей обманъ,
Тщету любви и терпкую разлуку
Съ послѣдними, немногими, кто миль,
Кто близостью своею облегчилъ
Ненужную для міра боль и муку,
И эти одинокіе часы
Безмолвнаго полуночнаго бдѣнья,
Презрѣнія къ землѣ и отчужденья
Отъ всей земной безсмысленной красы.

25. VIII. 23

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утро дней моихъ,
Толпились какъ стада оленей
У заповѣдныхъ водъ рѣчныхъ:

Малѣйшій звукъ въ зеленой чащѣ —
И вся ихъ чуткая краса,
Весь сонмъ блаженный и дрожащій
Ужъ мчался молніей въ лѣса!

26. VIII. 22

Все снится мнѣ заросшая травой,
Въ глуши далекой и лѣсистой,
Развалина часовни родовой.
Все слышу я, вступая въ этотъ мшистый
Приютъ церковно-гробовой,
Все слышу я: «Оставь ихъ міръ нечистый
Для тишины сей вѣковой!
Мечъ нашей славы, мечъ священный
Сними съ бедра, — онъ лишній въ эти дни,
Въ твой вѣкъ безстыдный и презрѣнный.
Передъ Распятымъ голову склони
Въ знакъ обрученія со схимой,
Съ затворомъ межъ гробами, — и храни
Обѣтъ въ душѣ ненарушимо.»

27. VIII. 22

Печаль рѣсницъ, сіяющихъ и черныхъ,
Алмазы слезъ, обильныхъ, непокорныхъ,
И вновь огонь небесныхъ глазъ,
Счастливыхъ, радостныхъ, смиренныхъ —
Все помню я. . . Но нѣтъ ужъ въ мірѣ насъ,
Когда-то юныхъ и блаженныхъ!

Откуда-же являешься Ты мнѣ?
Зачѣмъ-же воскресаетъ Ты во снѣ,
Несрочной прелестью сіяя,
И дивно повторяется восторгъ,
Та встрѣча, краткая, земная,
Что Богъ намъ далъ и тотчасъ вновь расторгъ?

27. VIII. 22

ВЕНЕЦІЯ

Колоколовъ средневѣковый
Пѣвучій зовъ, печаль времянь,
И счастье жизни вѣчно новой,
И о быломъ счастливый сонъ.

И чья-то кротость, всепрощенье
И утѣшенье: все пройдетъ!
И золотыя отраженья
Дворцовъ въ лазурномъ глянуцѣ водъ.

И дымка млечнаго опала,
И солнце, смѣшанное съ нимъ,
И встрѣчный взоръ, и опахало,
И ожерелье изъ коралла
Подъ катафалкомъ водянымъ.

28. VIII. 22

Шепнуть заклятіе при блескѣ
Звѣзды падучей я успѣлъ,
Да кто измѣнитъ нашъ удѣлъ?
Все тѣ же топи, перелѣски,
Все та же полночь, дичь и глушь...
А если бѣ даже Божья сила
И помогла, осуществила
Надежды нашихъ темныхъ душъ,
То что съ того?

Ужъ нѣтъ возврата
Къ тому, чѣмъ жили мы когда-то.
Потерь не счесть, не позабыть,
Пощечинъ отъ солдатъ Пилата
Ничѣмъ не смыть — и не простить.
Какъ не простить ни мукъ, ни крови,
Ни содроганій на крестѣ
Всѣхъ убіенныхъ во Христѣ,
Какъ не принять грядущей нови
Въ ея отвратной наготѣ.

28. VIII. 22

ВХОДЪ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя Господне!»
И съ яростнымъ хрипомъ въ груди,
Съ огнемъ преисподней
Въ сверкающихъ гнойныхъ глазахъ,
Вздувая всѣ жилы на шеѣ,
Вопя все грознѣе,
Калѣка кидается въ прахъ
На колѣни,
Пробившись сквозь шумный народъ,
Ощеривши ротъ,
Щербатый и въ пѣнѣ,
И руки раскинувъ съ мольбой —
О мщеньи, о мщеньи,
О пирѣ кровавомъ для всѣхъ обойденныхъ судьбой —
И Ты, Всеблагой,
Свѣте тихій вечерній,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взоръ,
Ты вступаешь на кроткомъ осяти
Въ роковыя врата — на позоръ,
На пропятъе!

29. VIII. 22

Въ геліотроповомъ свѣтѣ молній летучихъ
На небесахъ раскрывались дымныя тучи,
На косогорѣ далекомъ — призракъ дубравы,
Въ мокромъ логу передъ домою — бѣлыя травы.

Молніи мракомъ топило, съ грохотомъ грома
Ливень свергался на крышу полночнаго дома —
И металлически страшно, въ дикой печали,
Гуси изъ мрака кричали.

30. VIII. 22

ПАНТЕРА

Черна, какъ копь, гдѣ солнце, гдѣ алмазь.
Брезгливый взглядъ полузакрытыхъ глазъ
Тоится, пьянь, мерцаетъ то угрозой,
То роковой и неотступной грезой.

Томятъ, пьянятъ короткіе круги,
Размѣренно-неслышные шаги, —
Вотъ въ царственномъ презрѣніи ложится
И вновь въ себя, въ свой жаркій сонъ глядится.

Сощуривши, глаза отводитъ прочь,
Какъ бы слѣпить ихъ этотъ сонъ и ночь,
Гдѣ черныхъ копей знойное горнило,
Гдѣ жгучихъ солнць алмазная могила.

9. IX. 22

Была весна и жизнь была легка,
Зіяла адомъ свѣжая могила,
Но жизнь была легка, какъ облака,
Какъ тотъ дымокъ, что вѣялъ изъ кадила.

Земля, какъ зацвѣтающая новь,
Блаженная, лежала предо мною —
И первый стихъ и первая любовь
Пришли ко мнѣ съ могилой и весною.

И это ты, простой степной цвѣтокъ,
Забытый мной, отцвѣтшій и безвѣстный,
На утрѣ дней попрала смерть, какъ Богъ,
И увела въ міръ вѣчный и чудесный!

9. IX. 22

ПЪТУХЪ НА ЦЕРКОВНОМЪ КРЕСТЪ

Плыветъ, течеть, бѣжитъ ладьей
И какъ высоко надъ землей!
Назадъ идетъ весь небосводъ,
А онъ впередъ — и все поеть.

Поеть о томъ, что мы живемъ,
Что мы умремъ, что день за днемъ
Идутъ года, текутъ вѣка —
Вотъ какъ рѣка, какъ облака.

Поеть о томъ, что все обманъ,
Что лишъ на мигъ судьбою данъ
И отчій домъ, и милый другъ,
И кругъ дѣтей, и внуковъ кругъ.

Поеть о томъ, что держитъ бѣгъ
Въ чудесный край его ковчегъ,
Что вѣченъ только мертвыхъ сонъ
Да Божій храмъ, да крестъ, да онъ.

ВСТРѢЧА

Ты на плечѣ, рукою обнаженной,
Отъ зноя темной и худой,
Несешь кувшинъ изъ глины обожженной,
Наполненный тяжелою водой.
Съ нагихъ холмовъ, гдѣ стелются сухіе
Сѣдые злаки и полынь,
Глядишь въ просторъ пустынной Куманіи,
Въ морскую вечерѣющую синь.
Все та же ты, какъ въ сказочные годы!
Все тѣ же губы, тотъ же взглядъ,
Исполненный и рабства и свободы,
Умершій на землѣ уже стократъ.
Все тотъ же зной и дикій запахъ лука
Въ тѣлесномъ запахѣ твоємъ,
И та же мучить сладостная мука, —
Безплодное томленіе о немъ.
Черезъ вѣка найду въ пустой могилѣ
Твой крестъ серебряный, и вновь,
Вновь оживетъ мечта о древней были,
Моя неутоленная любовь,
И будетъ вновь въ морской вечерней сини,
Въ ея задумчивой дали,
Все тотъ же зовъ, печаль временъ, пустыни
И красота полуденной земли.

12. X. 22

Льетъ безъ конца. Въ лѣсу туманъ.
Качаютъ елки головою:
«Ахъ, Боже мой!» — Лѣсъ точно пьянъ,
Пресыщенъ влагой дождевою.

Въ сторожкѣ темной у окна
Сидить и ложкой бьетъ ребенокъ.
Мать на печи, — — все спить она,
Въ сырыхъ сѣняхъ мычить теленокъ.

Въ сторожкѣ грусть, мушиный гудъ. . .
— Зачѣмъ въ лѣсу звенить овсянка,
Грибы растутъ, цвѣты цвѣтутъ
И травы ярки, какъ медянка?

— Зачѣмъ подъ мѣрный шумъ дождя,
Томясь всѣмъ міромъ и сторожкой,
Большеголовое дитя
Долбитъ о подоконникъ ложкой?

Мычить теленокъ, какъ нѣмой,
И клонять горестныя елки
Свои зеленыя иголки:
«Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!»

10. V. 23

Ужъ какъ на-морѣ, на-морѣ,
На синемъ камени,
Нагая краса сидитъ,
Бѣлыя ноги въ волнѣ студитъ,
Зазываетъ съ пути корабельщиковъ:
— «Корабельщики, корабельщики!
Что вы по свѣту ходите,
Понапрасну ищите
Самоцвѣтнаго яхонта-жемчуга?
Есть одна въ морѣ жемчужина —
Моя бѣлая краса,
Уста жаркія,
Груди холодныя,
Ноги легкія,
Лядвіи тяжелыя!
Есть одна утѣха не постылая —
На рукѣ моей спать-почивать,
Слушать пѣсни мои унывныя!»
Корабельщики плывутъ, не слушаютъ,
А на сердцѣ тоска-печаль,
На глазахъ слезы горячія.
Ту тоску не заспать, не забыть
Ни въ пути, ни въ пристани,
Не отдумать до-вѣку.

ДОЧЬ

Все снится: дочь есть у меня,
И вотъ я, съ нѣжностью, съ тоской,
Дождался радостнаго дня,
Когда ее къ вѣнцу убрали,
И самъ, неловкою рукой,
Поправилъ газъ ея вуали.

Глядѣть на чистое чело,
На робкій блескъ невинныхъ глазъ
Мнѣ почему-то тяжело,
Но все жъ блѣднѣю я отъ счастья,
Крестя ее въ послѣдній часъ
На это женское причастье.

Что снится мнѣ потомъ? Потомъ
Она ужъ съ нимъ, — какъ страшень онъ! —
Потомъ мой опустѣвшій домъ —
И чувствомъ молодости странной,
Какъ будто послѣ похоронъ,
Кончается мой сонъ туманный.

7. VI. 23

«Опять холодныя сѣдя небеса,
Пустынныя поля, набитыя дороги,
На рыжіе ковры похожіе лѣса
И тройка у крыльца и слуги на порогѣ...»

— Ахъ, старая наивная тетрадь!
Какъ смѣлъ я въ тѣ года гнѣвить печалью Бога?
Ужъ больше не писать мнѣ этого «опять»
Передъ счастливою осеннею дорогой!

7. VI. 23

Одно лишь небо, свѣтлое, ночное,
Да ясный кругъ луны
Глядитъ всю ночь въ отверстіе пустое,
Въ руину сей стѣны.

Свѣжо тутъ дуетъ вѣтеръ изъ простора
Сарматскихъ дикихъ мѣстъ
И буйный шумъ, подобный шуму бора,
Всю ночь стоитъ окрестъ:

То Понтъ кипитъ, въ пескахъ могилы роетъ,
Ярится при лунѣ —
И волосы утопленниковъ моетъ,
Влача ихъ по волнѣ.

10. VI. 23

ДЕНЬ ПАМЯТИ ПЕТРА

«Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія...»

О, если бъ узы гробовыя
Хоть на единый мигъ земной
Поэтъ и Царь расторгли нынѣ!
Гдѣ Градъ Петра? И чьей рукой
Его краса, его твердыни
И алтари разорены?

Хлябь, хаосъ — царство Сатаны,
Губящаго слѣпой стихіей.
И вотъ дохнулъ онъ надъ Россіей,
Возсталъ на Божій строй и ладъ —
И скрылъ пучиной окаянной
Великій и священный Градъ,
Петромъ и Пушкинымъ созданный.

И все-жъ придетъ, придетъ пора
И воскресенья и дѣянья,
Прозрѣнія и покаянья.
Россія! Помни-же Петра.
Петръ значитъ Камень. Сынъ Господній
На Камени созиждетъ храмъ
И скажетъ: «Лишь Петру я дамъ
Владычество надъ преисподней.»

28. I. 25

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Роза Іерихона	7
Третьи пѣтухи	9
Исходъ	13
Готами	23
Метеоръ	28
Темиръ-Аксакъ-Ханъ	35
Ночь отреченія	40
Безумный художникъ	43
Косцы	57
О дуракѣ Емельѣ	64
Конецъ	76
Звѣзда любви	88
Преображеніе	94
Далекое	100

Неизвѣстный другъ	111
Въ ночномъ морѣ	125
Въ нѣкоторомъ царствѣ	137
Огнь пожирающій	141
Несрочная весна	151
Стихотворенія	167

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. O.
BERLIN W 15
MEINEKESTRASSE 19

Для Франціи и Бельгіи:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI
9, RUE DE L'EPERON